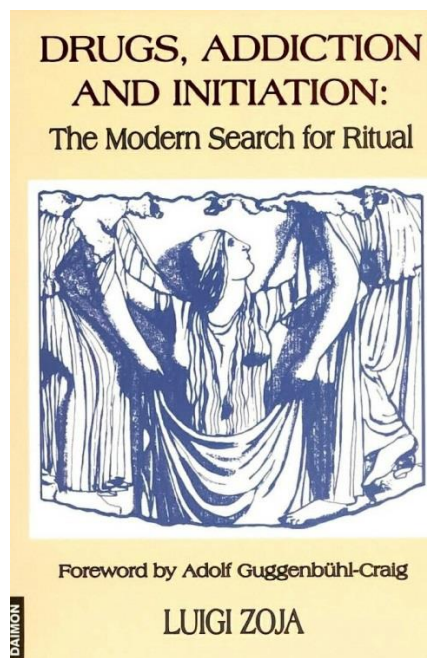

Луиджи Зойя

НАРКОМАНИЯ

ПАТОЛОГИЯ ИЛИ ПОИСК ИНДИВИДУАЦИИ

Отношение к проблеме наркотиков и наркозависимости в западном обществе значительно изменялось в течение второй половины XX века. От поэтизации темы, характерной для богемы середины века, к протестным культурам 60-х и 70-х, до современного представления о наркомане как маргинале, отторгнутом обществом. Однако под каким бы предлогом ни приходил бы человек к наркотику, в результате он вынужден был либо искать лечения, либо погибнуть.

Давно было известно, что наркомания не сводится исключительно к проблеме физиологической зависимости от наркотика.

О глубинных причинах возникновения наркомании и аналитических способа борьбы с ней написана работа Луиджи Зойя.

В дополнение к ней, читатель найдет обширную статью Юлии Власовой, практикующего аналитика, работающего с наркоманами в России.

Представленные точки зрения и практические рекомендации будут равно интересны и практикующему психологу и читателю, размышляющему о культурных установках современного общества. Или, быть может, приведенные здесь соображения помогут кому-то избежать пагубного погружения в мир наркотика.

Предисловие

- Глава 1. Введение
- Глава 2. Размышления над проблемой

Наркоман и Анализ

Отрицательный герой

- Глава 3. Архетипические фантазии, лежащие в основе наркозависимости
- Глава 4. Наркотики и общество

Обращение к наркотикам как коллективная психологическая потребность

Наркозависимость и социальный кризис

Ассасины

- Глава 5. Смерть и возрождение, и смерть при возрождении

Смерть эго

Отрицательное посвящение

- Глава 6. История Карло

Анамнез и обряды, связанные с потреблением наркотиков

Сновидения и исцеление

- Глава 7. От посвящения до потребительской идеологии

Потребительский мир

Жертвоприношение и самопожертвование

Суррогат религиозного опыта

- Глава 8. Возрождение сегодня

Обсуждение типов наркотиков

Препятствия к посвящению в плюралистическом обществе

Влюбленность и посвящение

Индивидуальное чувство ритуала

- Зеркало демиурга (Ю. Власова)
Выздоровление наркозависимого: сопровождение на пути Индивидуации
- Отражение Силуэта
- Отражение Теней
- Отражение Персоны
- Отражение Родителей
- Отражение Призраков
- Отражение Ночи
- Отражение Отражений
- Отражение Дитя
- Отражение Я
- Отражение Былого
- Отражение Тела
- Отражение Любви
- Отражение Богов
- Отражение Игры
- Отражение Вопросов

Предисловие

Отношение к наркотической зависимости постоянно меняется — так сильно, что об этом можно говорить как о модной теме. 15 лет назад прием наркотиков практически стал культом. Пророки вроде Тимоти Лири говорили о «расширении сознания», а молодежь всех сословий следовала за наркоапостолами, такими как Пьер Пайперс из Хамелина. Я вспоминаю интервью с молодой парой, принимающей наркотики. Когда обсуждались возможные вредные последствия приема наркотиков, это казалось им совершенно непонятным. Хорошее может привести только к хорошему результату. Наркотическая эйфория — это нечто изумительное, так что было бы против закона природы, если бы это чудо приводило к пагубным последствиям.

Интеллектуалы, которые сначала с энтузиазмом принимали участие в наркотическом культе, постепенно стали сознавать трагические результаты злоупотребления наркотиками. Но люди не сразу отказались от того, что я называю почти «благоговением перед наркоманами». Повсюду распространилось некое почтение к наркотикам. Люди видели в наркоманах беспомощных жертв жестокого общества, чувствительных особ, страдающих за нас, ведь мы из-за нашей нечувствительности едва ли осознаем распространяющуюся повсюду болезнь общества. Сегодня интерес к наркозависимости, культ наркотиков поубавились. Что же осталось? Тысячи молодых людей, не способных бросить наркотики, заканчивающие свою жизнь как жалкие бродяги на улице.

Психиатры, психологи, социальные работники, а также в не меньшей степени полиция ломают руки в ежедневном отчаянии по поводу этих сгорающих молодых людей. Человек, оцепенелый от наркотиков, пассивный, с единственным интересом раздобыть как можно быстрее очередную дозу, представляет собой абсолютно удручающее зрелище. Так где же этот эффект расширенного сознания? Действительно ли они являются жертвами жестокого общества?

Луиджи Зойя помогает нам понять это явление во всех его противоречиях. Он рассматривает наркозависимость в более широком культурном контексте, но при этом не использует слишком высокий стиль и не впадает в сентиментальность. Он пытается понять проблему наркомании в связи с процессом инициацией, особенно с отсутствием ее ритуалов. С одной стороны, ритуалы вступления в общество несомненно важны, с другой стороны, ритуалы, способные удовлетворить наши психологические потребности сегодня в большинстве своём утрачены. И все же в какой-то степени следы этих ритуалов все еще есть вокруг нас. Подтверждение тому — праздники католической и протестантской церквей, а во многих странах — воинская служба все еще рассматривается как посвящение в общество. Но все это лишь отголоски инициации. Очень многие молодые люди не переживают ничего такого, что бы хоть отдаленно напоминало посвящение, ритуал вступления в большее общество с его мирскими и религиозными идеями. Свою книгу Луиджи Зойя написал не для того, чтобы подчеркнуть значимость ритуалов инициации. Гораздо важнее для него понять наркоманию, продемонстрировать, как наркоман в своей зависимости

ищет инициации.

Я считаю, что эта книга представляет собой большую ценность для всех, кто вынужден иметь дело с наркоманами. Общась с разрушенными наркозависимостью людьми, всегда существует опасность самому упасть духом, забывая об очень сложных психологических изменениях, происходящих с ними. Культурная экзальтация, благоговение перед наркоманами 15 лет назад были не во всем беспочвенны, по крайней мере не более, чем сегодняшнее критическое и осуждающее отношение к ним.

Жертвы наркомании, наркоманы, ничем не отличаются от всех беспомощных, слабовольных граждан, это самые обычные люди, страдающие в неблагоприятном современном обществе, гибнущие в нем. Нужно постоянно иметь в виду сложность понимания наркомании и полностью осознавать, с одной стороны, страдания и беспомощность этих людей, а с другой стороны, глубинное стремление этих несчастных в эксцентричной и почти извращенной манере к инициации, к постижению тайны жизни.

Зойя, как никто другой, способен понять наркозависимость. Он работал в клинике интенсивной терапии с наркоманами. Таким образом, у него есть практический опыт. К тому же, он глубинный психолог, психоаналитик юнгианской школы и в состоянии распознать, серьезно воспринять более глубокие мотивации и неудовлетворенные потребности наркоманов.

Достаточно странно, что под «наркотиками» обычно понимают только особый тип интоксикации, но только не алкоголь, хотя алкоголь — тоже наркотик, а алкоголик страдает патологической зависимостью. В своей книге Луиджи Зойя рассматривает наркозависимость в самом широком смысле, включая алкоголизм. Любое вещество, вызывающее психические изменения, может быть рассмотрено как наркотик, ведущий к зависимости, будь то сильный или слабый наркотик: гашиш, ЛСД, героин, алкоголь или другие психотропные вещества.

В отличие от отношения к наркоманам 15 лет назад, общественное мнение слишком изменилось в противоположную сторону. Более глубинные культурные аспекты интересуют лишь некоторых психиатров и психологов. Зойя интересуется проблемой наркозависимости не из-за кратковременного увлечения модной темой, он описывает более широкий и пока менее исследованный аспект данного явления.

Его книга — это выражение глубокой заботы о большой группе страдающих людей, нуждающихся в нашем понимании и помощи.

Адольф Гуггенбюль-Крейг, 1989

Глава 1.

Введение

Из всех культурных законов самым изначальным, широко распространенным, уходящим корнями в далекое прошлое, обычно считается табу на кровосмешение. Трудно представить какими обширными и сложными могли бы быть последствия, если бы это табу вдруг исчезло. Такими же важными являются и другие культурные нормы, особенно ритуал посвящения в общество. В предисловии к своей книге «Обряды и символы инициации» Мирча Элиаде пишет, что именно в отношении к инициации состоит принципиальная разница между древним миром и современным' (M.Eliade. Rites and Symbols of Initiation. New York: Harper&Row, 1958.).

Ритуал посвящения когда-то был почти так же широко распространен, как и табу на инцест, но его постепенное исчезновение — это относительно необъяснимое и новое явление, вызванное, прежде всего, самой нашей современной Западной цивилизацией. Дело не в недостатке рассуждений о последствиях такой утраты, а в поверхностном отношении к данной проблеме вообще. Единственный автор, который часто обращался к этой проблеме — Мирча Элиаде.

Посвящение играло значительную роль во всех традиционных обществах, не затронутых индустриализацией и модернизацией. Однако в нашей современной культуре, особенно за последние несколько десятилетий, можно заметить различные попытки возрождения ритуалов инициации и эзотеризма, с ними связанного. В обществе, имеющем тенденцию негативно относиться к «отличиям», потребность чувствовать себя другим, «отличным» от остальных в позитивном смысле этого слова, отражает внутреннее пробуждение — потребность принадлежать к группе избранных, владеющих какой-то новой и более глубокой истиной.

Мы появляемся на свет, чтобы жить в мире, который по большей части десакрализован. Однако, достаточно просто заглянуть за поверхность внешних событий, чтобы обнаружить многие элементы настоящей религиозности, которые проявляются лишь косвенным образом, особенно в потребности получить инициацию и эзотерический опыт. Данное исследование инициации в ее современных проявлениях, хотя и основывается в первую очередь на принципах глубины психологии, тем не менее прямо связано с другими науками, потому что различные статьи, составляющие эту книгу, имеют свою специфическую структуру (они написаны на основе моих семинаров в Миланском Институте Итальянского центра аналитической психологии, а впоследствии в дополненном виде были представлены на немецком языке в Институте К. Г. Юнга в Цюрихе), а также чтобы избежать психологического редукционизма. Только в отношении религии, которую обязательно нужно было бы здесь обсуждать, в книге содержатся лишь косвенные ссылки. Это, конечно, не из-за недостатка интереса, поскольку все наше исследование посвящено чувству ностальгии по священному, а потому что я считаю, что отношение к религии — это сугубо личный вопрос, а не общие догматы, на основе которых могут строиться интерпретации.

В нашем подходе будут использоваться определенные интерпретативные модели. В базовой структуре посвящения центральное место занимает «переход», причем его можно рассматривать как переход от профанного к сакральному, или же как

прохождение через различные стадии смерти и нового рождения. Намерение не вторгаться на территорию религии диктует нам использовать, главным образом, вторую из этих двух моделей посвящения.

В необходимости посвящения, прежде всего, следует видеть настойчивое желание духовного обновления. Теперь больше не приходится говорить о скрытной потребности, так как эта потребность проявляется достаточно явно. Существует реальная потребность в эзотерических инициатических переживаниях, хотя ищущие этого опыта часто не осознают, что они делают. Даже среди тех, кто провозглашает себя «мастерами» или «учителями», способными дать посвящение, не хватает понимания этой проблемы. Глубинная психология сама часто попадает в ту же ловушку с маргинальными личностями, заблудившимися в потусторонних сферах, окрашенных эзотеризмом. Нельзя утверждать, что такие «мастера» руководствуются исключительно утилитарными интересами, но не следует забывать, что стремление стать «мастером» часто является компенсацией их личных проблем.

В целом, скорее группы, а не индивидуумы берут на себя функции проводить ритуалы посвящения, так как немногие личности обладают необходимым опытом, чтобы стать мастерами». Такие группы — идеологические, религиозные культы и другие — стремятся институционализировать процесс посвящения, потом такие группы разбиваются на более специализированные подгруппы, их деятельность бюрократизируется. Все это направлено на обеспечение выживания самих групп, а не на удовлетворение психических потребностей их приверженцев. К сожалению, используемые ими «ритуалы» часто больше интеллектуальные изобретения, чем попытки организовать по-настоящему значимые переживания. Подлинные ритуалы не придумываются специально, а возникают со временем и при участии многих людей, даже многих поколений.

Ищущий наставлений, потенциальный «адепт», может быть человеком со сложной личностью, неудовлетворенным традиционными правилами и верованиями своего общества. Чаще всего он — одинокий человек, которому не хватает друзей, и ищет он не обычных людей, а «мастеров». Его поиски будут лишь частично удовлетворены, так как он, прежде всего, столкнется с организациями, которые не могут отвечать его более глубоким личным потребностям.

Эти организации могут дать информацию и даже по-настоящему ценные наставления, но не посвящение. Мирча Элиаде утверждает, что на сегодняшний день единственной формой подлинно инициатических переживаний является литературно-художественное творчество. Во всех своих аспектах современное общество практически не способно обеспечить прохождение инициации. Такое посвящение требует мастеров и структуры, сформировавшейся за длительный период времени в контексте всей предшествующей культуры. Идея посвящения предполагает, что биологическое рождение приводит человека в мир лишь частично, в абсолютно растительном качестве без духовных ценностей и стремлений. Доступ же на более высокую стадию возможен лишь через символическую ритуальную смерть и духовное возрождение²(Элиаде описывает эту древнюю процедуру как систему ритуалов и вербальных практик, нацеленных на радикальное изменение религиозного и социального статуса проходящего посвящение. Неофит как бы становится другим человеком. Позже в своей работе Элиаде подчеркивает, что в

современных терминах инициация прекращает жизнь «природного человека» и вводит недифференцированного индивида в культуру.).

Прежде всего, следует отметить, что для совершения ритуалов и церемоний, убедительных и для человека и для окружающего его общества, посвящение требует такой культуры, которая не просто противостоит смерти, видя в ней самую большую патологию организма, а которая относится к смерти как к трансформации души³(Об отличии психологического обсуждения этой темы от медицинского читайте .1.

Illman. Suicide and the Soul. Dallas: Spring, 1978.). Посвящение требует культуры, которая не пытается отрицать смерть, не рассматривает ее как конец всему, а способна символически оценить смерть как новое начало⁴(Радикальное изменение концепции смерти в нашей культуре было предметом многих дискуссий, особенно во Франции и США. См. P.Aries. Western Attitudes Towards Death From the Middle Ages to the Present, Baltimore: John Hopkins University Press, 1974.). Тип общества, в котором посвящение играло законную роль таков, что у самой смерти было официальное положение. Неслучайно, что оба эти условия исчезли вместе.

Общество, в котором опыт духовного возрождения организуется официальным образом, должно быть относительно простым, в нем жизнь человека должна быть легко отделима от жизни его соседей. Кроме того, различные фазы жизни должны по возможности не смешиваться, легко изолироваться друг от друга. Посвященный духовно возрождается, но остается в этом мире, он будет продолжать жить, в определенной степени социализируясь, оставаясь связанным своими повседневными обязанностями и обязательствами.

Современное сложное общество предлагает человеку, вообще говоря, много личной свободы, но и выставляет сильные ограничения в повседневной жизни. Позволяет ли такое общество индивидууму радикально изменить свою жизнь без того, чтобы столкнуться со многими противоречиями, из-за которых он переживает отчуждение от общества? Трудно ответить на этот вопрос, так как устройство современной жизни исключает возможность радикальных перемен. Идеологическое обращение, такое как присоединение к политической группе, обычно едва ли имеет какой-либо институционализированный характер, так что сложно определить, какие нити здесь относятся к модели посвящения.

В наше время зримые и институционально разработанные возможности для обновления сопряжены с почти непреодолимыми препятствиями. Человек часто тратит столько времени на подготовку к своей профессии, сколько потом посвящает непосредственно этой профессии. Таким образом, радикальные изменения деятельности с самого начала не приветствуются менталитетом большинства. Современные экономические порядки, например, практика долговременных кредитов также подкрепляют статичность нашего образа жизни. Культурные факторы не допускают радикальных изменений в материальных условиях жизни и тем самым создают такую психологическую стабильность, которая оставляет человеку мало места для фантазий о своем обновлении.

За исключением церквей, чья официальная роль заметно уменьшается, различные общественные институты сфокусированы на достижении практических результатов, низводя проблему их внутреннего развития к проблеме индивидуальной. Как уже упоминалось, такие организации не обращаются к проблеме инициации, проблеме,

встающей сегодня из-за возвращения подавленного культурного аспекта, игравшего важную роль, но ныне отрицаемого нашей официальной культурой, вследствие чего эта потребность проявляется в интересе к оккультизму или неосознаваемым образом. Как большинство архетипических процессов, посвящение порождает ритуальную структуру для его проведения. Достаточно легко его может организовать группа «священников», придерживающихся общих тайных истин, использующих язык посвящения и соблюдающих общие ритуалы. Из-за потребности в посвящении, не осознавая этого, неофициально рождаются организации, которые хотя бы частично исполняют функцию посвящения. С этой точки зрения очевидно, что сегодняшнее подавление этой потребности, удовлетворяемой людьми на протяжении нескольких тысяч лет, вызывает риск не только индивидуальный, но и коллективный.

Скрытая потребность в секретных группах может со временем привести к образованию оккультных силовых структур, таких как террористические группы. Было бы большим упрощением трактовать аспект посвящения у таких групп как простую целесообразность, гарантирующую максимальную эффективность и секретность. Например, важным элементом посвящения в террористическую группу является совершение преступления, что отрезает посвященного от законопослушного общества и делает его связь с сообщниками конкретной и реальной.

В целом это и есть оккультная структура, которая вырастает именно из потребности в эзотеризме. Потребность в эзотеризме, по-видимому, неосознанно присутствует даже в играх детей в «секреты» и «тайны». В секретных ритуалах обязательно вызывают к уважению присутствующих и соблюдению торжественности, так что помимо своего функционального назначения они производят сильное впечатление.

И литература, и кино эксплуатируют эту тему, апеллируя не столько к политическим настроениям общества, сколько к любопытству людей ко всему сокрытому, к тайнам. Несмотря на относительное равнодушие к идеологическим особенностям террористических групп, общество в большинстве своем реагирует на описание таких групп смесью ужаса, зачарованности и любопытства.

Анализ потребности в эзотеризме интересует нас в контексте исследования явления наркозависимости. С точки зрения бессознательного значения, прием наркотиков можно рассматривать как попытку инициации, основанную на ложных посылах из-за непонимания ее сути. «Истинный» процесс посвящения, который отвечал бы психическим потребностям посвящаемого, можно разделить на три определенные фазы.

Первая фаза. В начале у нас есть человек, ищущий трансцендентного опыта, потому что утратил смысл жизни. Чтобы выйти за пределы своего бессмысленного существования, подростки в примитивных обществах вверяли себя процессу инициации, который наполнял их ощущением цельности и зрелости. Подобно этому индивидуум в нашем обществе—пассивный, потерянный, приговоренный к простому потребительству, тайно мечтает о своем преобразовании в независимого, творческого, зрелого человека, не связанного больше идеологией потребительского общества.

Вторая фаза. Смерть посвящаемого. Эта фаза влечет за собой отречение от мира, отказ от своей прежней идентичности, изменение привычного направления своего либидо (в нашем обществе это прежде всего отказ от потребительского существования).

Третья фаза. Возрождение посвящаемого психологически совершается легче, если разделить испытание с другими людьми и соблюсти ритуал — например, контролируемое употребление наркотиков. (Фантазия о контроле ситуации почти всегда существует среди молодых людей, потребляющих наркотики, но для большинства это возможно только в пределах культурных традиций примитивных обществ).

Потребляющим наркотики в нашем обществе не удастся довести этот процесс до конца, не столько из-за того, как они принимают наркотики (чаще бесконтрольно чем контролируемо), сколько из-за того, что они полностью пропускают вторую фазу — смерть посвящаемого. С самого начала они отравлены, и не каким-то особым веществом, а самим потребительским отношением к жизни, которое они как раз пытаются отвергнуть. Это потребительское отношение не допускает отречения, депрессию или любого рода психическое опустошение. Сегодняшним людям не хватает именно того внутреннего пространства, которое, при использовании внешних ритуалов, вместило бы переживания обновления.

Возможно, в интересах большей научной точности или для более ясного представления новых идей было бы лучше использовать термин «наркопосвящение» вместо «наркозависимость». В центре нашего исследования бессознательная фантазия, которая приравнивает «встречу» с наркотиками к встрече нового мира и новой жизни, причем без негативных последствий от пребывания в этом мире, вызванном длительным потреблением наркотиков. Термин «наркопосвящаемый» относился бы к гипотетическому индивиду, который не злоупотребляет наркотиками, а принимает их как средство для удовлетворения своей врожденной, архетипической потребности в посвящении. Из-за психических факторов, описанных в последующих главах, современный наркопользователь никогда не сможет полностью отречься от своего эго, т.е. пройти важную стадию «инициатической смерти». Мы будем и дальше использовать термины «наркопользователь» или «наркоман», которые сегодня ассоциируются с огромными психическими и физическими страданиями, только потому, что термин «наркопосвящаемый» относится к идеалу, который невозможно достичь из-за нашей культуры потребительского общества. При идеальных условиях наркопользователи стали бы «наркопосвящаемыми», а начальный момент (прием наркотика) относился бы к этапу посвящения (достижение выхода за пределы сознания). Как будет видно в последующих главах, потребление наркотиков в так называемых примитивных обществах часто количественно ограничено и тщательно предохраняется от злоупотребления из-за патологии отдельного индивида.

Психологическая интерпретация, которая здесь предлагается, основана на том, что аспект инициации (не путайте с иницирующим или начальным моментом) очень важен. Фактически, если ожидания, связанные с посвящением, носят архетипический характер, то они никогда не исчезнут, а будут возникать снова и снова в коллективных явлениях или в индивидуальных патологиях. Наше исследование не относится к разделу психопатологии, оно лишь прослеживает бессознательные модели, которые приводят человека к наркотикам несмотря на их опасность. Хотя наша работа безусловно носит клинический характер, она сосредоточена больше на общем явлении наркозависимости, чем на отдельных случаях ее лечения.

Что это за бессознательная сила ведет человека к порочному кругу зависимости? Конечно, в какой-то степени здесь играет роль любопытство. Если допустить, что на сегодняшний день наш организм обладает очень большой терпимостью ко всем инородным веществам, то можно увидеть, что любопытство — бессознательные фантазии — нелегко подавить, что даже, когда прочно установился порочный круг физической зависимости, любопытство в качестве скрытого психологического фактора подпитывает эту зависимость. Наш тезис заключается в том, что обращение к наркотикам активирует определенные архетипические ожидания, которые не ослабевают, когда устанавливается физическая зависимость.

Следует отметить, что и «посвящение» и процесс приема наркотиков основаны на одинаковых архаических бессознательных моделях. Я не собираюсь обращаться к вопросу, развилась ли эта потенциальная модель филогенетически, или она существовала с самого начала. Нельзя сказать, что обнаружен какой-то особенный миф или божество, олицетворяющее посвящение или наркозависимость. Посвящение и употребление наркотиков, бессознательно воспроизводящее его структуру, — это фундаментальный архетипический процесс, биполярный как все архетипические темы (основанные на противопоставлении жизни и смерти), и, следовательно, этот процесс невозможно персонифицировать, так как он потенциально относится к любому типу личности. Посвящение принимает мифологические формы в каждой культуре, как и любые торжественные события, но оно не происходит из какого-то одного мифа, важного для всех народностей. Для каждого народа, посвящение — это средство возвращения в сообщество мифологически и дарования индивидууму особого состояния благородства, которое простое биологическое рождение ему дать не может.

Глава 2.

Размышления над проблемой

Наркоман и Анализ

Для понимания различных аспектов наркозависимости -срез модель посвящения, нужно шаг за шагом пройти все элементы, которые изначально привели нас к размышлению над этой проблемой.

Мое общение с наркоманами было связано с психотерапевтической практикой, и я столкнулся с тем, что лечение таких пациентов протекает крайне сложно и часто неудачно. Как юнгианский аналитик, я задумался, до какой степени наркоман отыгрывает в своем поведении установки, навязанные его окружением, до какой степени здесь играют роль общечеловеческие потребности, и зависимость ли активирует эти факторы или же порождается ими. Я также задался вопросом, до какой степени в этих потребностях, в этих архетипических моделях проявляется не просто бегство от действительности, а позитивная попытка самоутверждения, даже если такая попытка искаженная и дегенеративная по своим результатам.

Начиная работать с наркоманом, немедленно чувствуешь, что ЭТОТ пациент будет гораздо сложнее, чем большинство других, обычных пациентов, а точнее, что его лечение вызовет ряд трудностей, не присущих другим. Обращаясь к коллегам и литературе за помощью, с удивлением обнаруживаешь, что у аналитиков всех школ очень мало пациентов-наркоманов, а аналитическая литература по данному вопросу очень скудна. Это досадный факт, потому что наркозависимость почти неизбежно влечет большие психические страдания, а долг каждой школы глубинной психологии изучать их. Это еще более неприятно осознавать, учитывая масштабы данной проблемы в современном обществе.

И хотя ситуация в целом не слишком лестная для аналитиков, их нежелание заниматься данной проблемой можно понять. Успехов, достигнутых в психотерапии наркоманов гораздо меньше, чем в лечении других психических нарушений. Если результаты терапии оценить статистически за длительный период времени (кратковременные ремиссии бывают часто но не свидетельствуют о полном излечении), то процент успешных исходов крайне мал, хотя следует задуматься о справедливости такого метода оценивания.

Во-первых, следует изучить само понятие «лечение», которое ошибочно ассоциируется только с медицинской терминологией. Ценности и цели медицины отличаются от ценностей и целей анализа. В случае наркозависимости, например, медицина будет искать способы избавления от состояния интоксикации, и её целью будет заживление поврежденных органов.

С другой стороны, глубинная психология старается разрешить определенные конфликты и бессознательные психические страдания. Очевидно, что некоторые из этих психических страданий облегчаются без обязательного предварительного разрушения порочного круга зависимости. Другими словами, использование какого-либо токсического вещества представляет само по себе зло с точки зрения медицины,

тогда как для глубинной психологии это симптом, который может стать хроническим и может существовать независимо от своей «причины» — психического нарушения, существование которого, его характер и динамику трудно подтвердить.

Второй элемент, играющий роль в терапии наркоманов, связан с мотивацией.

Соматическое медицинское лечение может быть проведено, даже если пациент не проявляет большого желания и сотрудничества, в то время как аналитическая терапия по определению основана на глубокой личной мотивации со стороны пациента¹ (Я с коллегами опубликовал сборник статей на эту тему на итальянском языке в 1977.). Именно с проблемой мотивации часто сталкиваются при лечении наркоманов. Желание пройти анализ до конца часто навязывается оно не является внутренним и истинно психологическим. Наркомана заставляют лечиться, когда он на пике острой фазы проявляет определенные признаки асоциального поведения. Когда же обострение проходит, и возможно достигнуты первые терапевтические результаты, это давление на пациента ослабляется, и он возобновляет прежнюю жизнь.

В процессе лечения пациент будет какое-то время опьянен своими добрыми порывами и хорошим самочувствием. Это наркомана, по-видимому, находится под воздействием не только физических последствий его привычки, но и всяких интенсивных и примитивных эмоций, сходных с теми, что возникали во время приема наркотиков, так как и наркотики и терапия активируют одни и те же архетипические содержания. Для пациента очень важно воспринимать своего аналитика как союзника, который верит в его благие намерения. Этот союзник необходим в качестве частичной внешней подпорки для этого пациента, которому не хватает твердости и собранности, в качестве внешнего экрана, на который пациент может спроецировать свое самоуважение и уверенность в себе, чтобы таким образом вернуть утраченные качества.

Поведение наркомана заставляет некоторых терапевтов поверить, что тот психопатичен, но на самом деле это не так. Он сильно угнетен чрезвычайно тяжелыми внутренними требованиями (что Фрейд называл «садизмом суперэго»), и по-этому, естественно, он ищет хороший внешний авторитет для замены своего жестокого внутреннего.

На стадии успешного сотрудничества добрая воля наркомана, его искренность и желание все исправить могут быть

выражены с такой открытостью и простотой, что пациент, который возможно в начале не производил впечатления по-настоящему намеренного излечиться, в конце концов заставляет его поверить. В другие периоды наркоман может быть крайне неразговорчив и насторожен, демонстрируя явное нежелание противостоять своим бессознательным мотивациям. Пациент ищет в аналитике, прежде всего, своего союзника и в то же время облегчения чувства вины. И к внешнему «морализаторству» общества, и к внутренней вине наркомана привели симптомы его проблемы (патологическая одержимость наркотиками), а не ее скрытые причины.

Дополнительным фактором, усложняющим проблему мотивации наркомана, является то, что его семья часто бывает невротической, ей в некотором смысле необходим наркоман для поддержания своего равновесия. Так называемая «антипсихиатрия» заходит так далеко, что главной причиной наркозависимости считает

патологическую семью. Несмотря на то, что в последние годы это направление утратило свою популярность, следует иметь в виду, что семья часто использует одного из своих членов, наркомана, чтобы освободиться от других обязанностей. Хотя семья не обязательно является главной причиной этой проблемы, она играет роль в том, что проблема долго не решается. Так говоря о пьянице, можно было бы сказать, что его семья заинтересована в его опьянении, хотя не в алкоголизме.

Оценивая результаты лечения, проводимого с наркоманами, следует исходить не из количества тех, кто начинает анализ, а считать тех, кто действительно его проходит. Тех, кто по-настоящему не мотивирован, не следует учитывать, так как фактически они никогда и не начинают лечение. Многие наркоманы ожидают от терапии, что их вылечат и поставят на ноги, но при этом у них нет ни малейшего желания задать вопросы самим себе. Самое большое, что можно сделать в таких случаях — это что-то вроде социальной работы. Отсутствие прочных терапевтических результатов у наркоманов не следует приписывать неудаче анализа, которого никогда не было, разве что дело в неспособности аналитика распознать противоречивость мотивации пациента, что на практике можно выяснить только, если терапия началась. Терапия, которая начинается для наркомана с поиска сочувствующего союзника, может привести к положительному переносу, и только в этом контексте пациент может начать познавать себя и свои мотивации.

Практический смысл — это самое важное для оценки мотиваций наркомана, поскольку необходимая аналитическая работа может быть проведена часто только в защищенной клинической среде²(Подобную точку зрения можно найти в 13 главе «Психотических состояний» Розенфельда (1965), где содержится обзор литературы на эту тему), а искусственная среда не совсем благоприятствует развитию того, что можно было бы назвать идеальной мотивацией пациента. Этот недостаток тем не менее перевешивает важное преимущество. Если поместить вместе людей, которые борются со своей зависимостью, не только возникает дух общего дела, но и создается атмосфера мистической группы, которая вдохновляет и взаимно стимулирует усилия пациентов в достижении их общей цели.

Этот метод, которого придерживаются «Анонимные алкоголики» и другие терапевтические группы по зависимостям, подтверждает нашу начальную гипотезу: индивидуальные потребители наркотиков очень склонны к групповым явлениям. Формы поведения группы этих людей на улице, их способ добывания и приема наркотиков не только несет практическую функцию, но также является ритуальным актом. Такое поведение невольно напоминает древние ритуалы вхождения в общество, посредством которых индивидуум поднимался в более престижную группу или социальный класс. Будь сегодняшние наркоманы группой «посвященных» в полном смысле этого слова, они предвидели бы конечную стадию своей эволюции — отделение индивидуума от группы. И привыкание и избавление от наркозависимости удалось бы облегчить и укрепить с помощью группы.

Древним моделям посвящения в большой степени соответствуют терапевтические группы, нежели группы с улицы (которые по причинам, исследуемых в последующих главах, оказываются в ловушке собственного потребительского подхода к жизни).

Терапевтические группы используют не только особые ритуалы вхождения в группу, аналогичные ритуалам примитивных культур, они также способствуют отказу

пациенту от группы посредством ритуала выхода или отделения, который традиционно классифицируется в науке как ритуал перехода³(A. Van Genner. Rites of Passage. Chicago: University of Chicago Press, 1960.). Таким образом, отделение от терапевтической группы или прекращение симбиотической связи с наркотиками можно было бы рассматривать как стадию посвящения. По сравнению с вхождением в наркозависимость, эти фазы гораздо труднее, так как они завершают цикл посвящения и, следовательно, заставляют человека столкнуться со своим одиночеством, даруя ему, однако, безгранично большее самосознание. В этом свете можно понять, почему так много методов лечения, основанных на детоксикации, заканчиваются провалом. Невозможно просто устранить проблемное поведение пациента, не перенаправив его энергию к новым целям.

Однако, присущие лечению наркоманов сложности не препятствуют возникновению обратной ситуации в процессе анализа — что возможно, если терапевтическое взаимодействие между пациентом и аналитиком достаточно эффективно, чтобы сформировать и поддержать интроверсию, с которой пациент раньше был не готов встретиться. В равной мере для пациента может быть важным общение с людьми, ведущими ту же самую борьбу, что в практическом смысле означает возможность привлечения групповой терапии в дополнение к анализу. Первой фазой в процессе освобождения от наркотиков может оказаться перенос зависимости с наркотика на аналитика или терапевтическую группу.

Кроме таких тем как «лечение» и «мотивация» в терапии наркозависимости следует учитывать еще экономический аспект. Подсчеты, сделанные в Швейцарии и в Западной Германии за последнее десятилетие, указывают, что каждый реальный наркоман стоит обществу где-то 1 000 000—1 500 000 немецких марок или швейцарских франков, что в переводе на курс доллара означает более нескольких сот тысяч долларов на одного наркомана в год. Для общества, в котором принято выражать ценности в экономических терминах, это определенно обременительные затраты. В этом смысле не совсем верно утверждать, что наркоман отрицает доминирующее требование общества к своим членам быть экономическими субъектами. Он не находится за пределами экономической ситуации, но его присутствие деструктивно.

Я не раз сталкивался с парадоксальным отношением наркоманов к этому вопросу. Я слышал, как гордо они заявляли: «Я принимаю наркотики!» В таких случаях едва ли целесообразно рассматривать привыкание к наркотикам как регрессию, как отказ от своей личностной идентичности или социальной роли. Напротив, следует отметить, активный, более или менее осознанный выбор наркомана исправить свой недостаток идентичности и социальной роли посредством присвоения себе определенной негативной идентичности и роли.

Понятия «идентичность» и «роль» здесь используются вместе, поскольку невозможно полностью отделить психологическую точку зрения на наркозависимость от социологической. Под «идентичностью» подразумевается внутренний психологический опыт, наделенный качествами согласованности и непрерывности (узнавание себя таким, каким я являюсь, даже если это самосознание может меняться в зависимости от времени и места). Под «ролью» (социологический термин) подразумевается внешний элемент, соответствующий идентичности, нечто

неизбежно гораздо менее личное, статус и функция в качестве члена общества. Ни идентичность, ни роль не всегда осознаются самим человеком, к которому они относятся.

Следует отметить, что каждая идентичность и роль создаются через процесс последовательного вызревания и дифференциации, возникая из основных архетипических тем, которые, естественно, тем труднее определить, чем больше конкретизирована идентификация личности и специализирована роль в обществе. Однако, в юнгианской теории такими темами всегда будут архетипы Героя или Великой матери, или любые другие архетипы, хотя эти архетипы легче узнать в тех фазах развития личности, где стабильная структура эго ещё не выработалась (из-за юного возраста) или искажена (из-за психических патологий)⁴(См. E. Neumann. History and Origins of Consciousness. Princeton: Princeton University Press, 1958.).

Отрицательный герой

Как уже упоминалось в первой главе, мы имеем дело с архетипическим процессом, а не с архетипической фигурой. Фактически, посвящение — это процесс, являющийся уделом не только некоторых людей, но иногда касающийся всего населения, по крайней мере, мужской половины. Начав исследовать бессознательное стремление к посвящению, стоящее за наркозависимостью, нам нужно изменить нашу изначальную посылку: в корне современного явления наркозависимости может прослеживаться присутствие персонифицированной архетипической реальности, известной как отрицательный герой.

Архетипическая потребность выйти за пределы своего текущего состояния любой ценой, даже если это влечет использование вредных для здоровья веществ, особенно сильна у тех, кто утратил смысл жизни, потерял ощущение своей идентичности и определенной социальной роли.

Именно в этом смысле будет верным истолковать поведение наркомана, провозглашающего: «Я принимаю наркотики!», не только как бегство в какой-то иной мир, а как наивную и бессознательную попытку обрести идентичность и роль, негативно позиционированную по отношению к общественным ценностям.

Наркозависимость — это не бегство от общества, как обычно считается, а отчаянная попытка занять какое-то место в нем. И пока наркоман смотрит, как его семья гипнотически вертится вокруг него, а общество осуждает его поведение как вызов единству граждан, он всегда остается homo economicus, играя свою общественную роль отрицательного героя.

В современном обществе для многих молодых людей почти невозможно почувствовать себя в чем-то полезными. Почему же нас тогда удивляет, что молодежь принимает наркотики, и зачем надо истолковывать зависимость как регрессивное отречение от своего эго, когда человек, делающий такой выбор, на самом деле ищет в себе героическую идентичность? Архаическая потребность идентифицировать героев и врагов концентрируется у наркомана в болезненном ощущении жизни как гражданской войны между маленькой группировкой ангелов смерти и сильным большинством законопослушных граждан. Последним, по-видимому, также не хватает идентичности.

Усилия, которые человек предпринимает, чтобы стать самим собой, быть сознательным и ответственным за свое собственное развитие и жизненные решения, или усилия его эго вырваться из темноты бессознательного, отражены в различных мифологиях в образе одинокого героя, сражающегося с врагами и драконами. С архетипической точки зрения, такая битва является метафорой начального момента в психологическом развитии, где еще под вопросом само выживание эго, и его укрепление является императивом. Таким образом потребность в героическом опыте или идентификации наиболее сильно ощущается, когда индивидуум развивается. Борьба за то, чтобы занять свое место в обществе, стоящая за личными амбициями или идеологией, протекает в границах ригидных и предварительно заданных сценариев, которые в значительной мере лишают индивидуума личной ответственности. С другой стороны, главной отличительной чертой борьбы героя в ее чистой и самой архетипической форме является то, что он ставит на карту само свое существование, всем сердцем он сражается, чтобы победить или умереть. Но в нашем современном мире, где каждый акробат подстрахован сеткой безопасности, такой опыт попадает в разряд бессознательного.

Альтернатива для драматической победы — не драматическое поражение, а превращение жизни в ничтожное существование, запрограммированное обществом. Наши общественные институты стремятся к предотвращению почти всех видов смерти: если кто-то отказывается есть, его будут кормить насильно. Пожилой человек, страдающий возрастными недугами, госпитализируется, так как даже естественная смерть постепенно уходит из области нормальных физиологических процессов и сейчас рассматривается как патологический случай. Если человек не сталкивается со смертью лично и сознательно, то его психическая жизнь претерпевает самые худшие искажения. Как пишет Фрейд в своей работе «Размышления о времени для войны и смерти», «жизнь скучна (бесцветна), к ней утрачивают интерес, если в игре жизни нельзя рисковать высшей ставкой, самой жизнью».

Любая еще возможная борьба предполагает вовлечение героического опыта. Государство монополизировало силу, обезличило ее и не допускает ее личного использования. Практика дуэлей, даже в ее самых ритуализированных и смягченных формах, полностью запрещена. Это было, конечно, неизбежно, но данная ситуация не осталась без психологических последствий. Почему, говоря о дуэлях, мы подразумеваем варварство? Возможно, для этих «варваров» небольшое кровопролитие было меньшим злом, удовлетворение важной психологической потребности, посредством установки «Бог рассудит» божественное (мы бы сказали архетипическое»), непосредственно присутствовало в поступках дуэлянтов. Наши государственные лидеры готовят машины, способные пролить океаны крови в безличностных и деритуализированных дуэлях во имя национальных или идеологических ценностей, часто абстрактно сформулированных за кабинетным столом. Простой гражданин далек от участия в подготовке таких мега-дуэлей, которые никогда не прекращаются с первой кровью» или после «получения сатисфакции», как это было в рыцарском кодексе чести. Сегодня, конечно, видеть в дуэли средство правосудия было бы абсурдно. Однако, это не такой уж глупый шаг, если за дуэлью стоит поиск решения, предпринятый всеми вовлеченными сторонами

без навязывания со стороны внешней власти. В психологическом отношении, опыт правосудия должен быть глубоким, соответствующим архетипическим потребностям. Однако, по нынешним законам наказание за дуэль зависит не от факта совершаемого насилия, а от того, что отправление правосудия осуществляется не теми, кто имеет на это официальное право. Нужно понять, что с психологической точки зрения дуэль представляет собой очень могущественный феномен, особенно в контексте противостояния государственной юриспруденции.

По-видимому, существует особая связь между идеей закона и юриспруденции и нашими современными трудностями в проживании таких архетипических тем как героизм. Неолибералы полагают, что материально процветающее государство несет ответственность за неврастение нашего общества, за опасную неспособность внушить своим жителям личную ответственность, за самые разрушительные последствия системы всеобщего благосостояния. Можно задуматься, объясняется ли этот упадок жизнеспособности общества только социально-экономической политикой, или причина в философии современных законов, которые, гарантируя определенные права человеку, освобождают его таким образом от борьбы за них. Другими словами, рациональных принципов, на которых основана идея современного Государства, недостаточно. Рядом с рациональными ценностями проступает архетипическая реальность, поскольку одних только рациональных ценностей не хватает для управления экономикой души. Таким образом, обозначенный выше упадок жизнеспособности общества можно объяснить отсутствием архетипического резонанса в обществе. Психический опыт, не имеющий связи с архетипической темой, действует не достаточно сильно, чтобы придать обществу жизнеспособность или дать толчок индивидуальной или коллективной душе, такому опыту не хватает более глубокого отражения (эха).

В своих попытках достичь объективности и справедливости юридическая власть становится очень рационалистичной. Такое рациональное качество безусловно необходимо, но оно работает против непосредственности, яркости, «инстинктивности» тех чувств, которые делают переживание архетипическим. Закон становится все более безличным и далеким, но архетип, внутренний закон, всегда должен выражаться личностно. Если Бог «говорит», то первобытный человек или сумасшедший слышит этот голос и знает, что говорят именно с ним. Вместо концептуального осмысления, он просто внемлет голосу. Пик эмоциональной насыщенности в поисках справедливости был достигнут, когда появление дуэли воплотило принцип «Бог рассудит», здесь архетип героя резонировал с архетипом высшей справедливости, а это с Самостью.

Прямая персонификация архетипа, когда эго индивидуума идентифицируется с божественным или мифическим персонажем, возможна только в крайних случаях. В большинстве случаев архетип дает спроецированную персонификацию, т.е. он переживается в форме внешнего объекта, существующего отдельно от индивидуума. Посредством дуэли правосудие вершилось менее абстрактным и более личностным образом, что делало архетипические переживания более прямыми не только для враждующих, но и для наблюдавших, поскольку последние могли проецировать свой собственный образ правосудия на того дуэлянта, которому они благоволили.

Архетипические потребности выдерживают время и перемены в культуре. Архетипическая фантазия, совершенно чуждая юридическим структурам современного общества, часто выживает в форме более или менее серьезной паранойи. Например, человек из народа рисковал попасть под карету дворянина лишь бы вручить ему свою просьбу о помиловании, так как дворянин воплощал архетипическую идею этого простолюдина о справедливости. Сегодня многие люди, пострадавшие от какой-нибудь несправедливости, часто тешат себя фантазией, что их проблема не техническая или законная, а личная. И, если бы какой-то персонаж, авторитетный, архетипический и достаточно идеализированный, рассмотрит их проблему лично, то тогда «все будет хорошо».

Средства массовой информации нуждаются в насколько возможно полном бессознательном вовлечении публики, и поэтому они предпочитают снабжать нас архетипическими темами, а не концепциями. Понимая увлечение народа архетипическими персонификациями, они превращают известных общественных деятелей в звезд и в полубогов. Архетипические переживания часто бывают опасно противоположными рациональности и объективности, хотя в некоторых случаях архетипические проекции могут быть достаточно безвредными. Например, проекция на Джона Леннона невинна и гораздо менее опасна, чем, скажем, коллективная проекция на Гитлера. Так что существует риск возвращения недифференцированным, бессознательным и патологическим образом вытесненных из сознания элементов.

В 1957 г. в своей работе Комментарии к «Секрету Золотого Цветка» 5 (C. G. Jung. Collected Works, vol. 13.)

Юнг выделяет ряд персонифицированных архетипов в контексте феноменологии религии:

«Многие из ранних богов из „личностей“ превратились в персонифицированные идеи, а в конечном итоге, в абстрактные идеи. Активированные бессознательные содержания всегда сначала появляются в проекциях на внешний мир, но по мере психического развития они постепенно усваиваются сознанием и приобретают форму сознательных идей, которые затем лишаются своей первоначальной автономии и личного характера. Как известно, некоторые из древних богов стали в астрологии не более, чем описательными атрибутами (воинственный, веселый, мрачный, эротичный, логичный, безумный и т.д.)» (§49).

Позднее Юнг продолжает эти мысли (Там же.):

«Мы (европейцы) думаем, что можем уже себя поздравить с достижением максимальной ясности, воображая, что оставили всех этих фантазматических богов далеко позади. Но позади мы оставили лишь вербальные фантомы, а не психические факты, которые были ответственны за рождение этих богов. Нами все еще владеют автономные психические содержания, как когда они были Олимпийскими богами. Сегодня они называются фобиями, навязчивыми идеями и т.д., одним словом, невротическими симптомами. Боги стали болезнями, Зевс больше не правит Олимпом, но „отвечает“ за солнечное сплетение, поставляя любопытные экземпляры в приемную врача, или за нарушение мозговых функций политиков и журналистов, которые нечаянно распространяют психические эпидемии по миру» (§54).

Этот процесс «запустения небес» не означает, что архетипические персонажи полностью исчезли, а лишь то, что больше невозможно проецировать их на манер древних. Как и инстинкты, архетипы могут только подавляться. Будучи бессознательными глубинными силами индивидуума, они могут легко проецироваться на все, что кажется «величественным», что удовлетворяет нашу потребность в вере — в сегодняшнем мире это скорее философия и идеология, чем традиционные религии. Юнг признавал необходимость решения этой фундаментальной потребности, но не доверял современным ответам, считая их слишком концептуальными и рационалистическими. Архетипы пытаются заменить собой религию, но обрекают человека на эфемерное и невротическое существование, — невротическое, потому что, приобретая в действительности функции религии, не признают этого, а эфемерное, потому что им не хватает символической экспрессивности или, как упоминалось выше, архетипического резонанса. Юнга обвиняли в реакционности из-за этих идей, но на самом деле он был противником позитивизма и противником академизма. Не имея никаких иллюзий по поводу господствующих в обществе взглядов на жизнь, Юнг верил в возможность углубления психологического самосознания и ответственности личности. Юнгианская точка зрения, далекая от простого реакционного отрицания современных идеологий, дает нам шанс исправить навязанные нам психологические установки.

В «Архетипах коллективного бессознательного» (Collected Works, vol. 9, §22) Юнг критикует абстрактный и концептуальный характер Протестантской теологии, а также очевидную скудность ее символизма по сравнению с Католицизмом. Диагноз поставленный Юнгом, имеет много общего с работами Макса Вебера, который анализировал процесс «разочарования в иллюзиях» в современном мире и считал Протестантизм главным выражением этого процесса. Разрушение старого символического и волшебного мира настолько же радикально в своей области, как трансформация либидо из бессознательного автономного процесса в контролируемое и обдуманное намерение. Наш современный капиталистический и технократический мир, продукт рационализма, вовсе не находится вне досягаемости первобытных архетипических сил. Буйство язычества в самом сильном виде вернулось в форме фашизма на родину Лютера, полностью очищенную к тому времени от религиозности, от персонифицированных образов, так что общество было совершенно не готово к столкновению с архетипическим переживаниями. А в Италии фашизм не получил такого влияния из-за сохранения магических верований, католических ритуалов и культа святых, что поддерживало связь суровой действительности с хтоническим языческим миром.

Часто слишком поздно прогрессивные мыслители проявляли интерес к мифологическим и психологическим аспектам политических движений. Не сразу стало понятно, что фашизм смог мобилизовать не только тех, кто искал материальную выгоду, но и большую часть населения, оставленную без каких-либо мифов. На эту эволюцию указывается во многих последних исторических работах по фашизму и национал-социализму⁷ (Я ссылаюсь на работу Renza de Felice и George L. Moss.), где глубоко проанализированы символические и ритуальные элементы фашистского движения (и их отличие от абстрактной доктрины), и где подчеркнута

харизматическая и объединяющая функция идеологии, персонифицированной в лидере.

Эволюция такого типа исторического анализа представляет большой интерес для психологов. По окончании Второй Мировой войны исследования фашизма были более схематичными, менее психологичными и более склонным к осуждению фашизма через противопоставление победившим идеологиям — либерально-капиталистической и марксистской. Такой подход, в котором наблюдатель помещает себя «снаружи» изучаемого явления (используя политические категории и игнорируя психологические аспекты) — напоминает Евроцентризм, присущий первым этнологическим следованиям прошлого века. В тот период европейская культура сама только вступила в новую эпоху, но уже относилась к древним и языческим культурам как к чему-то инопланетному. Однако, сегодня этнология признает, что в нас все еще присутствует много аспектов архаического, магического и языческого человека, и мы научились узнавать эти следы. Наша коллективная система психических защит виновата в том, что мы только начали выпутываться из того, что сперва казалось необъяснимым, и требуется время, чтобы увидеть, как эти вещи существуют в нас самих.

Подобным образом, понадобилось время, чтобы осознать, что фашизм в качестве психической предрасположенности есть во всех нас, и это осознание стало возможно только на расстоянии между нами и историческим фашизмом. Со времен Второй Мировой войны диктатуры, чем-то похожие на фашизм, больше не пытаются мобилизовать массы, и наоборот демобилизуют их, как это видно в их отказе от фашистских ритуалов и символизма, так широко эксплуатируемых Гитлером. С точки зрения современной историографии Южно-американские авторитарные режимы, Испания при Франко и т.д. — являются реакционными и консервативными, но не истинно фашистскими. Используя нашу собственную терминологию, можно сказать, что диктаторам и фашистским движениям не удалось (или они не пытались) ни заполнить собой архетипический вакуум современного общества, ни использовать его для распространения своих лозунгов.

Эта способность актуализировать неудовлетворенные архетипические потребности — все еще почти исключительно достояние исторического фашизма и его антибуржуазных предшественников. В качестве альтернативы «разочарованности» современного общества, на которой еще играют левые движения, фашизм смог обеспечить гипнотическое притяжение героических ролей — тех немногих людей, которым еще верили, и по которым большинство истосковалось. Следует отметить, что героизм, представленный историческим фашизмом, был так подчинен потребностям существенно модернизированных европейских наций, что результатом стало извращение, или даже отрицание первоначального героического духа. Таким образом, вне зависимости от национального интереса была предотвращена возможность «героической» деструкции Германии Гитлером. Фашистское движение фактически стремилось к конкретным результатам в области своей специфической концепции национального интереса, следуя позитивизму, не соответствующему духу традиционной героической этики, которая обычно не ориентирует на достижения конкретных результатов. Именно в этой этике представлена архетипическая героическая реальность, а не в утилитаризме, который впоследствии ее вытеснил.

Помимо системы власти в стране, фашизм не смог так искусственно распространить героический дух, чтобы он охватил массы. В 1936 г. накануне войны, Йохан Хейзинга отмечал, что фашизм пытается пропагандировать уважение к званию «героя», но при этом снизить его планку для простоты управления массами. Обычно это звание предназначалось для исключительных фигур и присваивалось только посмертно⁸(J. Huizinga. In the shadow of tomorrow. London: Heinemann, 1936.). Как отмечает Хейзинга в своей работе «В тени завтрашнего дня», понятие «героя» претерпело «шокирующее изменение, что лишило его более глубокого значения». Категория «героя», всегда связанная с чем-то личностным и исключительным, постепенно обесценилась.

Фашистские движения эксплуатировали потенциальную потребность в героизме, чтобы пополнить свои ряды, обещая приключения и возможности для продвижения. Однако, корыстные мотивы не следует переоценивать, так как набор новобранцев стал иррациональным во многих отношениях, привлекались даже те, кто ничего не хотел достичь, только все разрушить, — фашизм притягивал тех, кого влекло не к накоплению, а к саморазрушению. Этот аспект, как упоминалось выше, усилился во время заката фашизма.

С появлением и крахом фашизма ускорилось окончательное устранение позитивного героического духа. Было бы правильнее сказать, что отрицание есть нечто присущее самой природе фашизма с его галереей деструктивных героев, окруженных черепами и символами смерти.

Таким образом, есть более весомое подтверждение тому, что отмечалось в нашем рассуждении о дуэли — за последнее время исчезла возможность для индивидуальной борьбы (в чистом виде, как у Одиссея), сопряженной с риском и ответственностью и способной создать свои собственные правила и план действий. Попытки оживить героический опыт сталкиваются с культурным анахронизмом, с тем, что поведение носит менее героический характер, чем у примитивных людей, или опускается на уровень стадного, и все это благодаря тому, что эти движения больше не могут отсылать важные конфликты к сфере личной ответственности индивидуума, из-за своей сложности и взаимосвязанности разных сторон.

Истинно героическое чувство не допускает подчинения коллективным нормам (хотя эти нормы существовали в каждом историческом периоде) и также не принимает рациональных целей и методов. В результате героический порыв подавляется коллективным, утрачивается и тонет в болоте антигероической предсказуемости, где уделом индивидуальности остается лишь иррационализм или асоциальное повеление.

Традиционный героизм подавляется или примитивно и подсознательно удовлетворяется через опыт героя-разрушителя. Одиссеи выживают на уровне полетов в космос, но в реальности последние представляют собой сугубо рациональное коллективное мероприятие, которое не возможно персонифицировать, поскольку оно осуществляется с помощью машин. Нам не открыть уже других континентов, но можно легко разрушить уже известные. Поэтому неслучайно во многих политических триллерах, выражающих распространенные подсознательные фантазии, это разрушение изображается как затея или месть одиночки, охваченного разрушительным безумием.

Подавленный архетип будет вновь всплывать на поверхность в еще более иррациональном (из-за поляризованности в качестве антагониста эго, сознанию), более примитивном и схематичном виде, и в конечном итоге сольется с другими негативными силами — злом, деструктивностью и архетипом тени. Этот процесс похож на то, что произошло в нашей культуре, когда преувеличенное отрицание всего женского превратилось в описанную Жюлем Мишле охоту на ведьм и вышло из под контроля. Как уже упоминалось, подобная опасность есть и в отношении темы смерти, которая по многим критериям является самой подавляемой областью в наше время.

Неизбежность прорыва архетипа смерти в бесконтрольных и иррациональных формах несколько смягчается тем, что за последние годы смерть стала объектом культурологических и психологических исследований. Успех подобных книг и исследований позволяет нам снова увидеть, что простое упоминание этого архетипа вызывает эмоции. Публике нужны не столько специальные исследования, сколько шанс участвовать полностью в конфронтации типа борьбы со смертью и живого человеком, которая раньше обеспечивалась обрядами и ритуалами. Мистицизм и литургия фашизма, хотя и включали чисто политические аспекты, возрождали в модернизированной версии древний культ смерти.

Хотя и наивным, бессознательным и недифференцированным образом фашизм фактически представлял упущенный психологический элемент — иррациональность архетипических реальностей, подавляемых быстро продвигающейся рационалистической культурой. Такая оппозиционность культуре стала очевидна в Университете Саламанка 12 октября 1936 г. Лекция Мигеля де Унамуно была прервана группой франкистов, выкрикивающих: «Долой интеллектуалов! Да здравствует смерть!».

С разрушением фашизма, архетипические реальности, связанные со смертью и героизмом, стали проявляться в более ограниченном виде. Эти архетипические реальности, не появляясь больше в политических и культурных формах, язык которых позволял им выразиться, находят теперь бессознательный выход в виде отрицательного героя. Мир наркотиков, контрабанды оружия и терроризма стал преемником тех архетипических реальностей, которые когда-то были актуализированы фашизмом.

Глава 3.

Архетипические фантазии, лежащие в основе наркозависимости

В этой главе мы попытаемся исследовать истоки современной проблемы наркомании в древней потребности посредством инициации испытать ощущение обновления. Можно ли потребление наркотиков с точки зрения коллективной психологии связать с другими архетипическими потребностями? Например, не может ли это быть появлением коллективной тени — психических элементов, которые были вытеснены в бессознательное коллективной моралью, но которые нельзя устранить полностью из-за того, что они носят архетипический характер?

Отождествление потребления наркотиков с нарушением моральных норм, по-видимому, появилось совсем недавно и продиктовано структурой Западной культуры и ее типичными инфантильными представлениями о трансгрессии. Гораздо полезнее не относиться к данной проблеме только этически, а исследовать с архетипической точки зрения, как внутренние мотивы, так и различные внешние проявления наркомании. Связь между потреблением наркотиков и аморальностью станет сомнительной, если учесть этимологию слов, описывающих данное явление в европейских языках¹ (Использованы некоторые толковые словари на английском, французском и итальянском.).

Прежде всего, следует заметить!), что при использовании сегодня слова «наркотик» мы подразумеваем не только психоактивное вещество, но и то, что приводит к столкновению с социокультурными ограничениями. Так, алкоголик тоже считается патологически зависимым, хотя сам алкоголь не относится к наркотикам. Английский язык, как и четыре основных латинских языка (итальянский, французский, испанский и португальский), используют слово «drug», наркотик, происходящее от одинаково звучащего корня. В языках германской группы есть также и другие слова («addiction» — зависимость, «craving» — страстное желание, это в английском языке и «Sucht» — страсть, мания, это в немецком языке), которые лучше чем латинские слова («dipendenza» в итальянском) выражают сильную архетипическую связь между наркотиком и человеком. Интересно отметить, что по этимологии названий этих «веществ» они не несут отрицательного значения, лишь «связь» между ними и их потребителями становится со временем все более отрицательной.

Греческое слово «oinos» и латинское «vinum» — оба из одного и того же неиндоевропейского корня, распространились во всех языках как описательные слова без этической коннотации. В Древней Греции вино часто называли pharmakon — целительный яд — вкладывая одновременно положительное и отрицательное значение. Термин «алкоголь» происходит из Арабского языка, где «al-kuhl» означает чудесный сухой порошок, он проник в Европу через труды алхимиков (Парацельс использует выражение «alcohol vinb, означающее «экстракт вина»). Отсутствие отрицательного значения в слове «алкоголь» еще более удивительно, так как оно происходит из мусульманской культуры, которая в отличие от нашей собственной, всегда осуждала употребление вина. Таким образом, алкоголь, один из самых

неэкзотических наркотиков в нашей культуре, приобрел за века экзотическое (и эзотерическое) название. В последующих главах мы попытаемся понять, почему наркотики почти неизбежно связаны с экзотикой и эзотеризмом.

Термин «наркотик», впервые появившийся в начале торговли специями, происходит из голландского «droog» («сухие вещества»), он не несет отрицательного значения, как и названия многих специфических наркотиков, таких как опиум — от греческого слова «oros», что означает «сок растения».

Термины, обозначающие патологическое пристрастие, несут много отрицательных коннотаций, но только по прошествии времени эти слова стали связывать с самим веществом. Слово «Sucht» произошло от старонемецкого и готского и всегда означало «болезнь». Однако, сегодня оно относится к зависимости вообще. Слово же «наркоман» появляется в Англии где-то в XVI в., оно происходит от латинского «addictus», т. е. «сдавшийся в рабство». Таким образом, слово «зависимость» первоначально означало «отдавать самого себя», но постепенно его значение стали связывать с потреблением наркотиков. Подобная этимологическая эволюция происходила и с глаголом «to crave» («страстно желать»), который пришел из древнескандинавского языка со значением «настоятельно просить или требовать». Эволюция немецкого термина «Rausch» еще более показательна² (Интересный факт про слово «Rausch»: его антоним «Nuchternheit» (воздержание) подразумевает состояние ясности и прозрачности, фактически происходит от латинского «nocturnus» и, следовательно, означают темноту и тишину). В XVI столетии этот термин означал «пьянство», и только в последнее время появилась составная форма «Rauschgift» («Gift» значит «яд»), подразумевающая одурманивающее или притупляющее ум и чувства вещество. Термин «притупляющий» появился в латинских языках (он гораздо менее распространен в английском языке) сначала как прилагательное, а позднее — как существительное «притупление». Первоначально у этого термина не было исключительно отрицательного значения. Латинский глагол «stupro» мог относиться к пассивному состоянию отсутствия, а мог и к чувству восхищения, удивления, чуда. Таким образом, начинает открываться контур бессознательной коллективной парадигмы или возможной архетипической структуры. С этимологической точки зрения, зависимость — это явление, связанное не с веществами, а с конечным моральным разложением тех, кто ожидает архетипических, магических, ритуальных и эзотерических результатов от применения этих веществ. Отдавая себя веществу, появившемуся издалека, наркоман ожидает, что оно перенесет его куда-то далеко. Неслучайно, что вещества эти из экзотических стран, сохранивших свои обряды и фольклор, и что у них экзотические названия, даже если их производят повсеместно (например, алкоголь).

В своем вступлении к работе Фрейда «Статьи о кокаине» Джеймс Хиллман ссылается на силу воображения, вызванную «экзотическими» наркотиками :³(S.Freud. The Cocaine Papers. James Hillman, ed. Vienna: Dunquin Press, 1963.)

«Хотя эти вещества в большинстве своем новые химические соединения, надежды, которые они несут с собой — старые. Все исторические периоды и все культуры свидетельствуют о том, что токсические вещества употреблялись для изменения восприятия и эмоций. Примеры тому — алкоголь на христианском Западе и гашиш — на мусульманском Востоке. Но вещества приобретают особую значимость, когда они

не производятся на родине, а доставляются из дальних экзотических стран, как специи с Восточных островов, табак из стран Нового Света, раувольфия из Индии. Кока из Перу подтверждает это наблюдение.

В традиционной символике это представление нашло свое отражение в образе «целебного эликсира» или «травы бессмертия», привезенной из дальних стран. Она имеет странное название, обрабатывается особым способом, связана с ритуалом и обладает мощным воздействием даже в небольших дозах. Она способна оказывать токсическое действие, особенно тогда, когда ее принимают люди неправедные или не готовые к ее употреблению. Положительные эффекты ее действия включают в себя ощущения исцеления, омоложения и облегчения. Эти представления, запечатленные в мифах и обрядах, столь распространены, что мы должны учитывать вероятность „архетипического феномена"» (p. vi).

Приведенный отрывок содержит наблюдения, которые подтверждают гипотезу об архетипической связи между нашими психическими потребностями и нашим бессознательным восхищением миром наркотиков. Наблюдения Хиллмана дают основу и для другой гипотезы о том, что «трава бессмертия», экзотический наркотик, непосредственно связывает нашу бессознательную архетипическую фантазию с процессами посвящения и образованием тайных обществ. Эта гипотеза подтверждается тем, что само вещество, как группа избранных или обряд посвящения, покрываются вуалью тайны, намекающей на возможность достижения бессмертия (духовного) и постижения великой древней мудрости вроде мистической мудрости Востока, откуда это вещество было привезено. В отличие от алкоголя, такого привычного, знакомого и всегда имеющегося в наличии, экзотический наркотик — это метафора мудрости и психического опыта, доступного лишь для немногих избранных.

До сих пор мы концентрировались на самом веществе, а не на процессе формирования зависимости. Чтобы рассмотреть этот процесс, для начала следует его схематизировать, чтобы отделить его психологические стороны от чисто физических. Схема делится на три основных компонента:

- 1) Формирование физиологической привычки у пользователя (значение этого компонента меняется в зависимости от относительной силы наркотика);
- 2) Развитие психологической привычки, которая имеет тенденцию трансформироваться в условие для чего-то другого, особенно когда на поведение индивидуума воздействует группа;
- 3) Наличие парарелигиозного элемента (этот элемент можно назвать «сакральным»), который в отличие от двух других элементов не приобретается и не обусловлен культурой, а является архетипической тенденцией. Этот элемент был бы ответственен за спонтанное возникновение ритуалов и за склонность наркомана к эзотеризму.

Различие между первым и вторым из трех элементов — относительно четкое. В отличие от прошлых времен, сегодня мы знаем, что физиологический элемент в формировании привычки сильно преувеличен, и что всегда возможно разрушить привычку, даже в случае приема «сильных» наркотиков.

Различие между вторым и третьим элементами менее очевидное из-за того, что индивидум в целом отдает себе отчет во втором элементе (фактор обусловленности

средой), но не в третьем (тяга к сакральному). Тот факт, что третий элемент менее всего осознается, объясняет, почему большинство других схем наркозависимости более ограниченные и сконцентрированы только на физических и социальных аспектах. Как видно из неэффективности большинства программ по лечению наркоманов, проблеме зависимости такой ограниченный подход не благоприятствует.

Изредка встречаются наркоманы, которым удалось освободиться от первых двух элементов (грубо говоря, от физической интоксикации и обсессивной патологии), по-видимому, найдя в себе те ценности, которые он раньше искал на стороне. Кажется, что такой человек поменял своё мировоззрение, но если изменений не достаточно, мы часто видим, как он впадает в другую зависимость, либо от нового вещества, либо в форме патологического поведения (фанатичная приверженность религиозной секте, навязчивость в отношении пищи и. т.д.). Даже членство в обществе Анонимных алкоголиков, безусловно одной из самых эффективных программ борьбы с алкоголизмом, влияет на индивидуума, поощряя некритическое безусловное подчинение обществу типичное для тайных обрядов.

Аналитику (не последователю Юнга тоже), нельзя игнорировать третий элемент в нашей схеме, так как его работа основывается не столько на устранении патологий, сколько на понимании их в более широкой перспективе, с точки зрения бессознательного творческого назначения зависимости. Этот третий элемент — не просто инструмент интерпретаций, а вполне осязаемая реальность. Иногда наркозависимость может быть порождением исключительно третьего элемента, а доля участия первых двух малая либо вообще никакая. Примером служит фрейдовская «зависимость» от кокаина. Хиллман пишет: «Фрейд никогда не был в зависимости от кокаина как наркотика, скорее в этот период он был под влиянием архетипического фактора, констеллированного наркотиком»⁴ (Там же, vii.).

Впоследствии факты доказывали, что Фрейд не пытался выразить свои бессознательные аспекты через особенные ощущения, вызванные кокаином, а делал это ради науки — своих психологических изысканий — научная правда была фактически тем «сакральным» элементом, который он искал. Если нужен пример более близкий к нашему времени, достаточно поинтересоваться, сколько молодых людей за последние двадцать лет обращались к галлюциногенам ради удовольствия, а сколько искали парарелигиозных переживаний. К счастью для них, эти вещества, вызывающие скорее «метафизические», чем необычные физические ощущения, редко приводят к формированию зависимости.

Чтобы исследовать этот третий элемент в более практическом плане, мы позднее рассмотрим случай пациента, который действительно основывал свою собственную зависимость на магических религиозных ритуалах, чтобы вернуть себе ощущение воображаемого мира, однажды пережитого в детстве. Необычно в этой истории то, что он сам открыл способ применения наркотиков без какой-либо помощи или подсказок из его окружения. Он постепенно выстраивал серию ритуалов, аналогичных ритуалам примитивных культур, о которых он ничего не знал. Это приводит нас к Гипотезе, что тенденция употреблять наркотики не столь тесно связана с влиянием специфического окружения, как происходит из «области»

бессознательного, откуда могут возникать автономные реальности, независимо от сознания, личной истории или культуры.

Глава 4.

Наркотики и общество

Обращение к наркотикам как коллективная психологическая потребность

Модель посвящения дает ключ к пониманию мира наркотиков в свете архетипических фантазий и символообразования. Мы уже проанализировали те творческие и инновационные аспекты, которые метафорически выражались в происхождении наркотиков из далеких стран. Это экзотическое качество особенно очаровывает уроженцев Запада, но не только их. Опиум, распространенный в Юго-Восточной Азии, был завезен со Среднего Востока. Наркотики, где бы они не появлялись, в целом действуют как посланники из «иного мира», как объективная географическая проекция активированного им фрагмента бессознательного мира. Этот внутренний мир оказывается гранью нашей психической жизни, к которой ограниченная сфера повседневной жизни не позволяет нам прикоснуться, но которая до определенной степени может открыться нам с помощью «соответствующих» сил. Этнология, культурная антропология и история подтверждают, что в определенных количествах наркопотребление существовало всегда и обычно усиливалось, если общество находилось в состоянии кризиса¹ (Обзор о связи между социокультурными процессами и потреблением наркотиков есть в «Курьере ЮНЕСКО», 25, январь 1982.). В самых драматических случаях внедрение наркотиков или борьба против них возникали в период крушения всей культуры, что обычно происходило при колонизации из-за европейской «эффективности» и торговых войн. Автохтонные культуры добивались баланса эго и бессознательного, рациональности и фантазии. Приход европейцев нарушил такой баланс, разделив эти два полюса и непримиримо противопоставив их. Рациональный полюс монополизировался европейцами, а беззащитным и беспомощным аборигенам не оставалось ничего иного, кроме как все дальше двигаться к первобытному бессознательному. Таким образом, американские индейцы, сражавшиеся с торговцами алкоголем, и китайцы, ведущие войны против опиума, были изначально обречены не из-за того, что правительство США и Британская Империя были непобедимы с военной точки зрения, а из-за своих же соотечественников, одурманенных алкоголем или опиумом. В относительно устойчивой культуре в моменты кризиса подобным же образом повышается коллективное потребление наркотиков, что приводит к усилению официальных запретов на наркотики. Запреты, однако, не способны прекратить потребление наркотиков (достаточно вспомнить Великую Депрессию в США 1919—1932 гг.), в результате оно становится более тайным, усиливаются связи между потребителями, а также становятся более заметными эзотерические и инициатические черты у групп, использующих наркотики. Образование отдельных субкультур, со своим собственным языком и этическим кодом, почти неизбежно. Юридические и социологические причины для этого очевидны, так как запреты способствуют образованию тайных сект в качестве самозащиты. И все же это объяснение неудовлетворительно, поскольку оно не берет в

расчет психологию бессознательного, ограничиваясь этической стороной вопроса. Такое объяснение не учитывает значимость вдохновляющего и возбуждающего характера магии, ритуалов и эзотерического языка, как если бы наркотики сами по себе вызывали потребность в них, и эта потребность сохранилась бы, даже если бы их легализовали, или, по меньшей мере, эта сфера перестала быть криминализованной.

Следовательно, возникновение субкультуры со всеми ее ритуалами неизбежно по причинам, отличным от простой задачи сплотиться перед лицом преследований со стороны закона. Настоящая причина заключается в том, что лишь очень немногие индивидуумы способны сами справиться с глубокими переживаниями. Во время коллективных кризисов инновационный опыт тоже должен быть коллективным. Именно «третий элемент» зависимости из нашей схемы, приведенной в предыдущей главе, поможет понять причины появления субкультур. Он отличается от первого элемента (биологической зависимости) и второго (патологической зависимости), которые являются больше факторами индивидуальной, а не коллективной зависимости. Хотя фрейдистская школа глубинной психологии, делающая акцент на личном бессознательном, могла бы дать более точные клинические рекомендации, тем не менее, она рассматривает данную проблему под более узким углом, чем школа Юнга, которая, обладая теорией коллективного сознания и бессознательного, лучше подходит для культурного анализа.

Как иначе объяснить тот факт, что наркопотребление возрастает, когда культура переживает кризис, а официальные запреты акцентируют эзотерические и инициатические аспекты наркомании? Юридическое толкование расценило бы эзотеризм как попытку обойти официальное осуждение. Фрейдистская психология сфокусировала бы своё внимание на индивидуальных аспектах проблемы. Однако, с юнгианской точки зрения причина в том, что базовая потребность в обновлении активировалась в недрах культуры.

Чтобы понять лучше, как посвящение и наркотики связаны с архетипическими фантазиями, было бы полезно прежде, чем исследовать более насущные проблемы, обсудить миф об относительно простом и изолированном обществе. Таким образом, мы увидим архетипическую тему в ее наиболее чистой форме.

Миф, как своего рода коллективный сон, говорит о бессознательных потребностях всего общества. Влияние отдельных людей на формирование этого мифа не существенно. Мы будем исследовать миф из Арекунской культуры (Центральная Гвиана), описанный Леви-Строссом в работе «От меда к праху»² ("C. Lévi-Strauss. From Honey to Ashes. N-Y. Harper & Row, 1973.). Простота этого особенного мифа и явная чуждость европейской культуре лишь усиливают его универсальные и архетипические аспекты, давая аналогии для описания наших собственных бессознательных потребностей.

«Миф называется „Происхождение табака и других магических веществ“. Он начинается с того, что один ребенок приводит своих четверых братьев в лес, где им встречаются птицы джа-джа, чей крик означает „Дальше! Дальше!“. Лети не ели, хотя захватили с собой немного еды. Они хотят поймать птиц, которые позволяют мальчикам близко подойти к ним без каких-либо трудностей. Однако, мальчики промахиваются. Гонясь за добычей, они продолжают двигаться все дальше и дальше

и, в конце концов, выходят на плантацию, где работают слуги Пайаймэна, Табачного Короля. Слуги пугаются стрел и умоляют мальчиков быть осторожнее, чтобы не повредить всем глаза. Птицы превращаются в людей так, что дети узнают в них своих родителей и соглашаются пойти с ними.

Однако, Пайаймэн хочет завладеть детьми в своих целях, так как птицы, которые заманили их, тоже его уловка. Он желает, чтобы дети стали колдунами, и каждый день назначает им рвотные напитки. Дети изолированы от всех в маленькой хижине, где их не могут видеть женщины. Они извергают рвотные массы в водопад, чтобы „смягчить его шум“, и в большую пирогу. Приняв все виды смесей, приготовленных из коры и „душ“ различных деревьев, очень исхудавшие, утратившие сознание, дети вдыхают носом пары табачного сока и подвергаются болезненному испытанию — через их носы продергивают в гортань и назад в рот волосяные шнуры. Под конец такого посвящения двое детей совершают то, что им запрещалось, из-за чего они теряют зрение и превращаются в ночных духов. Трое других становятся вполне состоявшимися колдунами-целителями и растут вместе со своим королем. Когда, наконец, король отправляет их назад в деревню, они уже стали совершенно лысыми. Их родителям приходится пережить очень многое, признав своих детей. Молодая девушка, о которой они мечтали, находит их слишком старыми. Раздраженные этим, они превращают её в камень, а членов своей семьи в Духов. Это и есть те Духи, из-за которых сегодня табак колдунов вырастает всего лишь за десять дней, даже без ухода за ним. Существует три разновидности такого табака. Он очень крепкий». Герои мифа, в котором согласно Леви-Строссу термин «табачный сок» относится ко всем наркотическим зельям³(Табачный сок является относительно сильным наркотиком в экваториальной Южной Америке согласно книге Харнера «Галлюцинагены и шаманизм»), — маленький мальчик и его четыре брата. По традиционной нумерологии⁴ (Числовой символизм взят из словарей символов, особенно из французского «Словаря символов» Шевалье и Гирбранта) «пять» — сбалансированное число, это также центральный символ совершенного человека. В самом начале повествования основными героями являются не прошедшие инициации дети, не взрослые. У детей есть провизия, но они предпочитают поохотиться на птиц. Символически они отказываются от материальной и физической жизни, чтобы найти нечто возвышенное. Птицы обычно символизируют мысли, фантазии, стремление к духовной деятельности и более высоким формам существования. Предпочтение такого духовного поиска перед чисто материальными целями есть ещё одно необходимое условие посвящения, и, как и ожидалось, это уводит детей с «проторенного пути».

Затем дети рискуют повредить своими стрелами глаза слуг Пайаймэна. Стрела символизирует опрометчивые решения, а также смертельный удел. Учитывая оба этих значения, можно увидеть здесь предупреждение тем, кто обратился к наркотикам не «по велению сердца», а «по велению разума», и тем, кто сделал это слишком поспешно, торопясь прямо к цели. Это предупреждение особенно актуально для Западных людей, чья культура основательно искажена стремлением к достижению любых доступных и зримых целей. С точки зрения мира Пайаймэна, мира наркотиков, опрометчивая и интеллектуальная однобокость влечет за собой риск слепоты, сугубо сознательного отношения.

Птицы, которые приводят детей, в действительности слуги Пайаймэна. Другими словами, фантазия и ошибочное мнение, что наркотики можно попробовать один раз из интеллектуального любопытства без угрозы утратить силу воли, опасное проявление наивности. Фантазии — это сами слуги Пайаймэна. Было бы заблуждением думать, что такие фантазии возникают из сознательного обдумывания и подчиняются нам. Их архетипическое присутствие в том, как человек относится к наркотикам, а точнее, эти фантазии являются инструментами власти наркотиков над человеком. Это относится к тому моменту в мифе, когда Пайаймэн немедленно воспринимает тех детей как своих учеников, хотя дети сами не сознают этого. В отличие от надежд, взлелеянных западными наркоманами, «получить» от наркотика все и сразу, первой ступенью в ученичестве по этому мифу оказывается самоосвобождение, отречение и очищение рвотой (последнее физически связано с интоксикацией, но имеет и психологическое значение). Как продемонстрировал Элиаде в своей работе «Ритуалы и символы посвящения», рвота в шаманских ритуалах всегда связана с очищением. Важно отметить, что в данном мифе рвота наступала сначала, хотя с физиологической точки зрения она была результатом интоксикации. Два других элемента в мифе типичны для инициации — изоляция, особенно от противоположного пола, и прямая связь с природой (например, с водой) и с вегетативным процессом (с «душой» деревьев).

Теперь рассмотрим обряд волосяных шнуров. Символизм волос примерно аналогичен символизму птиц, в обоих случаях есть намек на нечто возвышенное в природе человека. Но волосы, которые также символизируют силу (в случае с Самсоном)), во многих культурах обозначают бессмертие духа, так как растут из головы, часто сохраняются всю жизнь и остаются даже после смерти тела. Даже в нашей собственной культуре отречение от всего мирского часто влечет отказ от волос (по религиозным или военным законам). Существует сложная связь между волосами и посвящением в примитивных культурах⁵ (См. E. Leach. «Magical Hair», in J. Middleton, ed., *Myth and Cosmos*. Austin: University of Texas Press, 1967, pp. 102-103).

Тот факт, что в Арекунском мифе шнур из волос продергивается через нос и вытаскивается через рот, мог служить для усиления превосходства неосязаемых или духовных качеств над материальными, представленными здесь едой. Как мы уже сказали, ученик шамана не только соблюдал пост, но и страдал рвотой. Другими словами, паробразные качества наркотиков подчеркивают его магические архетипические качества, подтверждение чему мы также увидим в шестой главе, в случае «ингаляции». Табачный сок в мифе потребляется посвященными через нос, что соотносится с тем, что табачный дым вдыхается, и подчеркивает его магическую силу, часто приписываемую этому веществу. Например, в Южной Америке табак иногда используется для испытания приобретенных шаманских сил⁶ (См. книгу Шевалье и Гирбранта, т. 4, с. 250).

Наконец, этот миф поднимает уже знакомую нам тему — ужасный риск, которому подвергаются посвящаемые, принимая наркотики, если они не обладают достаточной подготовкой, зрелостью и моральной силой духа. Двое детей слепнут и превращаются в ночных духов. Они не только не приобретают шаманской силы, но захвачены бессознательным и не в состоянии спастись. Оставшиеся трое детей (три — это динамическое число) стареют со своим «королем», служат шаманскому искусству

и власти наркотика. Их облысение означает, что им пришлось пожертвовать какой-то частью своей индивидуальности, чтобы выполнить свою задачу.

Наркозависимость и социальный кризис

Можно сказать, что патологический порог в потреблении наркотиков пересекается, когда острая потребность в них возникает независимо от какой-либо архетипической функции. На этом уровне определенно устанавливается зависимость.

Местные наркотики, такие как алкоголь на Западе, настолько хорошо знакомы, что редко вызывают сакральное отношение, присущее «экзотическим» наркотикам, хотя не следует архетипическую функцию экзотических наркотиков понимать слишком буквально. Архетипическая функция наркотиков ограничивает их потребление, только если сакральное отношение приводит к возникновению действенного ритуала, сопровождающего потребление наркотиков. Это произойдет только, если с веществом знакомятся постепенно и под руководством не циничных спекулянтов, а тех, кто ответственен за священнодействие, у кого самое уважительное отношение к сакральному. В реальной жизни новые наркотики почти всегда появляются по коммерческим причинам и во время культурного кризиса. При такой ситуации новизна или экзотичность — не более, чем приманка. Они разжигают любопытство и делают наркотики более желанными для неподготовленного пользователя.

Архетипический элемент, активизированный наркотиком, быстро подавляется, и наркопользователь впадает в устойчивую зависимость без какой-либо контакта с сакральным и защиты.

Самым драматичным примером культурной деградации из-за злоупотребления наркотическими веществами являются американские индейцы в прошлом веке. Прежде чем исследовать абсолютно светское потребление алкоголя и сакральное отношение к пейоту в индейской культуре, а также их традиции посвящения и передачи эзотерических истин, нам следует кратко рассмотреть, как различные тенденции современной Америки повлияли на культуру исконных американских индейцев.

В 1960-х — 70-х гг. США переживали кризис культуры, хотя, конечно, не такой мощный, с каким столкнулись индейцы веком раньше. Широкое распространение галлюциногенов в Северной Америке (таких как ЛСД, пейот и галлюциногенные грибы) совпало с волной самокритики американцев, порожденной поражением во Вьетнаме и кризисом доверия политическому и военному руководству Западного мира в целом. Потребление галлюциногенов, по-видимому, не зависело от потребления более знакомых наркотиков, которое продолжало расти. Интерес к галлюциногенам был тесно связан с распространением интереса к «аборигенной» культуре. Поскольку военное и политическое главенство США больше не было абсолютным, и вся Западная цивилизация оказалась несовершенной и испытывала потребность в обновлении, то было естественным с культурной точки зрения вернуться к своей аборигенной культуре, завоеванной, но по-настоящему не понятой. Распространение галлюциногенов было тесно связано с повторным открытием для Запада аборигенной американской культуры — культуры, основанной на посвящении, которое в свою очередь базировалось на концепции «видения». У такого

психологического движения были свои пророки (такие как Тимоти Лири), свои Евангелия (книги Карлоса Кастанеды), бесконечные серии эзотерических и инициатических историй о мудрости и проницательности шаманов коренной Америки.

Это движение со временем пошло на убыль и исчезло, но основные «психоделические» идеи оставили свой след в официальной культуре, например в убежденности, что человеку нельзя руководствоваться исключительно рациональными критериями, или, что политические и экономические меры способны удовлетворить лишь небольшую часть настоящих человеческих потребностей. В конце концов, в иррациональном элементе перестали видеть патологию или помеху на пути коллективного психического развития.

Поиск «видения», ключевого элемента в Американо-индейской культуре, был той самой архетипической силой, которая из-за географического синтеза двух культур привела многих американцев в большей степени к галлюциногенам, чем к другим типам наркотиков. «Мастера» такого психоделического движения возможно были наивными энтузиастами, и все же они пытались найти в галлюциногенах нечто сакральное и препятствовали спекуляции на их продаже. С другой стороны, героин был и остается наркотиком, продаваемым и распространяемым только ради наживы. То же относится к распространению алкоголя среди американских индейцев в самый критический момент их истории.

За последнее столетие американское общество пережило возможно самый серьезный культурный кризис, когда-либо засвидетельствованный европейцами. После военного поражения индейские племена в основном селились рядом с Индейскими Агентствами, на которые они полагались в плане субсидий и коммерции. Практически исчезли кочевой образ жизни и охота вместе с процессом индивидуации с ними связанным, а также мифическими моделями, на которых он основывался. Как известно, эта травма почти разрушила их культуру и быстро привела высокой частоте суицидов, болезней и детской смертности. Кроме того, это привело к повальному алкоголизму. Этот «легальный» европейский наркотик резко сократил индейское население и породил губительную зависимость, несмотря на то, что индейцам всегда использовали наркотики, которые с нашей точки зрения были гораздо сильнее, хотя их потребление, конечно, защищалось определенными обрядами посвящения. Вокруг алкоголя было невозможно воссоздать эзотерические обряды, которые могли бы выразить творческие аспекты вещества, или, по крайней мере, ограничить его разрушительную силу. Помимо иного воздействия алкоголя, невозможность уменьшения последствий его распространения обуславливалась как минимум двумя культурными факторами.

Прежде всего, алкоголь был вездесущим. Для индейцев он должно быть казался просто другим аспектом полнейшей неспособности чужестранцев отличить сакральное от профанного, отличительным знаком европейцев. Индейцы жили по племенным законам, где вводилось табу на контакт с определенными предметами, людьми и употреблением некоторых слов.

Алкоголь принесли те европейцы, которые презирали их традиции и посвящение, которые несли смерть. Американские индейцы связывали это вещество не с надеждами на возрождение, а с разрушением и смертью. Не следует забывать, что

смерть и возрождение — две обязательные фазы в посвящении. Таким образом, можно увидеть, как обращение к алкоголю стало метафорически отражением попытки обновления для тех, кто находился в невыносимой ситуации. Но это была пессимистическая попытка, нечто вроде капитуляции, поскольку ответом на индивидуальный и социальный кризис явился выбор вещества, которое могло обеспечить лишь первый элемент — смерть, но не второй — возрождение. Стоит ли за алкоголизмом коллективная потребность в суициде? Известно, что распространение алкоголизма сопровождается возрастанием случаев суицида. Можно предположить, что алкоголизм был бессознательной и отчаянной попыткой определенной части общества, утратившей даже малую долю автономии, сохранить свою независимость единственно возможным образом — через саморазрушение. Можно с уверенностью утверждать, что внезапное внедрение наркотиков из чужой культуры сопряжено большим риском, хотя это более сильно отразилось на американских индейцах, чем на современных американцах. С антропологической точки зрения это явление можно объяснить отсутствием традиций, обрядов и мудрых наставников или старейшин, которые руководили бы потребителями наркотиков и защищали их от потенциально разрушительных испытаний. С психологической точки зрения мы могли бы сказать, что коренная американская культура вошла в контакт с своей тенью неподготовленной, и что эта коллективная тень (Европейский мир) слишком быстро выскочила на поверхность. Известно, что подавление влияет на психический баланс и не может быть сразу устранено, иначе произойдет резкое нарушение естественных психических ритмов. Каждая культура, даже самая примитивная, обладает механизмом интеграции и контроля тени, предохраняющим от чрезмерного удаления от негативных подавленных содержаний и поэтому дающим шанс понять и постепенно трансформировать их. Так сексуальность не столько осуждается «примитивными» культурами, сколько сакрализуется и привязывается к ритуалам посвящения. Подобное отношение существует к магии и всему сверхъестественному — к ней можно получить доступ, только пройдя особое посвящение, которое в отличие от сексуальности не для всех. Сила тени может интегрироваться и контролироваться посредством обрядов инициации. Посвящение включает освящение мирских и профанных элементов жизни, а поскольку эти элементы пришли из Европейского мира, в котором эти различия стерты, процесс интеграции тени был крайне сложен для аборигенной культуры. Огромное различие между десакрализованным Евро-американским миром и инициатически ориентированным миром индейцев лучше всего подтверждается тем фактом, что индейцы выражают самые последние попытки сопротивляться европеизации участием в эзотерических и явно инициатических структурах. Стоит особенно отметить религию «Танец Привидения» культ пейота. «Раненое колено», несомненно, известно всем с 1973 г. как место возрождения организованного национализма коренных американцев. «Раненое колено» — так называлось место последней битвы федеральных и индейских сил, состоявшейся в 1890 г. Если отбросить военную точку зрения, то эта битва была не последней попыткой в индейском сопротивлении. Сопротивление стало культурным, а не военным. Хотя быстрое распространение религии «Танец Привидения» было подавлено армией в «Раненом колене», она вновь возникла в других культурных

формах. В этой религии человека посвящали в танец, который, как считалось, способен вызвать силу духов предков (привидений). Тогда вернулись бы древние традиции, вновь появились бы стада бизонов, стихийные бедствия и природные силы (а не индейские воины) стерли бы с лица земли захватчиков.

Противостояние досовременной символической культуры Западу может продолжаться долго, не смотря на поражение в военном или технологическом плане. Сила символа, чувство сакрального и обряды посвящения — всем этим утраченным аспектам досовременных обществ западные люди завидуют и отчаянно пытаются их вернуть. Обещание, данное посвященному в «Танце Привидения», что оружие Федеральной армии будет бесполезным против него, следует понимать метафорически. Ошибка «танцоров» заключалась в понимании этого обещания не на символическом уровне, а на семиотическом. Они не осознали, что неуязвимость индейцев является только символом, средством активизации бессознательных сил.

Они проинтерпретировали эту неуязвимость на другой плане, как военное преимущество. Эта ошибка заставляет нас подозревать, что европейский антисакральный прагматизм уже начал просачиваться в индейскую культуру.

Инициатические формулы принадлежат абсолютному и не могут применяться к внешней реальности, разве что в релятивизированном и десакрализованном виде.

Другими словами, адепты «Танца Привидения» были бы действительно неуязвимыми, если бы осознавали свою непобедимость как символическую и инициатическую. И тем не менее, в контексте нашего исследования их трагическая судьба не кажется бессмысленной, так как убедительно показывает, что любая тяга к посвящению в большей или меньшей степени бессознательно активизирует архетипическую модель, включающую смерть и возрождение, и что хрупкость этих активированных структур может блокировать любую из частей посвящения — и смерть и возрождение.

Пока возрождение является чисто психическим процессом, психическая смерть может быть специфическим и необратимым органическим событием. Если процесс посвящения

не дает удовлетворительных и завершенных переживаний, человек может со все возрастающим упорством делать попытки его завершить. Такая настойчивость иногда приводит к интенсификации материального процесса без необходимых соответствующих психических изменений. Это можно наблюдать в тех случаях приема наркотиков, когда архетипического

переживания не удалось достичь, и наркопользователь пытается вызвать его все возрастающими дозами. Можно предположить, что каждая попытка при посвящении, если нет адекватного осознания, защиты ритуалами и грамотной культуры потребления вообще, прежде всего активизирует элемент "смерти" в архетипической модели, так как это самая первая и самая простая стадия, и поэтому вместо возрождения может буквально случиться органическая смерть. Не найдя символического выражения, потребность всегда будет удовлетворяться буквально.

Вырождение процесса «смерть — возрождение» в соответствующей культурной ситуации приводит к буквальной смерти. Мы рассмотрим этот феномен позже в данной главе. Полезно упомянуть об этом сейчас, так как достаточно логичной выглядит наше гипотеза, что тема посвящения делает человека чувствительным к

возможности смерти, и что секта "Танец Приведения" вела многих своих приверженцев к бессознательному коллективному суициду в то трагическое Рождество в местечке «Раненое Колено». Когда все надежды, связанные с религией «Танец Приведения» были разрушены, среди различных племен Западной части США быстро распространился новый инициатический культ — культ пейота.

Пейот — это кактус, произрастающий в зоне от Техаса до Мексики. Его побеги содержат мескалин. Многие ученые соглашаются, что это достаточно сильный галлюциноген, не вызывающий привыкания. Конкистадоры столкнулись с обрядами, связанными с пейотом, но они показалось им незначительным местным культом. В полную силу популярность этого культа расцвела только в последней четверти прошлого века, сразу после окончательной победы Федеральных военных сил. Эта «вспышка» популярности выражалась в количестве (были охвачены самые разные племена) и в качестве (пейотизм, куда бы он не проникал, превращался в основной ритуал). Даже в последнее время пейотизм привлекает внимание своим продолжающимся распространением⁷ (Более подробная информация о «Танце Приведения» и культе пейота дана в 9 и 13 главах в работе Уилсона «Магия и Тысячелетие» и в других работах). В 1951 г. около пятая часть населения Навахо была вовлечена в пейотизм, а в 1964 г. — уже треть населения.

Пейотизм не является культом или религией в истинном смысле этого слова, и нельзя сказать, что пейот является объектом культа (даже несмотря на то, что иногда это движение приравнивали к христианству). Скорее, это средство, используемое, чтобы вызвать определенные видения, носящие характер откровений. Вероучения, связанные с ним, меняются от места к месту и, в целом, являются синкретическим, сочетающими элементы религий разных племен и христианства. (Джон Рейв, один из самых известных лидеров этого движения, крестил адептов, произнося формулу «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» и совершая крестное знамение над их головой пейотным соком). Это было в 1955 г., когда была основана церковь коренных американцев в Северной Америке. В официальной декларации об образовании этой церкви подчеркиваются христианские и моральные цели, но уже во второй статье есть упоминание о «таинстве пейота». Строительство церкви и подчеркнутая приверженность христианской традиции выглядят как средство защиты от преследований со стороны властей. Для наших целей интересно отметить, что этот культ сохранил черты спонтанного движения, связанного с посвящением, и что он очень символичен для сегодняшних дней.

Объектом культа в сущности служат видения, получаемые через пейот, а заявления о том, что часто видят именно Христа, больше похожи на оправдания. Символическая природа этого видения типично юнгианская. Социолог Брайан Уилсон пишет: «Только поедая пейот, можно было обрести мудрость. Ее невозможно описать или раскрыть, потому что слова не в силах ее передать... Группа „избранных“, следующая Пути пейота, — это группа людей, соединенных особой мистической связью. Посторонние не могут проникнуть на их мистерии и понять их значение. Но существуют также этические требования... Говорят, что пейот сложен в применении. Ведь в нем источник силы, и человек должен вести правильный образ жизни, иначе пейот устыдит, опозорит его. Не так просто его жевать, и иногда звучит инструкция: готовясь к мудрости, готовься к страданиям. Поэтому собрания адептов носили

характер суровых испытаний и постижения своей значимости. Это могло привести к плохим последствиям и чувству вины... Говорят, что сам Пейот обучал людей этической системе — Пути пейота»⁸(Wilson. Magic and the Millenium, pp. 421-422). Неудивительно, что в некоторых племенах для обозначения пейота использовали слово «лекарство». Наконец, следует здесь отметить, что этот культ символичен («символ» происходит от греческих слов *syn* и *ballein*, что означает «сводить вместе»), так как ему удается соединить христианские и анимистические элементы, а также примирить всего за несколько лет культуры разных племен, не просто сильно отличающихся друг от друга, но и строго придерживавшихся своих различий. Во-вторых, пейотное движение спонтанно выросло из пепла революционных движений, таких как религия «Танец Привидения». Фактически, многие лидеры перешли из одного культа в другой. Однако, у пейотизма было больше шансов выжить, так как он не пророчил изгнание захватчиков, а принимал часть их культуры, например, элементы христианства. Пейотизм не был отчаянной попыткой защититься, он успешно вел к сплочению группы вокруг новой культуры, которая не была ни культурой прошлого ни ассимилированной европейской культурой. Семена этой новой перспективы сеялись на личную, внутреннюю почву. Осознание необычайно жестокого и фактически уже непоправимого положения человека привело многих к крайнему отречению от мира. Единственным настоящим коллективным аспектом осталась крепкая связь с общиной, практикующей ритуалы. По классификации Брайана Уилсона это движение называется интроверсионным. А ответ на зло, предложенный религией «Танец Привидения», называется революционным.

Эти исторические и социологические моменты стоило отметить из-за явной аналогии между судьбой религии «Танец Привидения» и судьбой современных протестных движений. Большинство таких движений протеста растворяются, как только утрачивается цель — достижение политической власти (революция). Эзотерические группы (интроверсия), включая террористические группы (имеющие явно инициатический характер), и все более распространяющиеся группы наркопользователей возникают параллельно, а часто в прямой связи с движениями протеста. Если эти группы (на первый взгляд, такие непохожие), рождаются одна из другой, то у них должно быть нечто общее, например, эсхатологические ожидания, в большей или меньшей степени сознательно переживаемые как революционными, так и эзотерическими группами.

В-третьих, пейотное движение было связано с посвящением в каждом аспекте. Известно, что посвящение можно разделить на две основные модели: коллективное посвящение (юношеские и подростковые ритуалы, предназначенные для всех) и индивидуальное посвящение (в тайные общества или шаманизм для немногих избранных). Индейцы Великих Равнин считали поиск видения обязательным этапом для юношества и многих других моментов жизни, а пейот был средством достижения этого видения. В племенах с сильными традициями шаманизма (например, у Мескалеров) пейотом главным образом распоряжались шаманы. Со временем ситуация изменилась: теоретически, каждый мог быть допущен к обряду, но на деле, не каждый удостоивался чести его пройти. В отношении индейцев в целом, посвящение стало, по крайней мере потенциально, частью их всеобщего наследия. И

хотя больше не существует чистой индейской культуры, независимой от европейской, посвящение в пейотизм сохранилось только у индейцев.

Культ пейотизма претендует на место в культурном наследии коренных народов Америки. Пытаясь вернуть утраченное ими достоинство, пейотизм приписывает группе верующих обладание трансцендентальными ценностями. Здесь просматривается еще одной яркая аналогия с маргинальными группами «аутсайдеров» в нашем собственном обществе.

В-четвертых, пейотное движение решительно осуждает употребление алкоголя. Другими словами, этические принципы пейтизма просты и моралистичны. Они включают в себя братство, семью, работу, осуждение лжи и сексуальной неразборчивости. Упомянутый ранее Джон Равен был быв-шим алкоголиком, обращенным в пейотизм.

С одной стороны, пейотизм — это специфически индейское явление, попытка восстановить чувство национальной идентичности и связь со своими традициями, отличными от традиций захватчиков. Однако, с другой стороны, он служит подтверждением существования определенного фанатизма и нетерпимости в подготовительных группах и среди обращенных (и, следовательно, у наркопользователей). Можно сказать, что эти новообращенные пытаются наверстать упущенное время или проявляют прозелитизм подобно Святому Павлу с его неистовым усердием в вере или подобно поведению многих членов движения Анонимные алкоголики. В любом случае человек, который выбирает определенный наркотик, демонстрирует недоверие к другим веществам.

В-пятых, следует наконец рассмотреть, как именно происходит пейотная церемония. Обряд осуществляется ночью, символически это подтверждает, что его целью является нахождение контакта с бессознательным, и что первоначальной задачей культа было усилить видение, которое ранее приходило благодаря обычным сновидениям, которым индейцы придавали значение центральных религиозных переживаний в своей жизни.

Во время церемонии звучат молитвы и песни. Во многих тайных обществах к церемонии допускались сначала только мужчины (хотя главенствующими были женские божества, хотя в мифе народа Киова рассказывается, что пейот раздавался мужчинам женщиной, и хотя участники во время церемонии собирались вокруг насыпи в форме луны, которая является женским символом во многих культурах). Ночью бьют барабаны, участники выпивают воду и испытывают рвотные приступы, что считается полезной практикой очищения.

В целом, пейотизм можно оценить, как коллективное движение и индивидуальный опыт, целью которого является психическое обновление индивидуума и группы людей с помощью новых сил или элементов, пришедших благодаря наркотически стимулированным видениям. С психологической точки зрения нелегко установить, в какой мере пейотизм, появившийся в качестве альтернативы религии «Танец Привидения», является творческой сублимацией, или же это шаг назад к защитной рационализации. Одно несомненно, это явления взаимозаменяемые. Возвращаясь к трехступенчатой схеме наркозависимости, можно утверждать, что эти движения могут служить заменой друг друга, если достаточно выражен третий — архетипический элемент. Понятно, что, например, алкоголь может заменить пейот на

первых двух стадиях, но не на третьей, из-за символической бедности связанных с ним ритуалов.

Самый важный миф о пейотизме описывает функцию обновления. Опять процитируем Брайана Уилсона:

"...индейская девушка, бродила по холмам, скорбя по не вернувшимся с войны братьям, думая, что они погибли. Она заблудилась. Изнуренная горем, девушка прилегла и заснула. Во сне к ней явился дух Пейота и пообещал, что ее братья вернутся. Там, где покоится ее голова, она найдет то, что поможет вернуть братьев. Дух дал дальнейшие указания и исчез. На следующий день она выкопала пейот именно в том месте, где покоилась ее голова во время сна. Она вернулась в лагерь с растением и рассказала о своем видении. По ее указанию был установлен священный идол на холме в форме полумесяца. Индейцы пели песни, поизносили молитвы, ели пейот, и старцам пришло видение о том, где странствовали их войны. Воины вернулись из вражеской страны, и с тех пор индейцы потребляют пейот с песнями и молитвой, чтобы они увидели видения и познали вдохновение. А ту молодую де-вушку, которая первая принесла пейот, стали почитать как женщину Пейота"»⁹(Wilson Magic and the Millenium, pp. 420-42).

Миф повествует о такой психической ситуации, в которой присутствуют как мудрость и традиции (старцы), так и чувства и творчество (девушка). Здесь нет места волевым поступкам или динамическим качествам эго (воинам). Эти силы могут вновь открыться или претерпеть обновление через вызванные пейотом видения, так как это вещество действует в качестве посредника между элементами сознания и теми элементами, которые были утрачены или стали бессознательными. Пейот играет ту же самую роль, какую в нашей культуре выполняет психоаналитик на индивидуальном плане. Со всеми своими обрядами пейотизм представляет собой поворотный пункт от традиционного потребления наркотиков к более современному. В контексте традиционной индейской культуры центральное значение имеет видение, его коллективный смысл. Наркотик, сам по себе, вовсе необязателен. А в современном использовании наркотиков видения, если они вообще возникают, утрачивают свою важность, свою са-кральность и коллективную значимость.

Ассасины

Чтобы лучше понять связь между психикой и этими двумя факторами (наркотики и посвящение), а также их отношения между собой, важно иметь натренированное архетипическое воображение. К сожалению, коллективные ценности и рациональные сознательные категории нашей культуры вряд ли могут помочь в этом. Это гораздо сложнее, чем просто избавиться от предрассудков.

Архетипическая фантазия производит столь глубокое впечатление, что категории и предрассудки нашего мышления не способны его подавить, и мы начинаем применять те же категории для описания переживаний, вызванных архетипом. Всякий раз, пытаясь выразить себя, мы вынуждены соотносить себя с культурой, в которой мы живем. Мы предаемся удовольствию лениво блуждать мыслями, пока какое-нибудь событие, мифическое или настоящее, случившееся с туземцами, не впечатлит нас до такой степени, что в глубине нас откликнется аналогичная

архетипическая фантазия. Это как, закрыв глаза, слушаешь этническую музыку и уносишься куда-то за ее звуками, что помогает понять церемонию, во время которой играла эта музыка. Понятно, что подача исторической и этнологической информации, не относящейся прямо к контексту обсуждаемого, подобно лишнему блюду будет выглядеть поступком дурным и раздражающим. Нас, аналитиков, часто обвиняют в том, что мы "копаемся" в жизни примитивных народов в поиске полезных для нас элементов вместо того, чтобы углублять свои непосредственные профессиональные знания. Но если нашей целью является прослушать музыкальный отрывок или песню, с закрытыми глазами, чтобы понять, есть ли в нас ощущение охотника, и зажигается ли в нас желание танцевать, то наш подход не столь уж бесполезен. Поскольку мы, например, не антропологи, стремящиеся глубоко понимать древнее сообщество охотников на бизонов, а психологи, исследующие, есть ли в нас самих элементы, общие с теми, что вдохновляли различные народы на охоту. Слушая тот музыкальный отрывок или ту песню, мы надеемся почувствовать в себе древнего первобытного охотника.

В психологии, к сожалению, невозможно строго придерживаться критериев научной объективности, так как психический индивидуум является и объектом наблюдений и наблюдающим субъектом. Самый разумный способ справиться с таким противоречием — это просто принять его. Вот почему самой главной частью обучения аналитика является его собственный личный анализ. Так что, продолжая исследование, мы приносим извинения за любые возможные искажения, допущенные в описании неевропейских культур. Нам бы хотелось предложить для изучения еще одну легенду, которая помимо основной темы употребления наркотиков, рассказывает об образовании эзотерической секты. Допуск в эту секту, тайное общество «Аламут», был исключительно сложным, связанным с самыми удивительными ритуалами посвящения.

Невозможно определить из имеющейся информации, до какой степени история здесь искажена по вине азиатских источников, и насколько по вине европейских. Из доступных работ о секте «Аламут» самая значительная принадлежит Марко Поло. История, которую мы перескажем своими словами, выглядит так:

«У одного сильного человека, известного как „старец с горы“, были самые красивые сады, которые только можно было представить. Там текли молочные, медовые и винные ручьи, а на лугах танцевали и пели красивые молодые девушки. Время от времени старец давал таинственный напиток какому-нибудь молодому парню. Тот лишался чувств, и его относили в сад. Пробуждаясь, юноша убеждался, что попал в рай. Затем старец давал выпить эту жидкость снова, и на этот раз забирал юношу во дворец. Проснувшись молодому человеку приказывали кого-нибудь убить. Убийцу уверяли, что если он выполнит приказ, его вернут в райский сад старца. Если же он будет убит, его ожидает более или менее та же судьба согласно Корану. Не стоит даже говорить, как умело выполнялись убийства, и долгое время каждый в той местности подчинялся старцу и платил ему дань.»

Членов этой секты называли «гашашин», что означало в арабском языке «люди гашиша» и стало позже произноситься как «ассасин» (убийца). Их террор прекратился, когда их уничтожили татары в середине XIII в.

Эти истории всегда оказывали мощное воздействие на воображение европейцев, а в начале XIX в. они стали объектом серьезного изучения. Французский востоковед Де Саси отождествлял «людей гашиша» с экстремистской шиитской измаилитской сектой, которая после 1000 г. н.э. сражалась как против ортодоксального мусульманства Халифата, так и против крестоносцев, проливая кровь в Персии и Сирии. Секта состояла из небольшого числа членов. Следовательно, она никогда не участвовала в крупных сражениях, но совершенствовала систему политических убийств, которая постепенно сделала ее непобедимой. Слово «убийца-фанатик» (assassin) происходит от «ассасин», арабский корень которого указывает на ритуал употребления гашиша, проводимый чтобы не бояться смерти и не расстраиваться из-за смерти других.

Следует отметить, что различные истории, включая те, что были восстановлены экспертами-востоковедами, достаточно неопределенно называют использованный наркотик — что-то между гашишем и опиумом. Рассказчики этих историй, по-видимому, не особенно интересовались наркотиками, они хотели сохранить неясность изложения, чтобы подчеркнуть эзотерические и мистические моменты, которые наше архетипическое воображение ассоциирует с наркотическими инициациями.

Не доказано, что ассасины ритуально использовали га-шиш перед убийствами, хотя приверженцы данной теории считают это традицией исламской культуры.

Некоторые даже полагают, что такую практику возобновили во время войны арабов против французов в Алжире.

Самые последние исследования пролили некоторый свет на тайны этой секты. Ассасины были тщательно отобранной элитной группой преданных своему делу людей. Группа была исключительно мужской (как и многие тайные общества), с интенсивными мистическими практиками и фанатичной убежденностью в своей правде. Кажется неслучайным, что коллективное европейское воображение определило секту "Аламут", игнорируя всю сложную историческую правду, как прототип криминальной организации, что недвусмысленно отражено на нашем языке. За исключением немецкого языка, основные европейские языки используют слово «ассасин» для обозначения человека, совершающего преднамеренное убийство, хотя в этих языках уже есть другие слова для убийц. Негативная проекция является самым простым способом обращения с чем-то удручающим и одновременно шокирующим и непознаваемым. Поскольку существует необходимость в осуждении зла, то создается система, позволяющая удерживать интерес к таинственному элементу посредством упрощенных суждений, преодолевающих сложность и амбивалентность, с которыми сопряжено все таинственное. Мы всегда так поступаем — стоит только подумать, с какой легкостью мы выражаем свои отрицательные суждения в адрес богатых, сильных, знаменитых людей, хотя не знаем их вовсе. Легко согласиться, что существует потенциальная опасность впасть в предрассудки, выражая свое мнение о наркоманах или террористах. Обе эти группы тесно связаны со смертью, гораздо сильнее, чем средний человек. Часто они — именно те, кто несут смерть (первые — себе, вторые — другим людям). Они действуют так, как будто наделены властью преодолевать табу, что провоцирует скандалы и вызывает тайную зависть.

Слишком мало внимания уделяется тому, что бессознательная зависть, отрицанию которой служат наши примитивные негативные проекции, является не только завистью к возможности употреблять наркотики или стрелять в кого-нибудь, но и завистью к посвященным, к тем, кто в контакте с другим измерением бытия, кому открылась истина или даровано блаженство, недоступное простому среднему человеку. Эта гипотеза помогает нам лучше понять, почему история про «Аламут» с западной точки зрения была пропитана терроризмом и наркотиками. («Аламут», между прочим, означает «гнездо орла», что важно, так как метафоры о полете и высоте часто связаны с посвящением и наркотиками). Благодаря крайне суровому эзотеризму группы, с одной стороны, и ее полному уничтожению татарами, с другой, люди, которые говорили об этой секте в течение нескольких веков были, к сожалению, не ее сторонниками, а только противниками. Враги секты говорили только о ее негативных аспектах, поэтому трудно отличить реальность от моралистических фантазий или теневых проекций говорящего. Из последних исследований и раскопок стало известно, что структура такой секты состояла из самого строгого среди известных религиозного посвящения, а наркотики и терроризм носили лишь вспомогательный характер. Популярные легенды должны быть на доступном для своего времени языке, а поскольку посвящение исчезло на Западе, воображение европейцев застряло на «верхушке айсберга», на самых очевидных явлениях, способных зажечь сильное любопытство — наркотиках и терроризме. Такая ситуация сохраняется и сегодня. Мы немедленно интересуемся материальной активностью тех групп, о которых нам известно слишком мало, но мы не осознаем, что на самом деле именно атмосфера посвящения вызвала наше любопытство к этой группе.

Есть много элементов в Аламутской легенде, которые поражают нас тем, что несут сказочные характеристики вне зависимости от той особой культурной ситуации, в которой

появилась легенда. Короче говоря, они, несомненно, архетипичны. Этими элементами являются старец, оказавшийся мастером злодеяний; суровое неестественное отделение посвящаемого от внешнего мира; отсутствие независимой воли у посвящаемых в отношении сознательности и морали; недостаток конкретной информации по ритуалам секты — очищения, отречения от мира и других. Кажется, что первая фаза посвящения Аламута, фаза отделения и смерти, была сокращена и спроецирована на тех, кто не являлся членом секты. Таким образом, испытание смертью сохраняется для врага.

Нас поражает аламутское отношение к наркотикам — высокопарное или упрощенное или же абсолютизированное, вытекающее из упрощенной или абсолютизированной идеологии. Убийство внешнего врага могло быть аллегорической бессознательной репрезентацией постепенного растворения начальной идентичности посвящаемого (секта боролась против более ортодоксального исламского мира) вместе с той частью его личности, которая еще не была вовлечена в круг наркопользователей. «Кто-то другой» погибает, но не собственное эго посвящаемого. Процесс аламутского посвящения с повиновением злодейскому мастеру, с явной тенденцией к ограничению, а не обогащению внутреннего опыта, можно отнести к «отрицательному посвящению» (по классификации, приведенной во второй главе).

Однако, в целом у легенды есть смысл предупреждения об опасности, особенно в части процветания секты горделивого старца, сменившегося ее внезапным и полным крахом, как если бы эта история была притчей о смирении гордыни, о безрассудном и несущим зло употреблении наркотиков. Эту историю можно было бы интерпретировать, как предостережение против посвящения, происходящего без смирения сердца и разума, или как предупреждение о наступающем вырождении секты, когда она начинает слишком гордиться своей эзотерической властью. Поскольку в большинстве историй об этой секте делается акцент на ее таинственности, а не на употреблении наркотиков, по-видимому, реальная опасность заключается именно в первом.

Преобладание отрицательных элементов в историях об Аламуте заставляет нас насторожиться, особенно, если считать, что эти рассказы соответствуют исторической реальности. Помимо неясных рассказов о секте, циркулирующих в Средневековой Европе, ученым приходилось до недавнего времени полагаться на записи, сделанные ее противниками, которые после разрушения самой секты также уничтожили все ее документы. Остается вероятность того, что посвящение в секту давало доступ в мир веры и важной эзотерической мудрости. Повод для этих подозрений вырастает из-за того, что по Европе и Среднему Востоку распространялась только отрицательная информация о секте, а ее название стали использовать для обозначения самых худших преступников. У нас нет доказательств (хотя эта тотальная антипатия уже может считаться некоторым доказательством), но судьба Аламутской секты соответствует коллективной тенденции в отношении посвящения к усилению центральных властных структур и к устранению побочных. Чего достигла эта тенденция, так это не критического принятия обществом позиции осуждения инициатических групп, обладающих значительной автономией. Достаточно вспомнить о гонениях на тамплиеров и альбигойцев, проводимых под руководством Церкви.

Естественно, такой морализм наиболее жестоко преследовал группы, уже достигшие более или менее абсолютной автономии с помощью выработки независимого «видения» и идеологии, отделения от окружающего мира, как функционального, так и эзотерического, а также, возможно, посредством создания особой мистической атмосферы через практику измененных состояний сознания (бичевание, наркотики и т.д.). Схематическая природа такого моралистического осуждения показывает, что доминирующая культура в Средние века уже была нацелена на устранение эзотеризма и подлинных инициатических движений. Это продолжается до наших дней (возможно даже сильнее, учитывая преобладающий коллективный императив рационализма). Поэтому для выражения этих двух явлений остается только негативный путь.

Глава 5.

Смерть и возрождение, и смерть при возрождении

Смерть эго

С самого начала этого исследования мы подчеркивали, что смерть и перерождение являются ключом к каждому процессу посвящения¹ («Энциклопедия религий» (6 том) критикует широкий общий подход, в котором сегодня рассматривается концепция посвящения, и все же она признает, что в данной концепции есть элемент, объединяющий 8 категорий событий, классифицируемых отдельно друг от друга. Следует отметить, что уже в работе Ван Геннепа, пионера в этой области (хотя он занимался обрядами перехода, а не посвящением), приводится список стадий: отделение, предел, агрегация, где отделение подразумевает психологическую смерть прежнего окружения и статуса индивидуума, а предел относится к промежуточному состоянию между психологической смертью человека и агрегацией). Рискую повториться, позвольте еще раз быстро пройти по основным пунктам этой концепции.

В примитивных обществах отношения между посвящением и смертью настолько тесные, что многие процедуры посвящения аналогичны похоронным ритуалам² («Энциклопедия религий», т. 3, с. 1131). Эти вещи взаимосвязаны: не только посвящение ведет к символической смерти, но и сама материальная смерть интерпретируется в инициатических теориях как часть процесса, неизбежно ведущего к возрождению³ (См. главу о смерти в М. Е. Hade. Occultism, Witchcraft and Cultural Fashions. Chicago: University of Chicago Press, 1976).

Эти антропологические описания по поводу двойственности смерти-посвящения имеют большое значение и в приложении к нашему собственному обществу. Мы уже выдвигали гипотезу о скрытой потребности в посвящении в нашем современном обществе. Массовое обращение к наркотикам и формирование эзотерических групп скорее всего является беспорядочным и отчаянным выражением данной потребности. Нашему обществу не хватает ритуалов посвящения как и не хватает ритуалов смерти, ведь смерть часто оказывается самой подавляемой темой нашего столетия подобно тому, как в прошлом веке была табуирована тема сексуальности. В свете сделанных предположений такие совпадения не случайны. Смерть и посвящение взаимосвязаны на архетипическом уровне. Они не только испытали одну участь подавления, но и принадлежат к одной подавляемой психической области. Именно в мире наркотиков тема смерти продолжает актуализироваться снова и снова.

Часто встречаются люди, которые говорят, что обратились к наркотикам с желанием постепенно умереть. Даже когда нет речи о физической смерти индивидуума, может конstellлироваться психическая смерть. К наркотикам часто обращаются из-за никчемности, бессмысленности, пустоты жизни, мертвого существования, наполняемого исключительно рефлексивными действиями.

Когда у человека умирают все семейные ценности, привязанности и идеалы, он ищет жизненный опыт, достойный слова «жизнь», даже если этого чисто субъективный

опыт, который можно разделить лишь с немногими избранными. Он чувствует нечто вроде прогрессирующей психической смерти, когда действие препарата проходит (вообще говоря, эффект от веществ бывает разным — героин, алкоголь, марихуана и др. Различаются по их действию). При использовании сильных наркотиков человек обычно переживает чувство смерти в период абстиненции, часто с сильными физическими симптомами, что вносит существенный вклад в физическое привыкание, о котором мы уже писали.

Таким образом, невозможно не заметить связи, существующей между обращением к наркотикам и бессознательной темой смерти и возрождения. Битва жизни и смерти — это несомненно матрица любого важного жизненного поступка, но эта матрица особенно очевидна в случае наркозависимости⁴ (Это касается не только современного употребления наркотиков. Например, немецкий трактат по интоксикации, датированный 1830 г., утверждает, что за бюргерскими предубеждениями против интоксикации стоит не физическая опасность, а страх смерти. См. G. Mattenklott. *Der Ubersinnliche Lieb*, Hamburg: Reibek, 1982. pp. 225-226). Прием наркотиков не является частью противопоставления жизни и смерти в некотором обобщенном абстрактном контексте. С каждой дозой человек может буквально (а не просто метафорически) лишиться жизни, и если он не заходит слишком далеко, наркотик заставляет обращаться к нему снова и снова. Каждая доза, более или менее бессознательно связанная с ожиданием смерти и возрождения, создает эту смерть «de facto». Это ожидание, как мы знаем, является амбивалентным, и элемент «смерти» легко может начать превалировать не только физически, но и смысле глубокого психического опыта. Но в то же время, это ожидание в своей чистой форме есть попытка создать нечто вроде самопожертвования.

Эта по большей части бессознательная попытка осуществляется сегодня в такой исторической и культурной ситуации, которая благоприятствует неизбежному переоцениванию значимости парадигматических мифологий и мастеров, способных каким-то образом сориентировать в отношении этих переживаний. При такой попытке посвящения не соблюдается различие сакрального и профанного, и не оказывается священному должного уважения, как это делалось с древних времен. Здесь также игнорируются подготовительные и очистительные жертвоприношения, которые сопровождали и ограничивали потребление наркотиков в примитивных обществах. Эта попытка на грани провала не столько из-за неадекватности и рискованности самой затеи, сколько из-за того, каким способом и при каких обстоятельствах ее осуществляют.

Несмотря на все предпринятые попытки ритуализировать потребление наркотиков, наблюдаются две ошибки при обращении к этим веществам — наивность и недальновидность. Дело не только в недостаточном внимании к токсикологическим моментам, недооцениваются соответствующие культурные и психологические препятствия. Тело человека реагирует на наркотики признаками отравления параллельно тому, что его психика неспособна интегрировать данный опыт. Попробуем выйти за пределы культурной наивности и взглянуть на эту неудачную инициацию с архетипической точки зрения. Выполняет ли свою функцию модель посвящения, порыв к переживанию смерти и возрождения? До определенной степени мы вынуждены признать, что эта модель активируется, причем конструируются обе

части посвящения. С другой стороны, динамика архетипа всегда запускает обмен между двумя противоположными полосами и развиваться по пути амбивалентности⁵ (Даже популярная психология и народная мудрость утверждают, что в любви есть доля ненависти и наоборот. Но обратим внимание на более специфическую архетипическую тему. Например, битва героя против тьмы или против первичного хаоса бессознательного, о которой уже упоминалось, дает импульс рождению сознания и сильного эго, но она может также зайти слишком далеко и привести к хрупкому эго, которое однажды будет поглощено бессознательным (так происходит в психозе), превращая, таким образом, победу в свою противоположность). Попытка посвящения может закончиться парадоксально — победой смерти, а не возрождения. Чтобы быть точнее, следует отметить, что при приеме наркотиков возникает ранняя фаза, которую можно было бы назвать фазой смерти. Она заключается в освобождении от текущего напряжения и беспокойства, так что можно назвать смертью обусловленности. Высшие цели и сильные эмоции не утрачиваются (они на самом деле ощущаются экзальтированно), но исчезают именно беспокойства, которые нас одолевали до настоящего момента. Известно, например, что солдаты порою прибегают к алкоголю перед атакой (не только в наше время, об этом упоминал еще Гомер), и, как было ясно из Аламутской легенды, «ассасины» получили это имя после ритуального приема гашиша перед совершением убийств. Логично предположить, что алкоголь и гашиш нужны для придания храбрости перед лицом смерти. Но такое объяснение по существу нам ничего не говорит. С психологической точки зрения здесь тавтология. Что есть смелость? Это отрицание смерти или связь с ней случайна? Может быть, помощь от алкоголя и гашиша заключается не в приглушении мыслей о смерти, а наоборот, в нетравматичном знакомстве с ней через возникновение ощущения пребывания вне обусловленности обычными проблемами. Не случайно в традиционных обществах подобные цели ставились при подготовке к смерти.

Используя аналитическую терминологию, можно сказать, что человек, принявший наркотики, переживает более или менее интенсивную смерть своего эго. отход от той позиции сознательности, рациональности и просвещенности, к которой мы привязаны из-за доминирующего императива Европейской культуры. Это наблюдение может помочь нам понять некоторые факты. Потребление наркотиков считается преступлением, особенно на Западе, в первую очередь потому, что в нем усматривается попытка подрыва психологии Западного человека. Стремительное распространение наркозависимости в обществах, переживающих ускоренную модернизацию, может быть истолковано как бессознательная и отчаянная попытка многих людей компенсировать психическую односторонность, вызванную этим процессом. Становится понятнее, почему на Западе наркотики часто и, возможно, бессознательно связаны с другими формами отвержения доминирующей культуры. Совершенно невероятно, чтобы краткий и неглубокий опыт «смерти эго» после приема наркотиков (чувство «легкости бытия») соответствовал необходимости смерти в архетипе посвящения или, чтобы этот опыт смог удовлетворить эту потребность. Такая «смерть» не принимается сознательно и не переживается как настоящая смерть, это лишь сброс лишнего напряжения. Когда эго нейтрализовано,

спонтанно активируется бессознательное, причем происходит это целиком благодаря галлюциногенам и реже при использовании других веществ.

В целом, в первые минуты после приема наркотиков психика, не переживает ощущения смерти, а лишь измененное состояние сознания. Момент, в котором переживание смерти проявляется наиболее сильно, возникает позже, когда подействует наркотик. Если рассматривать наркозависимость как бессознательную попытку самопожертвования, то больше всего нас поражает обратный порядок посвящения — возрождение в начале, а смерть в конце.

Отрицательное посвящение

Прежде всего возникает вопрос, являются ли два обсуждаемых типа посвящения — «обращенное» и «отрицательное» — в сущности идентичными в своей архетипической основе. В обоих случаях это посвящение, ведущее вниз, к низшей форме жизни или к «не-жизни», или к темноте—это посвящение в духе нашего времени. Как говорил Юнг, старые боги скорее подавлены, чем искоренены, они превратились в болезни и психические инфекции. Ницшеанское «Бог умер» предвещало падение позитивной религии, особенно христианства. Но зато божества смерти набрали силу, что стало очевидным не столько из неосатанинских культов, сколько из-за не прямых, но шокирующих последствий деструктивных идеологий. Осмелимся предположить, что смерть Бога привела к торжеству божества смерти. С этой точки зрения, ритуалы, на самом деле не исчезнувшие, действуют здесь только в теневой форме, а посвящение находится в услужении у божества преисподней. Наркоманы с более развитым самосознанием обычно открыто признают свои саморазрушительные наклонности. Они говорят, что предпочитают контактировать со смертью понемногу, постепенно двигаясь в этом направлении и предоставляя случаю решить их судьбу. Даже если интерпретировать эту установку, как стремление достичь радикально новой ситуации в своей жизни, здесь еще нет открытого столкновения со смертью, как должно быть у посвящаемого, от которого требуется пережить психическую смерть и преодолеть опасные испытания. Наркоманы, по большей части, пассивно встречают свою смерть.

Те же, кто хорошо осознают свое саморазрушение и явно захвачены архетипом отрицательного героя, по-видимому, являются личностями, выбравшими радикальную и драматическую роль, но колеблющимися в осуществлении своего выбора. Им недостает энергии героя, силы воли, способности принять ответственность за собственную судьбу. Сознание чувствует силу архетипической модели, но не в состоянии следовать целиком этой модели. Куда бы мы не посмотрели, повсюду видно, что наркотики приносят смерть. Смерть откладывается и переносится в конец процесса, который, будучи архетипическим, начинает разворачиваться автономным образом, так как процесс не может подчиняться сознательным решениям, если за ним стоит бессознательная сила активировавшейся модели. Даже самые продвинутые из наркоманов (в смысле осознания своего положения) живут в мучительной двойственности, в ежедневном компромиссе между стремлением радикально, решающим образом измениться и маленьким бегством к своей ежедневной привычке.

Профанация культурных факторов не позволяет этой потребности в обновлении развиться в спокойный и торжественный процесс с должным уважением к священному, который необходим психике индивидуума для придания ценности внутренним переживаниям. Потребительское отношение, укоренившееся в каждом члене нашего общества, побуждает его бездумно экспериментировать с наркотиками и их воздействием, а также представляет собой форму профанного псевдоритуала. Псевдоритуал в такой дегенеративной форме, называемый нами обсессивностью или навязчивостью, дает выход подавленной в нашем обществе потребности в ритуалах. Наркопользователь, таким образом, переворачивает модель — возрождение происходит в первые минуты эйфории, а затем наступает смерть. Отречение как обязательная психологическая фаза отрицается, но позже проявляется в форме физиологической ломки, когда принятое вещество прекращает действовать на организм наркомана. Можно предположить, что отречение есть психологический элемент архетипа, который нельзя устранить подобно тому, как происходит возвращение вытесненного (бессознательных желаний).

Весь этот психологический процесс можно также описать, применяя концепцию «позиции» Мелани Кляйн вместо архетипической модели, так как эта концепция во многих отношениях соответствует идее архетипа⁶ (См. статью Мелани Кляйн «Вклад в психогенезис маниакально-депрессивных состояний у взрослых» из книги «Любовь, вина и возмещение». М. Кляйн объясняет, что в своих исследованиях младенчества она перешла от концепции фазы к концепции позиции (площадки), так как одни и те же механизмы — параноидальные, маниакальные и депрессивные — действующие на маленького ребенка, остаются потенциально активными всю жизнь. Изучая эти фазы, можно лучше понять, например, маниакально-депрессивное состояние у взрослых).. Согласно Кляйн, различные депрессивные состояния в жизни человека возникают по модели, сформировавшейся в определенный момент в раннем детстве. Этот момент наступает, когда ребенок становится способен воспринимать мать целостно, например, она больше не является только хорошим объектом (питающая грудь), но одним неделимым сложным целым, включающим также возможность матери быть плохой и вызывать у ребенка агрессию своими требованиями и ограничениями. ...Ребенок начинает видеть свою мать как целостную личность и идентифицироваться с ней как целостным, реальным и любимым человеком. Именно тогда на передний план выходит депрессивная позиция»⁷ (Klein, p. 286).

Это раннее переживание создает основу для других депрессивных переживаний в жизни (а также для параноидных и маниакальных переживаний соответственно): «Если ребенку в этот период жизни не удастся сформировать любимый объект внутри — если не произошла интроекция хорошего объекта — то возникает ситуация „потери любимого объекта“ как в состоянии меланхолии у взрослых»⁸ (Там же, с. 287).

Проработка и преодоление последствий утраты «хорошего» объекта и чувства вины за свою агрессивность к этому объекту связаны с кляйнианской концепцией возмещения: «Стремление к возмещению, играющее большую роль в нормальном процессе преодоления инфантильной депрессивной позиции, развивается

различными методами. Я упомяну лишь два основных: маниакальные и обсессивные защиты и механизмы» 9 (Там же, с. 288).

Нельзя не заметить, что процессы, описанные Кляйн, происходят по модели, которая в патологическом аспекте повторяется в наркозависимости. Также, как в депрессивной позиции, в случае употребления наркотиков большую роль играет чувство вины, и наркоман часто фантазирует о наивных и решительных формах исправления. Маниакальный и обсессивный тон повторяющегося, непрерывного и похожего на одержимость возврата к наркотикам похож на тон современной потребительской идеологии в целом, самым нездоровым аспектом которой является наркозависимость.

Использование наркотиков никогда не приносит интроекции ни «нерушимого стабильного ни постоянно хорошего объекта» и, следовательно, не оставляет удовлетворенности после прекращения «хорошего» действия наркотика (или экстатического эффекта) на организм потребителя.

Но если прогрессия (или регрессия до параноидно-шизоидного состояния) в значительной степени происходят в рамках движения к возмещению (репарации объекта), то можно предположить, что наркоман бессознательно мотивирован стремлением прочувствовать и проработать стадию возмещения, а также снять с себя чувство вины через самопожертвование. Такое предложение оправдано, даже если учесть тот факт, что часто процесс возмещения, воодушевленный исключительно желанием регрессировать до экстатического или «океанического состояния», соответствует ситуации, предшествующей установлению стабильного эго. По мнению Кляйн, возмещение ущерба и чувство вины — это не патологические переживания или отклонения от естественного процесса роста, а необходимые фазы в развитии эго и в обретении нормальной способности любить. Нарциссизм и психическая хрупкость наркомана показывают, что он не прошел эти фазы. Можно предположить, что он бессознательно ищет переживания утраты, пытаясь заполнить эту пустоту.

В теории Кляйн развитие индивидуума делится на фазы и рассматриваются переходы между ними. Такое движение представляется естественным психическим развитием в раннем детстве. Но гипотеза об их дальнейшем бессознательном существовании (в форме позиций или площадок, которые могут реактивироваться) позволяет увидеть здесь модель для более поздних моментов в жизни и некоторых культурных феноменов, таких как посвящение, в котором для перехода на новую ступень нужно пережить потерю и отгогевать (потерю прежней идентичности вместо «потери объекта любви» в раннем детстве по Кляйн). Следовательно, Кляйнианская психобиологическая теория описывает базовую структуру, подходящую как для процесса посвящения, так для бессознательных потребностей, стоящих за обращением к наркотикам. То, что наркотики констеллируют тему посвящения, но обращают его процесс, становится еще более очевидно, если наблюдать наркомана не только в обычный период потребления вещества, а в течении длительного времени, включая его попытки бросить наркотики. Пытаясь измениться и «начать новую жизнь», ему с большим трудом приходится переносить абстиненцию. После прилива жизненной энергии под действием наркотика, абстиненция часто ощущается как опыт смерти, так что процесс здесь идет в обратную сторону, по крайней мере в отношении самых заметных вещей.

Существует еще одна точка зрения, которая может поддержать ход наших рассуждений, — клиническая картина наркозависимости в описании авторов, сочетающих фрейдистский и традиционный психопатологический подходы. Знакомство с этой литературой¹⁰ (Розенфельд предлагает довольно исчерпывающий обзор литературы по этому вопросу. См. Н. Rosenfeld. *Psychotic States*, London: Hogarth Press, 1965) выявляет то, что читатель возможно уже заметил, — тесное родство между привычным циклом потребления наркотиков (или алкоголя) и маниакально-депрессивным синдромом. Мы не будем углубляться в вопрос о том, что происходит в первую очередь — либо использование наркотиков вызывает этот синдром, либо люди, обращающиеся к наркотикам, уже потенциально маниакально-депрессивны. Со временем возникает тесная связь между обоими интересующими нас явлениями. Маниакальное поведение характеризуется излишней и дерганной или пустой активностью, а также постоянной потребностью затевать новые дела. Маниакальный индивидуум похож на человека, который только родился и жаждет до жизни. С другой стороны, в депрессивной фазе атмосфера печали и смерти сопровождает любое его переживание. Можно сказать, что его жизнеспособность и энергия эго мертвы и тесно связаны с бесконечным трауром. Некоторые писатели указывают, что этот цикл характерен для наркомана, как в его повседневной жизни в целом (маниакально-депрессивный цикл обычно длится, по меньшей мере, несколько месяцев), так и в течение коротких циклов потребления наркотиков (за эйфорией в одурманенном состоянии следует «провал» («down») на несколько часов или дней).

Порочный круг, в который попадает наркоман, толкает его ко все большим дозам в безуспешном поиске состояния, где он сможет избежать опыта смерти. Парадокс, однако, в том, что этот сценарий может привести к настоящей физической смерти. Чем больше доза, тем мучительней и «смертоносней» будет последующее состояние депривации, тем сложнее для наркомана принять депривацию как необходимую фазу, даже если ее рассматривать как подготовительный момент к очередному приему наркотика. Фаза депривации подавляется, выключается из последовательности, ее по возможности пропускают или перескакивают. Наркоман пытается сдерживать приближение смерти, по крайней мере, некоторое время, а потом будь, что будет. На этом маниакально-депрессивном ландшафте вершин и долин наркоман пытается выжить, перепрыгивая как акробат с пика на пик. Временами он даже мог бы гордиться своей смелостью, так как ему известно, что он — акробат без страховочной сетки.

Наркоман выражает в экстремальной и опасной форме установку, принадлежащую не только ему одному, а всему обществу. Существует явная аналогия между зависимостью и потребительским поведением, которое основано на беспрестанной погоне за удовольствиями и не допускает ограничений или отказа от обладания, не выносит ухудшения уровня потребляемых товаров и услуг. Некоторые наркоманы, отвергающие доминирующие ценности своего общества, иногда осознают потребительские стереотипы в своем поведении, и это заставляет их еще больше ненавидеть себя. По сравнению с традиционными культурами наша современная культура представляет собой перекошенное маниакальное образование, так сильно наклоненное в сторону будущего, что удержаться от падения может только, убыстряя темп и становясь все более одержимой.

Ни одна культура, предшествующая нашей, не верила в непрерывное и поступательное движение вперед. Не только из-за невозможности технического прогресса в прошлом, а еще и потому, что это осуждалось системой ценностей, призывавшей к чувству меры и самоограничению. С другой стороны, идеология «постоянного роста», утвердившаяся на Западе за последние несколько десятилетий, поощряет рост товаропроизводства и материальный прогресс, упорно отказываясь принять то, что в печали и в отречении от мира может быть какой-то смысл, что вещи да и человек не вечны. Можно наблюдать, как существующее внутри общества недовольство самим собой мифологизируется в пророчествах о грядущем Глобальном кризисе, о мировых катаклизмах, о возмездии. Такое же самопрезрение просматривается в мазохистическом влечении к зрелищам катастроф, когда за стартовую точку берется какой-то реальный эпизод жизни, например, гибель «Титаника», а затем вокруг него вырастает почти сказочная история о том, как гордость человека за технический прогресс наказывается силами природы. Важно не упустить из виду сходство между идеологией потребительского общества, потребностью наркомана во все больших дозах и неустойчивым регрессивным оживлением на маниакальной стадии. Одна и та же модель здесь действует на разных уровнях. Архетипическая теория позволяет нам соединить клинический взгляд (маниакально-депрессивный цикл) с социологическим взглядом (потребительское поведение) на наркозависимость, не противопоставляя, а объединяя их в общей перспективе, чтобы понять бессознательные тенденции, лежащие в основе наркомании.

Детальное рассмотрение этой модели необходимо на разных планах: в культурном (в этой главе) и в индивидуальном контексте (в следующей главе), что позволит включить в сферу данного исследования не только феноменологический и патологический анализ наркозависимости, но и рассмотреть более глубокие психические потребности, лежащие в основе этой проблемы, причем не только связанные с деструктивностью. Исследование наркомании через модель посвящения позволяет сравнить поведение наркомана с общими культурными стереотипами и, таким образом, показать универсальность явления, одновременно выделяя специфические особенности Западной культуры, делающие невозможным возврат к более архаичной (сакрализованной) ситуации. Можно много обсуждать, как исправить такую односторонность, но древние ритуалы уже априори исчезли. Следует добавить еще кое-что касательно общей значимости нашего аргумента. Относительно легко доказать, что у типичного наркомана, потребителя сильных наркотиков, есть бессознательная потребность в смерти, — этот аргумент является общепринятым и прочным. И также несложно принять нашу модель посвящения и гипотезу о том, что ошибка наркомана заключается в типичной для потребительской идеологии погоне за удовольствиями, что приводит его к перевернутой модели посвящения. Так что модель начинается с чувства обновления и заканчивается переживанием смерти.

И все же здесь описывается архетипическая модель, помогающая понять экстремальное и специфическое явление (наркозависимость) с точки зрения естественной и универсальной человеческой потребности, в которой нет ничего

патологического (потребность в посвящении или в возрождении). Рассмотрим эту модель на примере более распространенной зависимости.

Многие люди позволяют себе выпивать слишком много алкоголя — легального наркотика. Это бывает, когда, оказавшись в «приятной компании», они слишком увлекаются и теряют меру. На следующее утро они просыпаются с чувством опустошенности и недомогания, как физического, так и психологического. Давайте рассмотрим это неприятное пробуждение, похмелье. В этом состоянии многие люди ощущают чувство вины, особенно, если это уже происходило не раз. (В таких случаях уже существует элемент навязчивости, который, нравится это или нет, создает основу для патологической зависимости). Люди сокрушаются, давая различные рациональные оценки своему поведению: «Зачем я позволил себе напиться?» или «То веселье не стоило такого похмелья, теперь-то я буду знать». Весь этот процесс является бессознательным ритуалом, не контролируемым рациональным эго. Даже такое внешне рациональное осуждение своего поведения на самом деле необходимая часть заранее установленного ритуала — этап траура и оплакивание самого себя. Если согласиться, что бессознательная потребность в опыте смерти присуща наркоману и в менее явной форме всему обществу, то архетипическая модель должна относиться и к простому утреннему похмелью. Рассматривать цикл «пьянство-похмелье» лишь с точки зрения индивидуального патологически навязчивого поведения недостаточно, так как в таком случае игнорируются бессознательные цели.

Возвращаясь к уже упомянутым теориям, следует задаться вопросом, не ищет ли индивидуум (возможно бессознательно) не только регрессии, вызванной пьянством, но также и последующей утренней депрессии, то есть процесса «проработки» и преодоления посредством возмещения по терминологии Кляйн. В похмелье можно видеть процесс исправления как физического, так и психологического состояния. Искусственный избыток пuerильной энергичности трансформируется в депрессию, в сатурническое состояние, когда конечности кажутся свинцовыми, мысли тяжелыми, словно наступила преждевременная старость. Человек среднего возраста, который накануне ночью танцевал и забавлялся как дитя, на следующее утро переполнен физической болью и мрачными негативными мыслями о собственной жизни. На первый взгляд, болезненное похмелье кажется состоянием смертельной опустошенности, а опьянение — переживанием полноты жизни. Мы оправдываем склонность многих творческих людей к пьянству и наркотикам бурным характером их жизни. Художник находится ближе к глубоким корням жизни, и пьянство является выходом для его почти переполненного потока либидо, поскольку либидо ищет экстремальных переживаний и не удовлетворяется рамками обыденной жизни. Художник ближе к глубочайшим истокам жизни и смерти. По этой причине его влечет и к состоянию опьянения и к опустошенности на следующее утро, что является архетипическим и метафорическим выражением жизни и смерти соответственно. Вероятно именно алкоголь давал Хемингуэю не только усиление его необузданной витальности, но и саморазрушительные порывы на следующий день после пьянства, бросание вызова самой смерти, что стало основной темой его творчества и жизни. Часто к пьянству обращаются почти сознательно, чтобы испытать освобождение от иллюзий и психические страдания на следующий день — не менее важная

бессознательная цель, особенно для творческих людей. Это происходит в тот момент, когда индивидуум чувствует себя наиболее «выдохшимся» из-за разных обстоятельств, и справившись со своим раздражением, он может прочувствовать дилемму «быть или не быть» более ясно, чем в состоянии опьянения, когда в нестабильном состоянии разума он был подвержен коллективному влиянию. Можно сказать, что эта дилемма будет живым, а не абстрактным переживанием, она проявится и будет прожита интенсивно на протяжении ночной смены настроения. Любой, кто изучает репрессивные аспекты нашей культуры, не может не поразиться удивительному парадоксу пробуждения после пьянства. В мире, построенном на критериях рациональности, есть иррациональные и сильные эмоциональные переживания. В мире, стремящемся ко все большему производству и потреблению, распространяются отрицательные явления.

Кажется, что наша официальная культура придает малое значение возрождению, не говоря уже о раскаянии. Но не следует полагать, что можно устранить элементы, игравшие долгое время важную роль в экономике психики, они вновь появятся в бессознательном и в косвенном виде. Распространение наркотиков является продуктом нашего общества и предупреждением о самых слабых аспектах нашей культуры. Эта мысль снова и снова повторяется в комментариях по поводу сегодняшней социологической ситуации. Не прекращающееся потребление наркотиков с его постоянным аспектом потребности в смерти и посвящении представляет собой протест против нашей культурной ограниченности. Не только наркоман, но и «нормальный» человек, не только социолог, но и глубинный психолог — все, кого волнует тема наркомании — бьют тревогу по поводу попыток нашего общества подавить, утилитарным и рациональным образом, архаическую потребность в возрождении.

Глава 6.

История Карло

«Что меня привлекало больше всего, так это чувство опасности и возникновение безопасности в те моменты, когда я переживал ощущение психической цельности... Думаю, что проблема будет решена, когда я испытаю те же чувства в нормальном состоянии». (Карло)

Анамнез и обряды, связанные с потреблением наркотиков

Впервые я повстречал Карло летом 1975 г., когда он обратился в Цюрихскую клинику, где я работал. Несмотря на свою занятость, его отец сопровождал сына. Мать Карло, не имея никакой работы и хлопот по хозяйству, зная, что не увидит Карло довольно долго, все же осталась в Италии.

Карло приехал в клинику из-за проблемы с наркотиками, проблемы достаточно серьезной, чтобы прийти к выводу, что разобраться с ней можно только в закрытом и защищенном месте, жертвуя свободой повседневной жизни. Он был наркоманом около трех лет. Так как он нюхал «нитро» (так он называл тонкие пластинки из краски, сделанные из толуола и ксилена), можно с уверенностью исключить существование какой-либо субкультуры, связанной с этим видом наркотиков, особенно в глубинке в окрестностях Милана, где жил Карло.

Мы знаем, что когда наркотик начинает распространяться в современной культуре, наша культура не может ни официально принять его ни искоренить. Вот почему на практике доминирующая культура вынуждена мириться с существованием некоторых субкультур, пока они не причиняют большие неприятности. Через культ определенного наркотика, через свой этический код, правила и язык группа, образовавшаяся вокруг этого вещества, удовлетворяет потребность в посвящении, подавляемую в повседневной жизни. Тот факт, что путь к посвящению находят маргинальные группы, совсем не говорит об их особой чувствительности.

Потребность в трансценденции естественным образом сильнее выражена у тех, кто «на обочине» общества, чем у рядовых членов.

Карло, однако, выстроил свои собственные ритуалы, а не групповые. Вообще-то, слово «строить» — неточное, так как оно создает впечатление, что эго выполняет эту работу. На самом деле, вся субкультура обрядов и ритуалов постепенно всплыла из бессознательного Карло, и эго было лишь посредником, переводящим бессознательные архетипические образы в коммуникативные формы — в слова.

Карло выбрал свой наркотик совершенно неосознанно. Он не знал, как и почему этот наркотик действовал на его психику, он совершенно не осознавал опасность и непоправимый физический вред от его потребления. И хотя это вещество было современным промышленным продуктом, оно гораздо лучше играло архетипическую роль экзотического и сакрального наркотика, чем марихуана, так широко распространенная у поколения Карло.

Отец Карло работал из последних сил, чтобы достичь успеха в бизнесе. У него бы была небольшая фабрика на Севере Италии рядом с Миланом. Он не признавал, возможно,

не осознавал, что ситуация в семье стала неблагополучной. Если проводить аналогию между его личной проблемой и более широкой культурной проблемой, то можно сказать, что он вскормлен промышленной, прагматической и ориентированной на успешность культурой. Но за этим фасадом можно узреть средиземноморский архетип «Великой матери» со всей его меланхолией и неодолимым роком. За верой в это отец Карло прятал ощущение незащищенности перед силами бессознательного. Юнгианскими терминами можно сказать, что у этого человека тревожная анима. Тревожная, проблемная анима отца Карло в большей степени, чем его мать повлияла в качестве фемининного элемента на жизнь Карло.

Матери Карло был сорок один год. У нее было трудное детство, и она выросла избалованной нерешительной женщиной с раздражительным характером и ипохондрией. Финансовое состояние мужа позволяло ей оставаться дома и иметь целый штат прислуги. Но даже самые малые обязательства, казалось, были выше ее сил. Ситуация стала взрывоопасной, когда родился Карло. Карло, ее первый ребенок, был с рождения болезненным и часто будил ее по ночам. Она просидела с ним шесть месяцев, а затем отдала его своей матери, живущей в южной части Тироля рядом с австрийской границей.

Родная бабушка Карло была полной противоположностью его матери. Ее образ для всей семьи был окружен мифами, а муж считал ее «святой». Она родилась в аристократической австрийской семье и обладала сильной верой и большим терпением. О ней говорили, как о персонаже старых добрых времен» в самом лучшем смысле этого сравнения. Она была самым важным человеком в жизни Карло. Она все еще остается его архетипическим проводником, ко-гда он замыкается в мире своих фантазий. Ее смерть была единственным тяжелым потрясением, которое когда-либо пережил Карло. Дед Карло был итальянцем, недоверчивым и холодным человеком, некоторые люди говорили о нем, как о ненормальном. Он не ладил со своей женой. После того, что мать Карло пережила с первенцем, она не хотела иметь детей в течение десяти лет. Затем она родила дочь, которой исполнилось десять лет, когда я познакомился с Карло. Она постепенно становилась похожей на свою мать, перенимая истерический тип поведения. Спустя три года родился еще один ребенок. Мать Карло заявила, что она абсолютно не способна заниматься этим ребенком, и его почти полностью передоверили няне. С рождения последнего ребенка у матери и отца Карло прекратились сексуальные отношения, но легко догадаться, что и раньше они были редкими и неудовлетворительными.

Невротическая структура семьи, как мы уже говорили раньше, окружает многих наркоманов. Создается впечатление, что у родителей, прекративших сексуальные отношения, и раньше не было особенной близости. По-видимому, отец посвятил весь свой «эрос» детям, а мать направила свои чувства к друзьям своих детей. К тому времени у Карло были уже повзрослевшие друзья, а его мать все еще была довольно молодой и привлекательной, она флиртовала и кокетничала с ними.

Естественно, я узнал это не сразу и не от отца Карло. Кажется, он и не предполагал ничего подобного. Информация постепенно поступала из бесед с Карло, по мере того как он стал больше доверять нашим аналитическим отношениям.

О флирте своей матери Карло рассказывал мне с большой горечью. Ему было больно не только из-за ее вероломства по отношению к отцу, но и из-за того, что мать

использовала его в своих целях. Чтобы не вызывать подозрений, она часто выходила в свет со своим сыном и начинала флиртовать в его присутствии. Когда это происходило, Карло ненавидел себя больше, чем мать. Но мать ему была так нужна, что он готов был принимать эти уловки только, чтобы чувствовать, что и она нуждается в нем, и пользоваться редкими случаями быть с ней рядом. Однако, этот компромисс становился слишком унижительным для него, и вероятно по этой не осознаваемой причине, он начал чувствовать глубокий стыд. Позвольте продолжить изложение событий, как они развивались дальше.

В то время Карло было двадцать лет. Он был высоким, красивым, атлетически сложенным молодым человеком. Пока он находился в клинике, его тело заметно изменилось. Каждый день он часами занимался бодибилдингом, особенно работая над грудной клеткой, которая постепенно увеличивалась и крепла, хотя, по сравнению с торсом ноги у него были длинными и худыми. Здесь уместно вспомнить теорию Адлера о «неполноценности органов»¹ (A.Adler. Studie uber Minderwertigkeit von Organen. Vienna: Ugban & Schinwarzenberg. 1907). Родители Карло часто болели бронхитом, а сам он с рождения был астматиком. Еще в детстве из-за бронхитов доктора прописали ему горный воздух. Постепенно он преодолел болезнь, но благодаря удачной сверхкомпенсации. Его грудь и легкие явно стали самыми сильными и центральными элементами его взрослого телосложения. По-видимому, они так же играли важную роль в его психической структуре. Как будет видно позже, Карло стал одержимым архетипом пророка или шамана. Он выбрал для самопосвящения только тот наркотик, который можно было вдыхать. Когда Карло входил в транс, его дыхание становилось глубоким и шумным. Связь между его измененным дыханием и состоянием транса была такой, что Карло часто мог впадать в визионерское состояние, просто применяя этот особенный тип дыхания.

Конечно, не все можно интерпретировать чисто психологически. Определенную роль играют и органические явления. Серьезная интоксикация веществом «нитро» должна была изменить дыхание Карло. В свою очередь, усиленное дыхание также должно было вводить его в транс при отсутствии «нитро», так как избыток кислорода вызывает измененное состояние сознания. Но даже, если объяснить таким образом его трансы с потерей сознания, это не дает ключ к пониманию шаманского визионерского мотива в его практике. Потеря сознания приводит к появлению архетипического содержания, заполняющего образовавшийся вакуум.

Но какое именно будет содержание, зависит от предшествовавшей ситуации и других сложных факторов. Можно предположить, что если шаманы и сам Карло «летают» во время экстаза, их связь с окружающим миром сконцентрирована на контакте с воздухом. Во время транса Карло почти полностью терял осязание, тогда как обоняние сохранялось.

Давайте рассмотрим, как проявлялись психологические особенности Карло в детстве. Как уже упоминалось, в шестимесячном возрасте его отправили к бабушке для лечения бронхита, а также из-за неспособности матери заботиться о нем. Горный воздух Долмитов и близость любимой бабушки сотворили с Карло чудеса. За три года он совершенно выздоровел. Его психологическое развитие пошло нормальным образом, хотя он стал довольно интровертированным. Уже в раннем детстве Карло

пережил опыт радикального возрождения, как в своей внутренней жизни, так и в отношениях с окружающими.

Позже Карло отправили к родителям в Милан. Ему было очень сложно адаптироваться, даже говорить по-итальянски (на юге Тироля, где преобладало австрийское население, самым распространенным был немецкий язык). Вместо того чтобы адаптироваться, Карло все больше отдалялся от всех. К тому времени ему исполнилось четыре года. Если бы тогда его осмотрел детский психиатр, ему без сомнения поставили бы диагноз: частичный аутизм. Именно тогда Карло впервые днем, при белом свете начал впадать в архетипическое психическое состояние подобное тому, что люди обычно могут испытывать только ночью во сне. Принимая расслабленное положение. Карло сосредотачивал внимание на определенной части головы. Неожиданно он понимал, что может разговаривать с духами (обычно с умершими людьми) и с «тринадцатью чувствами». Временами это были его внетелесные ощущения, а иногда персонификации этих ощущений. Попадая в другое измерение, Карло мог видеть свое будущее.

Эти опыты продолжались около двух месяцев. Карло понимал, что имеет дело с полным опасностей могущественным миром, и ему придется либо разорвать с ним связь, либо он рискует стать сумасшедшим. Он сделал попытку вырваться из этого магического мира. По словам Карло, эти «беседы» с духами потрясюще точно предсказали определенные подробности его дальнейшей жизни. В равной мере производит впечатление то, что у него так много воспоминаний из раннего детства, что в таком нежном возрасте он достаточно осознавал риск психического заболевания.

Следует напомнить особенности личности шамана² (M.Eliade. Rites and Symbols of Initiation, New York: Harper & Row, 1958; Shamanism, Princeton: Princeton University Press, 1964 (особенно главы I и II), а также глава IX из «Структурной антропологии» Леви-Стросса. У предполагаемого шамана с самого детства есть склонность к трансам и видениям. В юном возрасте у него часто возникает чувство, что у него есть особое призвание, и в то же время он страдает серьезными психическими нарушениями. Естественно, психическое нарушение само по себе не превращает человека в шамана, оно может быть причиной его способности к самолечению и самоисцелению. В любом случае, Карло считали необычным ребенком, не таким как все. Он упорно пытался адаптироваться и стать нормальным», и в определенной степени это удавалось, но результаты (в школе, например) были в основном ниже среднего. Каждый раз, когда его отправляли к бабушке, он состояние улучшалось.

В одиннадцать лет Карло отправили в школу-интернат в южной части Тироля, чтобы он мог быть поближе к бабушке. Вскоре после этого она умерла, и он сразу же вернулся в Милан.

На этот раз оценки Карло в школе были ужасными. Он постоянно был рассеянным и, казалось, ничто его не интересует. Ему нужно было бы родиться заново, или просто родиться, так как казалось, что он родился «не полностью». Его физическое рождение было трудным, и впоследствии он рос в окружении, которое позволяло ему жить лишь наполовину. Он как бы застрял в лимбе, где вся обстановка не только не способствовала, но в действительности подавляла возможность индивидуального развития.

В восемнадцать лет Карло красил свой мотоцикл в непроветриваемом подвале. Запах краски вызвал его любопытства. Он вдохнул его, и вдруг все старые образы вновь появились перед ним так же отчетливо, как четырнадцать лет назад (Карло был убежден, что связь с «другими измерениями» меняется каждые семь лет. Мы, конечно, знаем, что число семь считается магическим почти во всех культурах. Удивительно, насколько это оказалось важным, так как большие изменения произошли с Карло в возрасте двадцати одной: года.)

Опыт самопожертвования Карло в наркотики и интоксикацию был для него новым и неизвестным. Он так же означал разрыв с его прошлой жизнью. Его личность частично умерла и частично трансформировалась. Значение первого опыта интоксикации было описано в книге Де Миджолы и Шентуба. Авторы утверждают, что «инициатическая встреча» и опыт «мифического» становятся моделью для последующих переживаний.

Карло начал регулярно спускаться в подвал, чтобы вдыхать «нитро». Успеваемость в школе стала еще хуже. Никто в его семье не знал о нитро. Его отец, верящий в исцеляющую силу упорного труда и воли, забрал Карло из школы и устроил на свою фабрику, в цех, выпускающий краску. К тому времени, когда отец понял свою ошибку, Карло уже знал все оттенки запахов различных красок, как гурман знает виноградные вина. (В своей манере говорить с прямоотой и горячностью он однажды заявил мне, что глупо считать швейцарскую продукцию лучше итальянской, так как нитровещества, производимые компаниями в Милане и Пьемонте, гораздо насыщеннее, чем в Цюрихе).

В конце концов его отца осенила хорошая идея. Он отправил Карло в ювелирную мастерскую. Кажется, Карло всегда обладал талантом (возможно скорее техническим, чем духовным) к рисованию и изготовлению мелких скульптур. В клинике большую часть своей энергии он посвящал работе в мастерской. Но, к сожалению, было слишком поздно, и Карло стал использовать свою способность выражать себя творчески через образы, прежде всего, чтобы воплотить свои видения, вызванные нитро. Такое стремление запечатлеть видения (особенно те, которые возникают из-за наркотика) довольно распространена в племенах обеих Америк и примитивных обществах в целом. Эти рисунки придают видению законный сакральный статус, и позволяют связать с его с какой-нибудь фазой посвящения. Есть много аналогий между посвящением (особенно шаманским) и практикой Карло.

Наркотическая практика Карло длилась три года. В состоянии транса он получал инструкции от могущественных голосов, где и когда вдыхать нитро, а также какие обряды при этом соблюдать. Очень часто ему сначала виделась бабушка, которая действовала в роли доброго помощника. Практика Карло выполнялась поэтапно через три элемента, которые в его детских видениях были в смешанном виде:

— в течение первого года он разговаривал с «будущим» (он пояснил, что «будущее стало моим ежедневным хлебом»);

— в течение второго года он разговаривал с «тринадцатью чувствами»;

— в течение третьего года он разговаривал с духами и неземными существами.

Фазы, через которые должен пройти шаман, часто подразделяются на три: «три дня», «три года» и т. п.

Кроме того, Карло также встречался с «духами ветра» в своих трансах, и они уносили его на большие расстояния. Как известно, шаманам часто приписывается способность летать. Следовательно, их видения считаются не чисто внутренними, но полученными свыше физическими способностями.

В отношениях Карло с женщинами и его сексуальной ЖИЗНИ также усматривается определенная аналогия с шаманизмом. И его отношения, и его сексуальная жизнь были необычными. Казалось, что он сходил с ума и наивно влюблялся в некоторых женщин, но никогда не отваживался приблизиться к ним. У него были сексуальные опыты, но большей частью разочаровывающие, так как он часто оказывался импотентом (это можно объяснить органическими повреждениями, нанесенными веществом нитро, также как и его проблемы с памятью).

Больше всего на свете его безусловно интересовало только впасть в транс, чтобы получить видения, а затем иметь в своем распоряжении сверхъестественные силы. Надо отдать ему должное, он никогда не стремился извлечь материальную выгоду из своих способностей. Однако, он был бы готов продать свою душу дьяволу (как мы увидим в третьей серии снов), чтобы обладать магической и экстрасенсорной силой, которую он обычно называл «психической силой».

Подобно целителю из примитивного общества Карло чувствовал призвание к этому пути, и он посвящал своим занятиям всю свою энергию, отвернувшись от материального мира. Если вернуться к идеям предыдущей главы, потребительская идеология является антитезой посвящению, и приверженность первому несет поражение второму. Так что недостаток интереса к материальным ценностям у Карло становится более понятным и подтверждает, что потенциально он был истинным посвящаемым.

Как и лечащего колдуна, Карло интересовала магия исцеления, но он не гнушался и «черной магией». Карло жил в мире более «примитивном», чем так называемые «примитивные народы». Он прекратил выдавать неудобоваримый коктейль из психоанализа, парапсихологии и идей, почерпнутых из дешевых комиксов. Подражая языку, используемому в его клинике, он начал цитировать Фрейда и Юнга, и даже пошел дальше, беседуя с ними. Эти беседы, проходившие в трансе, были менее спонтанными, чем его другие видения и вероятно, скорее надуманными. Он также прошел через период, когда взрывался фонтаном идей касательно лечения других пациентов в клинике, но эти порывы были тоже непоследовательными и спорадическими. Он заявлял, что когда "вырастет" (психологически), то хочет стать аналитиком.

У Карло был сложный интенсивный психизм и чувствительность, частично истеричная, частично медиумическая, типичная для шаманов. К сожалению, он не мог найти адекватного современной культуре выражения для своих способностей.

Ошибка заключалась не в нашей культуре, которая явно отличается и гораздо сложнее любой примитивной культуры, скорее это происходило из-за его собственных ограничений. Способ сообщения о своих визионерских состояниях и его психологические рассуждения были неправдоподобными. И он не прилагал усилий, чтобы их адаптировать, так как не осознавал их ущербность.

Карло «вылечится», бросив не только наркотики, но и прекратив сложные проявления своего необычного психизма. Он не смог интегрировать

диссоциированные элементы своей жизни и отбросил их на полосу отчуждения. Он понял, что не способен быть шаманом, потому что не может по-настоящему исцелить самого себя.

Карло часто придумывал ритуалы и традиции, возлагая на себя обязательства по их соблюдению. Чтобы вдохнуть свой нитро, он уходил в безлюдные места, на вершину горы или холма, или в лес (здесь еще одна аналогия с шаманским посвящением). Он мог обустроить там священное пространство и декламировать молитвенные формулы, которые, однако, не всегда были одинаковыми. Затем он пропитывал тряпку нитро и держал ее у носа. Во время своих обрядов Карло не чувствовал ни тепла, ни холода (шаман тоже учится властвовать над температурой). Однажды он оставался в снегу несколько часов в легкой одежде.

Нередко его ритуалы сопровождались рвотой. Запах нитро может сам по себе вызвать тошноту, но у Карло рвота имела в большей степени психическое происхождение и бессознательно стимулировалась глубокой потребностью в очищении (мы знаем, что первой фазой возрождения является потеря и отречение). Интоксикация может вызывать рвоту, но не обязательно мечты о рвоте, которые долгое время приходили Карло после самой интоксикации.

Сновидения и исцеление

Мы уже кратко упоминали о некоторых снах Карло, а сейчас рассмотрим их подробнее. У Карло было много сновидений, но у меня есть лишь несколько записей о них, большей частью сделанных им самим. Некоторые записи, однако, неразборчивы, так как его почерк день ото дня совершенно менялся. Он иногда пользовался приемами стенографии.

Из-за недостаточного числа имеющихся в нашем распоряжении сновидений и природы самих снов, я чувствую, что невозможно проследить по ним реальное развитие к более зрелой личности или прогресс в клиническом смысле. Однако, представляет интерес наличие архетипических элементов. Следовательно, мы изложим подробно некоторые его сны не столько, чтобы осветить произошедшие с ним изменения, сколько для иллюстрации связи между «внутренними рассказами» Карло и некоторыми культурными процессами, которые он определенно не мог осознавать. Следует отметить, что Карло никогда не слышал о примитивных ритуалах, связанных с использованием наркотиков. На самом деле он был невероятно плохо информированной личностью, за всю жизнь он не прочитал ни единой книги, что отразилось на его учебе в школе. Он даже не смог бы дать четкое определение слову «ритуал».

Вот его одно из первых сновидений о полете:

«Я лечу на планере, возможно с отцом. Это биплан, старый, но надежно сконструированный. Земля очень далеко в низу, а я сижу в биплане на довольно опасном месте. После долгого полета я, наконец, приземляюсь. Я встречаюсь с создателем этого планера, который дает мне чертежи конструкции и разных деталей этого планера».

Здесь уже можно видеть бессознательную склонность Карло улететь подальше от земли, его пристрастие к риску, если не к настоящему саморазрушению. Он улетал в

свой магический мир, не сохраняя контроль или возможность маневрирования, иначе, почему бы ему пришел образ планера, а не нормального самолета?

Из биографии Карло видно, что его отец не был подходящей фигурой для воспитания мальчика в приземленном смысле, в действительности, он был его союзником в отрыве от земли. И все же можно надеяться, что его встреча с конструктором выражает определенную готовность Карло интегрировать более ответственные мужские фигуры.

Теперь приведем еще один его сон, связанный с наркотиками:

«Я обнаружил себя на вершине высокого, крутого, опасного утеса. Передо мной лежат четыре банки нитро в форме креста вокруг костра. Я вижу газету и читаю заголовок: «Молодежь убивает себя краской нитро». Я сердито выбрасываю банки в море».

Здесь снова присутствуют опасные высоты и изоляция от мира. Стоит отметить сакральность архаичного ритуала (крест и огонь) и манящую близость смерти. Связь между смертью, священным ритуалом и огнем вызывает ассоциацию с жертвоприношением, которое как феномен является таким же архаичным и архетипическим как само посвящение.

Несколькими днями позже Карло увидел другой сон, не связанный с наркотиками, но все же представляющий

интерес, потому что показывает склонность Карло бросаться в архетипические переживания, даже очень опасные: «Я нахожусь в заброшенном замке. Здесь есть вампир, я не хочу в это верить, но чувствую его присутствие. Мне не удастся убежать от него и перекрестить комнату, заполненную гробами. В одном гробу лежит ведьма. Существует легенда о том, что, если воткнуть гвоздь в гроб, то ведьма оживет. Какой-то мужчина встает между мной и гробом, защищая меня и всех других от пробуждения ведьмы».

Можно заметить, что ассоциации Карло связаны с его наивностью и недостатком реализма. Замок вовсе не является прототипом «нормального» здания, да и Карло не производит впечатления надежности и хорошей защищенности подобно замку. В целом, замок ассоциируется с чем-то необычным, сказочным, не относящимся к обыденному миру, как и сцены в его двух предыдущих снах. Следует также отметить, что к опасности, связанной с пробуждением ведьмы, он относится не ответственно, а с детским любопытством.

Конструктор планера, газетный заголовок и человек, мешающий пробуждению ведьмы, имеют что-то общее. Во фрейдистском толковании все эти элементы относились бы, без сомнения, к принципу реальности. Они также могли бы относиться к анализу и аналитику, но прежде всего, они были связаны с функциями самого Карло: функция защиты (третий сон), функция организации (первый сон) и функция адаптации к внешней реальности (второй сон). К сожалению, эти его функции включались только в экстремальных ситуациях. Мы могли бы сказать, что именно из-за активного вмешательства этих функций Карло в возрасте четырех лет пытался порвать с гипнотическим очарованием архетипов. Благодаря этим функциям у него появилась позже возможность, приложив большие усилия, вырваться из заманчивого мира «нитро».

В этом смысле его сны можно считать «пророческими». Они не содержат пророчества как такового, но демонстрируют его внутреннюю готовность к позитивному

развитию. Однако, второй и третий сны показывают, что главную роль сыграет цензура, а не истинная эволюция. У меня возникло впечатление, что Карло спас себя от нитро, пожертвовав богатством своей бессознательной жизни, существовавшей в нем раньше, и уйдя в банальную буржуазную жизнь.

Такое часто происходит среди наркоманов, питающих склонность к насыщенным видениям. Создается впечатление, что, если им удастся освободиться от наркотиков, то вся их энергия и сила расходуется на задачу вести нормальный образ жизни, где больше не будет места для интенсивного общения с бессознательным. Совершенно понятно, что аналитик, особенно юнгианский аналитик, может по-настоящему помочь в таком процессе освобождения от наркотиков.

Как уже упоминалось, аналитик не работает с проблемой физической интоксикации как таковой. С другой стороны, диалог с бессознательным (даже если он пока не приносит эффекта) в любом случае является тем принципиальным средством, которое аналитик использует в борьбе с психическим заболеванием. Поэтому понятно, что в определенных пограничных ситуациях и при отсутствии четкого понимания, что происходит, аналитики могут быть не уверены, что полное освобождение от наркотиков действительно является лучшим выходом для пациента. Даже медики временами пытаются снизить дозу наркотиков больному, а не отменить их полностью. Но врач принимает такое решение из прагматических соображений, так как понимает, что успешного результата невозможно достичь. Аналитик же может допустить ограниченное потребление наркотика по другой причине — если он видит, что полный разрыв с наркотиком нежелателен. Утратив привычное общение с бессознательным, пациент может остаться слишком уязвимым по отношению к нему. Богатство бессознательной жизни, вызванной наркотиками, эстетическое и почти мифологическое очарование индуцированных образов не позволяют считать полное воздержание от наркотиков абсолютным добром. Возможно, нужно искать не полного разрыва с наркотиком, а «адекватной дозы», когда наркотик станет союзником. Подобная позиция оправдала себя с медицинскими препаратами. Для греков термин «фармакон» означал вещество творческое и ядовитое одновременно. Научные эксперименты с дозами различных веществ показали, что для медицинского лечения мог>-быть очень полезны некоторые явно токсические препараты

Здесь мы снова сталкиваемся с архетипическим соблазном, с архетипом «волшебной травы», который обсуждался в третьей главе. С ней связано архетипическое противоречие: ученик чародея получает ужасные результаты, даже используя хорошие силы, тогда как мудрец или опытный маг знает, как использовать даже злые силы для получения хорошего результата. Но активация этого архетипа приводит нас, аналитиков, к идентификации с мудрыми волшебниками. Даже будь мы мастерами в определении безопасных доз. не избежать реальной опасности, кроющейся в неосознании той архетипической силы, которая руководит пациентом в его различных ожиданиях, связанных с наркотиком.

Вернемся теперь к сновидениям Карло. Большинство его снов были связаны с полетом и содержали архетипические элементы, далекие от повседневной жизни, Вот пример:

«Я общаюсь с эскадрой НЛО. пилотируемые инопланетянами. Я встречаюсь с одним из них. Это женщина-робот, сделанная из пластмассы. Я открываю ее

различные анатомические части, у нее нет половых органов. Затем я вижу, как инопланетяне приземляются на свою планету, и осознаю, что их жизнь там очень похожа на нашу. В конце сна я мчусь на мотоцикле по неправильной дороге вниз по улице с односторонним движением. Я встречаюсь с дорожным полицейским и понимаю, что должен повернуть назад, соскакиваю с мотоцикла и толкаю его вперед руками».

Чуть позже был другой сон с отсутствующими физическими органами: «Организация каких-то негодяев под руководством Японца издевается над незамужними матерями и ослепляет их детей. Я сражаюсь с этим Японцем и спасаю девочку, в глазах которой нет зрачков».

Четвертый сон про отношения с женщинами и сексуальность, которая отсутствует, искусственная (пластмасса) и недоступная (инопланетная). Стоит ли Карло подвергаться риску полета («полеты» относятся к наркотическим состояниям), если полет означает все более и более искусственные, асексуальные отношения с женщинами? И что, если мир, ожидающий его в конце полета, такой же как наш собственный? Развитие сюжета в сновидении — от НЛО до мотоцикла, от встречи с женщиной до встречи с полицейским (суперэго), предвещает возвращение Карло в реальный повседневный мир, правда, ценой потери своих фантазий. В конце концов, это берет на себя руководство, проявляя волю, и Карло должен пройти своими ногами по уже знакомой дороге без каких-либо приспособлений (без механических средств, без мотоцикла), к которым он обычно обращался в поисках чувства свободы.

Другой сон заставляет нас подозревать, что конфликт между добром и злом является для него еще слишком архаическим и архетипическим, чтобы он пришел к новому осознанию. Потенциальный элемент развития (образ детей, которым предстоит вырасти) — нечто сомнительное по своему происхождению (фактически, дети незаконнорожденные). Однако, есть какая-то связь между детьми и «видящим», шаманом. Во многих культурах верили, что у слепых в качестве компенсации развивается «внутреннее виденье», которое дает им мудрость и способность к предвидению.

Постепенный возврат Карло к реальности предсказан в другом его сне:

«Я вижу прекрасную цветущую долину. Я вижу, что здесь можно культивировать виноградники».

К тому моменту Карло был вынужден отказаться от нитро, но время от времени он выпивал. Если не считать с тем, что алкоголь может стать таким же опасным, как любой наркотик, то можно сказать, что вино, по крайней мере, не изолирует Карло культурно и социально, как это делает нитро. Учитывая, что Карло испытывал архетипическую потребность в ритуалах, следует отметить, что вино связано с общепринятыми «нормальными» ритуалами, а ритуалы, связанные с нитро, были почти аутистичны. Потребность Карло не только в наркотиках, но и в архетипических ритуалах, связанных с жизненным циклом, подтверждается тем, что Карло мечтает не о вине, а лишь о выращивании виноградников. Сложившиеся винодельческие ритуалы касаются не только потребления вещества, но и всего цикла выращивания винограда (не следует забывать, что в одном из древнейших документов Западной культуры, поэт Алций восхваляет как вино, дар богов, так и выращивание винограда⁴ (См. Diehl. *Antologia Lyrica Graeca*. Leipzig 1936. p. 96; Lobel-Page. *Poetarum Lesbiorum*

Fragmenta. Oxford. 1955, pp. 346, 242.)). Впервые у Карло появляется позитивный образ с материнскими, природными и плодородными чертами (плодородная долина).

Ниже приведены два следующих сна:

«Приземляется еще один НЛО. Выходят четверо, но это человеческие существа.

Каждый может превратиться в оборотня, или в пагубного монстра, выпивая определенную жидкость. Во сне мне кажется, что это нитро».

Седьмой сон напоминает нам о сакральной значимости образа пришельцев (их четверо, это число ассоциируется с крестом). Их превращение в человеческих существ показывает, что даже если отправиться в другие миры, ничего по-настоящему нового там не обнаружишь. Во сне разрушительное и нечеловеческое было тесно связано с наркотиками.

В моих записях есть много других снов о полетах и попытках достать наркотик или выполнить ритуал с ним. Все они говорят о незначительном прогрессе Карло. Можно сказать, что его амбивалентное отношение к наркотикам росло, а негативные характеристики наркотиков становились все более очевидными. Однако, наркотик никогда полностью не терял для него своего очарования и притягательности.

Пребывание Карло в клинике длилось полтора года. За этот период было несколько рецидивов, но их частота снизилась. Казалось, Карло стоило невероятных усилий выполнять свои ежедневные обязанности (соблюдать правила клиники, продолжать занятия и т.д.). Эти большие усилия оставляли Карло все меньше и меньше энергии не только для выполнения его ритуалов, но даже для желания относительно их.

Жизнь для Карло стала «тяжелой», и он больше не летал. Мир наркотиков обрел более реалистичные черты, но нельзя сказать, что он полностью утратил для Карло свое очарование. Например, он признался, что его «беседы с будущим» никогда в действительности не позволяли ему узнать заранее, что произойдет. Но когда событие наступало, и будущее становилось настоящим, у него создавалось впечатление, что он уже знал об этом (эффект дежавю). Это приносило ему чувство успокоения, что было не менее полезным, чем способность предсказывать.

Несомненно, многие читали сообщение Ф. Боаса о посвящении Квисалида в шаманы, приведенное в «Структурной антропологии» Леви-Страусса. Квисалид стремился к посвящению не из-за того, что хотел начать новую жизнь, а ради разоблачения «трюков» шаманов. Он изучил один из этих трюков и применил его к пациенту, но к его собственному удивлению пациенту стало лучше. На самом деле, это не волшебная сила исцеляет пациента в случае Квисалида или повышает уверенность в себе в случае Карло — это сила архетипа, идущая из самых древних бессознательных, трансперсональных и коллективных компонентов психики. Эта сила нужна для прохождения через фазы посвящения и для развития индивидуума без изоляции его от окружающего мира.

Я не видел Карло шесть лет. Однажды, работая с пациентом, я услышал, как кто-то зовет меня снизу со двора. Я спустился поприветствовать Карло. Он рассказал мне, что уже несколько лет работаем на фабрике своего отца. Он женился и больше не употребляет нитро. Он был изменившимся, более мягким, хотя, возможно, не таким интересным как раньше. Он также немного поправился.

Глава 7.

От посвящения до потребительской идеологии

Потребительский мир

Наша цель в начале данного исследования заключалась в том, чтобы найти идеи и гипотезы, которые помогли бы понять современное явление наркомании. Этот поиск шел во многих направлениях. Пришло время соединить разные нити исследования и сделать выводы, чтобы не остаться на половине пути. Пожалуй, каждый согласится, что лучше всего подходить к проблеме потребления наркотиков без предубеждений. Учитывая отличительные особенности разных наркотиков, важно не делить их на «плохие» и «хорошие», а рассматривать отношение индивидуума к ним.

Такой подход поддерживается этимологическими и антропологическими аргументами. Не существует негативной коннотации в названиях отдельных наркотиков, она возникает лишь в отношении их неконтролируемого потребления. Наименее разрушительное потребление наркотиков происходит в определенных примитивных обществах, где оно является частью более широкого и сложного явления. Эта традиция имеет мало общего с тревогой и нетерпимостью, существующими в нашем обществе по отношению к потреблению наркотиков. «Примитивное» потребление наркотиков предваряется актами очищения и жертвоприношения, а также обучением. Оно сопровождается и защищается ритуалами, которые обеспечивают ему роль внутри более широкого контекста. При соблюдении этих условий прием наркотика скорее способствует развитию личности, чем ведет к регрессии.

Наиболее дегенеративные и разрушительные последствия потребления наркотиков наблюдаются именно в нашем обществе, где так не хватает смирения и почтения перед мудрыми мастерами и религиозно-мифологическими истинами. Современная манера потребления наркотиков отличается торопливостью, жадностью и озабоченностью. Несмотря на тенденцию наркоманов к объединению в группы, отсутствие общих руководителей и общих целей делают это уединенное занятие подобным мастурбации. Видения, вызванные наркотиками, не вписываются в окружающую культуру, и им не находится места даже внутри отдельной личности, поэтому они исчезают, как только чисто химическое воздействие определенного вещества заканчивается. Так формируется потребность принять его снова, и возникает риск увеличения частоты приемов. Наркоман не может наладить ритм потребления. Возможно, в начале он пытается сделать это, но, будучи одиноким, испытывая нехватку внешней поддержки и упорядоченности жизни, он упускает контроль и продолжает катиться вниз по инерции. Подобно опухоли, потребление наркотиков может возобновляться и расти медленно, стабильно и неискоренимо. Учитывая эту превратную мотивацию, стоящую за потреблением наркотиков, попробуем теперь повторно рассмотреть то, что было сказано ранее о неограниченном распространении наркопотребления и его связи с недостатком ритуалов, устанавливающих ритм и форму для этого явления. Успех потребительской

идеологии присущ нашей культуре не только из-за отсутствия ритуальных ритмов как таковых, а потому что ее псевдоритуалами пропитано все, особенно наши отношения с объектами. Эти псевдоритуалы направлены не на удовлетворение потребностей индивидуума, а на их усиление и порождение все новых потребностей. Следовательно, приходится признать, что модель посвящения недостаточна для понимания наркомании в нашем обществе. Ее следует соединить с моделью потребительской идеологии, порожденной миром, в котором сакральное подменяется профанным, ритуал — навязчивостью, а архетип — стереотипом.

Мы уже писали, как происходит расщепление и потеря равновесия в маниакально-депрессивном паттерне, являющемся не только клиническим синдромом, но и архетипической моделью или универсальной человеческой предрасположенностью. С одной стороны, цивилизация впервые в истории попыталась целенаправленно устранить переживания смерти, траура, да и просто печали. С другой стороны, ее конечной целью, ее надеждой на будущее и замещением всех других трансцендентальных целей стало продолжение производства и потребления, причем их неограниченный рост. Таким образом, архетипический маниакально-депрессивного паттерн расщепляется, и второй полюс отрицается в пользу первого. Образцовым членом общества стал теперь не человек, способный к вспышкам вдохновения и паузам рефлексии, а тот, кто сделал выбор в пользу маниакальности, производя и потребляя больше, чем ему необходимо. Гипотетический психиатр из какой-нибудь древней культуры (например, древней Греции, с ее культом умеренности и самоконтроля), познакомившись с нашим современным человеком, несомненно, нашел бы его выраженным дистимическим психопатом.

Мы не осознаем эту фиксацию на одном полюсе, потому что утратили ориентиры, и продолжаем жить с тем же ожиданием бесконечного прогресса. Эта поразительная односторонность проявляется многими тонкими, неосознаваемыми, вошедшими в привычку способами, так что она подобна метастазам психического рака. Но безграничное распространение стремления к жизни, хотя и отрицает смерть, может парадоксальным образом ее вызвать.

Метастазы психического рака поражают тем или иным образом наше архетипическое воображение. Можно, конечно, не признавать результаты тех исследований психологических причин рака, в которых утверждается, что подавление может способствовать развитию данного заболевания. Но даже если бы они оказались не правы, их точка зрения все равно соответствует архетипической фантазии, что неподконтрольным образом скопившиеся в бессознательном подавленные психические содержания могут зажечь процесс роста опухоли, символически с ними связанной. И даже если эту гипотезу не применять к актуальному материальному процессу, то, по меньшей мере, ее можно отнести к психическому процессу, вырастающему из архетипической фантазии о бесконечном прогрессе. Она также важна для нас в символическом смысле, как сказки и мифы для психотиков. Но не проявляется ли архетипическая фантазия о метастазах в какой-то степени у всех нас? Страшная тема онкологических заболеваний притягивает нас. Считается, что подобные страхи вызваны распространением угрозы этой смертельной болезни. Но помимо медицинской сути вопроса, есть что-то в самом мотиве опухоли-подобного

роста, что гипнотизирует нас, страшит намеком на неизбежную судьбу, т.е. на архетипическую силу.

Почему же не существует подобного табу молчания на другие болезни, не менее серьезные, чем рак? «Ужасная болезнь», — обычно говорят про рак, а разве другие болезни, например, сердечные приступы приятны? К другим болезням и патологическим состояниям могут относиться очень серьезно, но у них нет той магической и «сверхъестественной» ауры, как у рака. При раке сила развития и прогресса (деление клеток опухоли) служит смерти, а не жизни.

Проблема метастазов является серьезной для современного человека как в медицинском, так и в психологическом смысле. Метастазы потребления и самого ритма жизни открываются в своих более секретных, бессознательно деструктивных формах в личности наркомана, попавшего в воронку все больших доз за все более короткие промежутки времени. Вероятно, вот почему, драма наркомании пробуждает в обществе чувство амбивалентности, аналогичное пугающей притягательности рака. Постепенное самоубийство наркомана, который порывает с жизнью, не отрекаясь от нее, а жадно, судорожно «употребляя» ее, привлекает наше внимание, потому что такое поведение оказывается метафорой бесконтрольного потребительского отношения к жизни и смертельно конца, которому оно приводит.

Следует обратить внимание на то, что не только в акте приема наркотика, но и в ритме обращения к нему есть элемент компульсивности (принуждения). Временами создается впечатление, что индивидуум выполняет приказ или подчиняется какой-то трансцендентной силе. Термин «ритуал» не случайно применяется к наркоману, как и к обсессивному человеку или даже просто к тому, кто поглощен ежедневной рутинной. Как известно, существует очень тесная связь между обсессивным поведением и религиозным. Религию Фрейд в работе «Будущие одной иллюзии» назвал «универсальным человеческим неврозом навязчивого поведения». Но с юнгианской точки зрения, религия и одержимость (обсессивность) связаны через общую архетипическую матрицу. Следовательно, нельзя сказать, что причиной возникновения религии является компульсивный механизм, скорее оба эти явления возникают на одной и той же архетипической территории. За одержимостью (обсессивностью) может стоять такая же потребность «трансцендировать» какую-то опасную или ограниченную ситуацию. Однако, при одержимости происходит регресс до стереотипного поведения, и слишком рано прекращается поиск выхода. С этой точки зрения элемент навязчивости у обсессивно-компульсивных выражает не только простой невротический механизм, но и возможности некоторой скрытой силы.

Акт обращения к наркотикам порождается потребностью трансцендировать привычное состояние, и этот факт бессознательно связывает и объединяет наркоманию с религиозными поисками или, точнее, с поисками мистического экстаза. Установление компульсивного ритуала, барьера для трансценденции, связывает лицемерные конфессиональные практики (было бы неправильным называть их «религиозными») с постепенным превалированием регрессивной зависимости от фетиша (успокаивающего наркотического объекта) над поиском экстаза.

Беспокойство, от которого страдают многие наркоманы часто проходит не в тот

момент, когда вещество непосредственно принимается, а когда его только добыли, и индивидуум знает, что оно есть в наличии.

Бессознательная модель, лежащая в основе наркомании, имеет религиозный оттенок, но ее проявления на практике носят в основном регрессивный, а не прогрессивный характер. Самой подходящей параллелью из мифологии для этой модели является мотив «Потери Рая»¹

(См . M.Jacoby. The Longing for Paradise, Myron Gubitz, Boston: Sigo Press, 1985.). В Аламутской легенде мы уже видели образ старца, сообразительность которого заключалась в извращенной эксплуатации потребности в Рае посредством наркотиков. Появление этой регрессивной темы в противовес прогрессивной теме инициации показывает, что отношение человека к наркотикам выродилось, и есть психологический элемент, связывающий посвящение и потребительскую идеологию. Поиск потерянного Рая означает желание трансцендировать текущее состояние жизни ради обретения чего-то сакрального, причем необязательно через решительное отречение от эго, а скорее путем восстановления здоровья и благополучия и придания последним сакральной ценности. Это искомое состояние благополучия, уже пережитое в безоблачном детстве, часто рисуется в фантазиях. Стоящая за этим поиском потребность аналогична мотивам потребительского поведения и обсессивного синдрома.

Мы становимся свидетелями того, как по мере вырождения модели посвящения в потребительскую, происходит переход от способов использования наркотиков, свойственных примитивным обществам, к современному, как инициация, связанная с наркотиками, превращается в наркозависимость. Среди различных отличительных особенностей отношения к наркотикам, доминирующих в момент первого знакомства с ними, прежде всего, заметны инициатические ожидания. Для тех, кто никогда раньше не пробовал наркотики, ожидания от этого эксперимента бессознательно совпадают с инициатическим ожиданием вступления в контакт с другим, более высоким и сакральным измерением. Это происходит, даже если индивидуум действует из банального любопытства. По мере повторения своих наркотических опытов, «профанация» своей прежней жизни становится ему все более ясной, и он вынужден еще сильнее подавлять свои архетипические ожидания. Повторение подменяет посвящение, и религиозные ожидания уступают место разрушительной одержимости.

И все же среди закономерного постепенного саморазрушения можно обнаружить бессознательные следы древних сакральных тем. В жертвенной установке наркомана можно распознать деформированные остатки древней и универсальной темы жертвоприношения. Жертва приносится ради чего-то священного («жертвовать» в английском языке «делать священным»), в более драматичных случаях жертвой был сам священник. Можно ли рассматривать медленное самоубийство наркомана, как деритуализованное и непродуктивное жертвоприношение? Это заставляет нас предположить, что существует отрицательное жертвоприношение, когда действует только деструктивная часть этого акта, и когда выполняет его отрицательный герой.

Жертвоприношение и самопожертвование

Собирая сведения о все еще активных в нашем обществе остатках традиционных моделей посвящения, не стоит ограничиваться работами Элиаде, а можно воспользоваться также идеями Мосса, который предложил модель жертвоприношения. Существует много общего в этих двух подходах, хотя первый делает акцент на религиозной функции, а второй — на социальной. По Хуберту и Моссу основной задачей жертвоприношения является «установление связи между сакральным миром и профанным посредством жертвы, т. е. посредством человека, которого убивают во время церемонии»² (H. Hubert and M. Mauss. *Sacrifice: Its Nature and Function*, Halls, W. D., tr. Chicago: University of Chicago Press, 1964.). Заметим, что смерть (в значительных жертвоприношениях разрушается какая-то форма жизни) служит здесь необходимым этапом, центральным переживанием, как и в посвящении. Как мы уже упоминали, в самой возвышенной форме жертвоприношения жертва и священник совпадают — протагонист обряда умирает, как и в случае посвящения. Однако, схема жертвоприношения включает три элемента, что отличает его от посвящения. Если при обычном жертвоприношении этими элементами являются священник, божество и жертва, то в случае самопожертвования добавляется еще один элемент, внешнее лицо, пользующееся пожертвованиями. В христианстве это весь народ, все человечество. Христос сделал этот древний религиозный обряд широко распространенным и радикально простым (когда все три элемента — совершающий ритуал, жертва и божество — совпадают). С одной стороны, христианство возвеличивает жертвоприношение, его божественную чистоту, делая его целью спасение всех людей, основывая на нем новое мировоззрение. С другой стороны, христианство монополизирует жертвоприношение и превозносит его как нечто неповторимое.

Это жертвоприношение возвещало приход нового мировоззрения — монотеистического и централизованного (психологически и политически). Любое другое специфическое и дифференцированное жертвоприношение стало больше невозможным, так как последнее слово уже было произнесено христианством. После самопожертвования самого Бога кто осмелится принести в жертву свою собаку или осла? Пришествие христианства закончилось подавлением ритуала жертвоприношения и психологической потребности, выраженной в нем. Подобным образом христианство подействовало и на посвящение. Посвящение подразумевает возрождение человека, даруя ему новую силу, силу мифологической личности, то есть силу архетипа. Посвящение связывает человека с мифом, непреходящей парадигмой, таким образом обеспечивая ему безопасность и неприкосновенность. Элиаде отмечает, что связь с мифом является главной причиной того, что посвящение так важно в традиционных обществах и фактически отсутствует в нашем профанном Западном обществе, где у человека нет задачи воссоздания связи с мифом, а он сам по своей воле творит историю³ (M. Eliade. *The Myth of the Eternal Return*. Princeton, University Press, 1971.).

Согласно Элиаде, именно христианство привнесло такое изменение, обесценивая мифические модели, ввергая человеку задачу искупления. Кроме того, христианство

молится о спасении каждого, а не только посвящаемых людей. При своей открытости к массам христианство осуждало связанные с посвящением религиозно-мистических культы греческой ориентации, преобладавшие в то время и постепенно исчезнувшие. Следует еще кое-что добавить к тому, что уже рассмотрел Элиаде. Нельзя сказать, что христианство не несет откровение или модель духовного пути, или, что христианство не нацелено на трансформацию природного человека и на возрождение последнего в качестве человека священного. Но это освящение одинаково важно и доступно для каждого. Других путей больше нет, и хотя путей должно быть столько же, сколько людей, в реальности остался только единственный, заповеданный Христом. Крещение заняло место обрядов посвящения. Подобным же образом больше нет других истин кроме Слова Божьего. Ритуал стал максимально упрощенным, и в результате посвящение стало доступно каждому (следовательно, никому). Оно выполняется один раз и для всех, причем не только онтогенетические — для индивидуумов, но и филогенетически — для всего человечества.

Как и в случае с жертвоприношением, этот новый подход так возвышает религиозную миссию, что древние ритуалы, более ограниченные и не связанные в такой степени с абсолютными этическими концепциями, потеряли значимость и привлекательность для людей. Поэтому посвящение исчезает как дифференцированная специфическая возможность, гибкая и приспособляемая к различным потребностям. Это полное исчезновение связано с тем, что христианская трансформация не обеспечивается ритуалами, а является лишь частью монотеистического развития, которое постепенно привело к современному миру, Единому миру (или миру Единого Бога), который в структурном, если не в идеологическом смысле располагается между марксизмом и фрейдизмом с одной стороны и иудо-христианским наследием с другой. Ницшеанское возрождение греческого политеистического духа, юнговский архетипический подход и работы Хиллмана⁴ (I. Hillman and D. Miller. Psychology: Monotheistic or Polytheistic^ In New Polytheism. Dallas: Spring, 1981.) служили противовесами на психологическом плане этой редукции к Единому и тенденции отрицать сложность психологических реалий в пользу унитарных требований эго. Посвящение постепенно отрицалось европейской культурой частично из-за того, что его относили к покоренным примитивным культурам, а частично из-за связи с эзотеризмом и образованием групп посвящаемых, создававших риск возникновения субкультур и социокультурных групп с совершенно автономными, отличными от общепринятых системами ценностей. С приходом христианства эзотеризм, за исключением гностицизма, утратил свою законность.

Авторитарным указом можно отменить практику посвящения, но нельзя устранить базовые архетипические потребности, в результате их удовлетворение будет происходить в упрощенных суррогатных формах. Мы уже приводили типичный пример, когда группа демонстрирует солидарность и вырабатывает секретный код поведения, используя наркотик в качестве предлога. Парадоксальным образом обращение к наркотикам в меньшей степени табуировано, чем само посвящение. Употребление веществ не противоречит современным ценностям. На самом деле именно потребительская идеология открыла дорогу для наркомании, и помехи здесь только из-за токсических свойств наркотиков и практических неудобств, ими вызванных.

И попытка возврата к посвящению, и попытка ритуализировать и институционализировать потребление наркотиков (конечно, тайно), по-видимому, являются не индивидуальной, а коллективной реакцией, культурным противовесом по отношению к психологическому монотеизму эго и разума и идеологическому монотеизму редукции к Единому. Посвящение пытается вернуть менее редукативную установку и создать экзистенциальные предпосылки, в то время как потребление наркотиков, особенно галлюциногенов, продвигает к политеистической психике, свободной от верховенства эго (нечто похожее также делают сновидения).

Легко понять, почему эти явления не остаются в форме изолированных субкультур за рамками цивилизованного общества наподобие криминальных групп. Они имеют тенденцию появляться в более широком контексте. Это не отдельные случаи индивидуального бегства от действительности или от общества, а «культурные» ресурсы, существование которых оправдано чрезмерной однобокостью нашего мира.

Суррогат религиозного опыта

Посвящение безошибочно амбивалентно. С одной стороны, оно подразумевает, что индивидуум будет хранить молчание в отношении открывшихся ему истин, а с другой стороны, посвящение требует от него вносить вклад в укрепление группы, вербуя новых «адептов». Чем сильнее идентификация индивидуума с группой и новой верой, тем больше влияние второго аспекта, тяги к прозелитизму. Примеры этому заметны и в психоанализе. Известно, что психоанализ с его ритуалами, «откровениями» и обещанием возрождения является одной из немногих современных форм посвящения. Но как часто, завершив анализ, люди тратят много энергии для убеждения других в его пользе, в ценности аналитических теорий и практик! Амбивалентное обращение в свою веру можно четко проследить у потребляющих наркотики. С одной стороны, лишь немногие люди не осознают огромной ответственности, которую они берут, распространяя наркотики. И все же потребность пропагандировать часто проявляется бессознательно. Бывает, что наркоман, описывает свои переживания таким образом, что вызывает любопытство и зависть присутствующих. Его слушателей впечатляют не столько психофизические изменения, которые пережил наркоман, сколько перспектива возрождения, которая в первую очередь привела его к наркотикам.

Осознанное и умышленное обращение в определенную веру обычно свойственно только наркодилерам. Наркоман, который сам не распространяет наркотики, обычно осторожен, когда говорит о них с другими, поскольку в некоторой степени боится их втянуть. Однако, когда он говорит о себе, то часто красочно передает удивительные свойства наркотика, вовлекаясь таким образом в прозелитизм. Было бы слишком просто назвать такого человека лицемером. Он искренен, хотя и диссоциирован. Он осуждает токсичное действие на организм и зависимость от наркотиков, но в то же время ему бы хотелось пригласить других в ряды посвящаемых и укрепить секту, несущую новую «веру». Иными словами, ему бы хотелось вовлечь других людей в архетипический элемент (третий в нашей схеме), избавляя их в то же время от контакта с первыми двумя элементами, — что ему не удалось сделать самому из-за невыполнения главного условия, из-за утраты контакта с сакральным измерением.

Так как нас больше интересует предотвращение потребления наркотиков, чем борьба с ним, мы подозрительно относимся к любому положительному отзыву о наркотиках, даже если это лишь частично положительные высказывания. Такие оценки могут легко перерасти в пропаганду. Пытаясь прийти к не одностороннему и не моралистическому отношению к наркотикам, важно отметить, что положительные отзывы о них исходят от людей, которых обычно считают «мастерами» — творческих людей, ищущих в наркотиках стимул для творчества. В наше время, как и в древности, поэты сочиняют похвальные оды алкоголю, достаточно вспомнить Бодлера и Аполлинера, посвятивших этой теме целые тома. Мы уже отмечали, что одним из факторов, ведущих к вырождению наркопотребления, является недостаток современных мастеров, способных вести за собой и регулировать потребление наркотиков. На самом деле, всегда есть несколько влиятельных людей, которые не воспринимают наркотики и алкоголь отрицательно, а говорят о них с философской позиции или иронично. Их отношение остается отстраненным и абстрактным, основанным лишь на книгах, фильмах или пьесах.

Брехт и Чаплин говорили, что алкоголь способствует добродушному и непринужденному общению. Их герои в трезвом состоянии были жестокими и недоверчивыми людьми, и опьянение делало их человечными и щедрыми. Подобная же косвенная пропаганда велась и в отношении менее знакомых веществ. Олдос Хаксли в своей книге «Двери восприятия» описывает экстатические переживания, вызванные приемом мескалина. В «Разнообразии религиозного опыта» Уильям Джеймс упоминает, что алкоголь или вдыхание закиси азота способствуют достижению мистических переживаний. Они рассматривали эти вещества в качестве средства осуществления тех же надежд, которые молодой Фрейд возлагал на кокаин. В определенном смысле Фрейд подобно современным наркоманам материализировал и упрощал свой собственный поиск важного откровения, проецируя его на наркотики. Тот факт, что исследования Фрейда привели к появлению самой эзотерической из современных профессиональных групп — «касты» психоаналитиков (а не к фармакологическому прорыву) — подтверждает, что экспериментирование с новыми наркотиками и пробуждение инициатических ожиданий возникают синхронно. Проблема прозелитизма ставит дилемму «терпимость — репрессии» в один ряд с этическими вопросами, вызванными распространением наркотиков. Известно, что наркотики, при всем разнообразии их действия, могут наносить большой вред организму человека. Их психические последствия не менее опустошительны. В наркотиках могут искать замену религиозному опыту — бессознательно, если речь идет об обычном человеке, но осознанно в случае просвещенной личности, какой был Уильям Джеймс. В определенном смысле это ложный путь, потому что «религиозный» опыт, хоть и достигнут, не может быть успешным, так как он является прямым архетипическим опытом. Психофизические изменения вызывают внутреннюю бурю образов и состояний сознания, аналогичных тем, что вызываются прямыми архетипическими переживаниями, когда человек переживает приближение к «нуминозному»⁵ (Эта концепция Юнга происходит из многих источников, например, из работ Рудольфа Отто. См. *The Idea of the Holy*. London: Oxford University Press. 1910.) В результате, любые другие переживания в жизни становятся бессмысленными и незначительными, и человек возвращается к наркотикам.

Боги разговаривают с нами через наркотики, но только в этих состояниях, и постепенно наша связь с внешним миром умирает. Этот диалог происходит без каких-либо обрядов или защиты, обеспечиваемой группой. Мы не прошли подготовки для такого контакта, да и не научились слушать. Любая теофания невыносима, если она происходит не в контексте веры. Любая религия учит, что Бог слишком могуществен, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, что по словам Святого Павла может повергнуть в «ужас». Встречая такой опыт без должного уважения и разумной дистанции, а также без какой-либо помощи, мы попадаем «в руки живого Бога», чей свет и энергия могут нас сжечь.

Глава 8.

Возрождение сегодня

Обсуждение типов наркотиков

До сих пор в нашем исследовании рассматривались те элементы глубинной психологии, архетипические модели, которые стоят за потреблением наркотиков. Мы исходим из того, что не оцениваем наркотик как хороший или плохой, поскольку эти категории следует применять к отношению индивидуума к выбранному им наркотику. И все же, мы осознаем, что такое обсуждение наркотиков является чем-то вроде интеллектуальных спекуляций. Нашей основной целью было не описание отдельных веществ, а исследование психических тем, возникающих вокруг наркотиков, и архетипических ожиданий, проецируемых на них.

Если выйти за пределы этих интеллектуальных построений, то следует признать, что термин «наркотик» относится к веществам, совершенно различным по своему воздействию и почти не поддающимся классификации. На один и тот же наркотик у разных людей может быть различная реакция. Классическим примером тому является алкоголь, который может заставить одного человека впасть в депрессию, а другого — в эйфорию.

Не выходя за сферу нашей компетенции, можно утверждать, что с точки зрения структуры глубинной психологии эффект наркотиков бывает двух типов. Конкретное вещество может находиться где-то между двумя полюсами. Наркотик способствует символическому опыту, активируя бессознательное (эффект символизации), либо он временно изменяет отношения между эго и суперэго (эффект гипертрофии).

Совершенно очевидно, что галлюциногены ближе к первому полюсу, в то время как алкоголь (и амфетамины вместе с большинством веществ, изменяющих сознание) ближе ко второму полюсу. Это разделение помогает понять сделанные ранее наблюдения, что сакральный характер вещества, сопровождающего различные фазы посвящения, больше всего выражен в галлюциногенах. Алкоголь, даже если он выпивается в группах и с соблюдением ритуалов, никогда не становится «религиозным стимулом» в такой же степени, как галлюциногены, потому что не имеет прямого отношения к символическим и образным переживаниям. Алкоголь влияет на проявление образов только при очень высоких уровнях интоксикации, но даже в таких состояниях обычно вызывает мало образов. Белая горячка — самый драматический тому пример.

Алкоголь используется в определенных коллективных ритуалах, но не из-за его содействия символообразованию, а из-за создаваемой с его помощью атмосферы экстраверсии, которая необходима для сплочения группы. Гелпке (см. главу 3) полагает, что терпимость общества к наркопотреблению соответствует доминирующей психологической установке. Так как экстраверсия высоко ценится в нашей культуре, отношение к алкоголю на Западе более терпимое, чем на Востоке, где доминирующая культура способствует интроверсии, и соответственно более широко распространен гашиш.

Это замечание может объяснить, почему использование галлюциногенов редко вызывает зависимость или риск маниакально-депрессивного заболевания по сравнению с другими типами наркотиками. При использовании галлюциногенов измененные состояния сознания имеют ярко выраженное символическое содержание, которое не забывается, когда видения постепенно исчезают. Многие чувствуют, что не могут и не должны описывать свои видения, аналогичные тем, что переживаются во время посвящения. Они проходят медленный процесс переработки, в котором эго продолжает вести диалог с символами и подвергается влиянию архетипа, стоящего за этими символами. Например, после принятия ЛСД даже по прошествии нескольких недель человек может переживать моменты внутренних озарений, когда он вдруг захвачен каким-то чувством или образом. Риск в таких состояниях связан только с психотическим срывом. При отсутствии внешней или ритуальной поддержки эго может взорваться под давлением внутренних образов или «живого Бога».

Возвращаясь к первой из наших формулировок об эффекте наркотиков, следует отметить, что речь велась о символизации, а не просто о продуцировании или восприятии символов. Символическое восприятие образов является важным, но не единственным открытием, которое может принести использование наркотиков. Глагол «символизировать» означает «сводить вместе», чтобы создать новое сочетание, значительное по воздействию. При «хорошем полете» наркоман не только видит символы, но и чувствует себя «символически», чувствует, что восстанавливается целостность бытия, что он примиряется с экзистенциальной ситуацией, выходя за ее пределы и открывая непостижимый смысл. Он чувствует, что возвратился, не утратив своего места в мире и ориентации во времени и пространстве.

Каждый символический опыт в определенном смысле необратим. Он похож на ту фазу в процессе посвящения, которая приводит к развитию целостного индивидуума. Если же индивидуум переживает гипертрофию эго вместо символического опыта, то он не извлечет из такого опыта никакого продуктивного психического обогащения. Все с чем он останется, так это с чувством утраты определенной энергии, как будто у него есть клад, но ключ потерян. Именно это неутомимое желание найти тот ключ может привести к дальнейшим экспериментам с веществом, принимаемым в больших дозах и с большей частотой.

Будет тавтологией определять наркотическую зависимость как приобретенную привычку. Но можно рассматривать зависимость, как поиск трансцендентного опыта, который человек всегда ищет, но не может достичь. Одержимость в преследовании этой цели быстро ведет к маниакальному состоянию.

Традиционно, новые или зарубежные наркотики встречают настороженное отношение, их боятся, тогда как к потреблению алкоголя относятся снисходительно. Есть определенная мудрость в такой «традиции». Алкоголь по своей природе наркотик и может вызвать самую серьезную разновидность патологической зависимости. Потребитель защищает ни какие-то свойства самого алкоголя, а древнюю ритуализацию распития. Это одна из наших вековых традиций в отличие от импровизированных ритуалов, которые создавали, например, западные любители опиума. Создается впечатление, что в престижных итальянских трактирах и тавернах,

где поддерживается социально ритуализированное распитие, вне зависимости от количества выпитого алкоголя существует какое-то инстинктивное чувство предела, и редко возникает насилие или негуманное поведение. Но эти трактиры посещают все больше пожилые люди, а молодое поколение не приходит на смену. Трактиры — это наследие прошлого, время от времени они закрываются и уже не открываются вновь. Есть один напротив двери моего дома. Хозяин всегда говорит, что хочет уйти на пенсию, но все же год за годом продолжает работать. Если бы он закрыл свое заведение, его клиенты, вероятно, стали бы пьяницами-одиночками. Эти посетители часто поют песни, не только потому, что трактир представляет для этого возможность, но и потому, что обстановка активизирует их внутренние архетипические переживания. Оставшись без трактира, эти мужчины, вероятно, продолжили бы выпивать, но уже без песен и горячих бесед о политике, искусстве и спорте. Единственной вещью, которая давала бы им тогда тепло было бы само вино. А пока в трактире все еще есть атмосфера жизнерадостности и всеобщего энтузиазма. Складывается впечатление, что у молодого поколения нет своего особенного ритуального контекста для распития алкоголя. Обычно молодые люди пьют везде, где только могут, — на вечеринках, в шумных ночных клубах или просто на улицах. Вероятно, мог бы возникнуть новый ритуальный контекст, но перенос наркотика из одного контекста в другой сопряжен с огромной ответственностью. Если бы потребление алкоголя лишилось рамок западной традиции, он, скорее всего, стал бы таким же наркотиком, как и все другие.

Неизвестно, какой модели алкогольного потребления будет следовать молодое поколение. Однако, наблюдаются социологические изменения, как, например, распространение женского алкоголизма. Его значительный рост тесно связан с изменениями в потреблении алкоголя мужчинами. Было время, когда некоторые виды распития были исключительно мужскими, касалось ли это выпивания вина за едой или ритуальных попок с друзьями в тавернах. В прошлом, из-за культурных запретов и отсутствия приемлемых ритуалов женщины пили в одиночестве и одни только ликеры. В нашей традиции нет образа или представлений о группе выпивающих женщин. Образ выпивающей женщины, одинокой и расстроенной, предвещал ритуальное вырождение, происходящее в наши дни.

Женщины, все же, реже, чем мужчины, обращаются к алкоголю и незаконным наркотикам, но нельзя из этого сделать вывод, что природа женщины менее расположена к зависимости. Скорее, существует два культурных элемента, которые удерживают женщин от употребления алкоголя и наркотиков. Прежде всего, у женщин меньше свободного времени, чем у мужчин. Понятие «свободное время», несомненно, мужское изобретение. Во-вторых (и это напрямую касается нашего исследования), модель посвящения и эзотеризм с древних времен предназначались исключительно мужчинам. Это означает, что женщинам были малодоступны, или совсем недоступны более ритуализированные и менее опасные формы потребления наркотиков. С социологической точки зрения, женщины находятся в авангарде процесса вырождения и профанации потребления наркотиков. По уровню потребления мужчины все еще опережают женщин, но этот разрыв, по-видимому, будет сокращаться.

Классификация наркопользователей, например, на основе выше указанных категорий или типа наркотика может быть важной задачей, и тем не менее, в определенном смысле она отвлекала бы нас от главного. Поскольку наше исследование должно оставаться глубинно-психологическим, а не социокультурным или психофармакологическим, то наш интерес должен быть направлен к бессознательным конечным целям потребления наркотиков. По большей части, эти цели, однако, не осознаются, поэтому уделяется так много внимания потребляемым веществам. Близорукость сознательной позиции сопоставима с вырождением до потребительской установки, которая, становясь самоцелью, приводит к страданиям. Такое вырождение сегодня довольно распространено из-за атмосферы пассивности и недостатка усилий по трансценденции себя и своей ситуации. «Смыслом» любой ситуации является все, что ощущается в данный момент на поверхности, — тенденция, которую Мак Люэн сформулировал в средствах массовой информации следующим образом: «Медиум и есть послание». Эта фраза была сформулирована, чтобы показать эффект распространения и злоупотребления «средствами коммуникации», но эта формула так же применима к проблеме потребительской идеологии и наркомании. Потребление наркотиков является средством для установления контакта и связи с новыми психическими состояниями. К сожалению, применяя наркотики, люди постепенно прекращают искать ;вязь с чем-то новым и концентрируют внимание на самом наркотике — что было средством становится целью.

В результате изучения действия средств массовой информации доказано, что телепрограмма о насилии, даже если ее выпускали с поучительной целью, скорее способствует распространению насилия, чем сплачивает аудиторию против него. Подобным же образом, даже если телевидение пытается нас чему-то учить, то в конечном итоге оно учит смотреть его больше. Поэтому сегодня потребление наркотиков побуждает индивидуума снова обращаться к наркотику, а символический опыт ничему его так и не учит по той простой причине, что этот опыт должным образом не организован и не уважается, как т. н. культе пейота или в ритуальном наркопотреблении.

Вот почему наше внимание посвящено таким моделям психического действия, архетипам, которые образуют вечно присутствующую, хотя и скрытую основу всех явлений. Такой подход оказывается наиболее плодотворным, поскольку удерживает нас от отделения индивидуума от коллективного измерения и позволяет рассмотреть проблему не только с точки зрения патологии, но и как бессознательную попытку достичь архетипических целей. Именно к этим целям человека больше всего инстинктивно влечет. Они представляют реальную проблему, скрытую за неприятным фасадом наркомании. Если не удастся идентифицировать цель, к которой мы бессознательно стремимся, если не получится осознать нашу скрытую потребность, то рано или поздно она потребует удовлетворения. Не понимая этого факта, трудно будет бороться против наркотиков и наркомании. Даже, если бы мы преуспели в борьбе с наркотиками, базовая потребность, являющаяся, по нашему мнению, потребностью в посвящении, не получая адекватного удовлетворения, приняла бы еще более ужасные формы. (Мы уже ссылались на элемент посвящения в

террористических группах.) По этой причине такую потребность нужно понять, и только тогда мы сможем ответить на нее и дать ей выход.

Но аналитику не позволительно задавать вопросы о внешней реальности без рассмотрения скрытых мотиваций, являющихся главным объектом его интереса. И нет нужды доказывать, что изучение скрытых архетипических структур (потребности в посвящении), а не внешних явлений (мира наркотиков), — не только психологически глубже, но и приносит больше удовлетворения, более захватывающе и вдохновляюще. Занятие же феноменологией, описанием внешних аспектов наркомании в нашем обществе, нельзя назвать ни привлекательным ни удовлетворяющим. Это неприятное, расстраивающее и удручающее явление. Как упоминалось ранее, изредка аналитикам доводится помогать наркоманам в их исправлении. Наркоманов редко берут в качестве пациентов. Существует риск того, что он может погружаться в изучение архетипических структур, чтобы избежать осознания менее приятных, но более актуальных аспектов своей проблемы. По большей части наркомания поражает тех людей, которые не знают, как принять жизнь. Невозможно избежать разочарований, так же как и полностью разрешить все противоречия. Можно сказать, используя знаменитое выражение Молро, что к наркотикам обращаются люди, не знающие, как принять чисто человеческую ситуацию. Если бы наркоман снизошел до этой ситуации, ему бы пришлось осознать, что он предал изначальную потребность в посвящении, превратив ее в чисто потребительский подход. Но он не идет ей навстречу, а реагирует бегством. Он готов заплатить любую цену, лишь бы быть свободным от этой жизненной ситуации. Но цена очень высока. Она может заключаться в финансовом разорении, не говоря уже о разрушенном здоровье, эмоциональной жизни и духовности. Свобода достигается, когда индивидуум чувствует себя «полубогом», но, прежде всего, когда почти стабильно устанавливается «адское» состояние. Без сомнения, в какой-то момент человек начинает искать освобождение от этого «адского существования». Но поскольку часто невозможно вернуться к человеческой жизни, остается только ждать освобождения, которое придет со смертью.

Изучение скрытых аспектов наркомании приветствуется, но в то же время следует прилагать усилия, чтобы не стать чисто теоретическими исследователями. Иначе мы бы повторили ошибку наркомана — стали бы отрицать человеческую ситуацию с ее ужасными и непримиримыми противоречиями.

Препятствия к посвящению в плюралистическом обществе

Тот факт, что здесь не предлагаются пути возрождения посвящения, не означает, что мы считаем такие переживания сегодня недостижимыми. Наше общество так структурировано, что не предоставляет никаких конкретных возможностей для посвящения. В прошлом общество само отводило определенное достойное место посвящению. Следовательно, отсутствие посвящения априори может быть одной из бессознательных причин широкого распространения чувства отчуждения и отчаяния. Некоторые исследователи полагают, что такая бессознательная потребность уже нашла типичные суррогатные формы выражения. Хокарт упоминает, по меньшей мере, три формы¹ (A .M. Hocart. Initiation and Healing, in Man, XXXVII, 1937, pp. 20-22.):

1. Возвращение к однажды принятой, но в настоящее время оставленной практике из-за специфической необходимости. Например, когда родители отказывались крестить детей, но решились сделать это из-за того, что новорожденный болен.

2. Обращение к другой культуре с ее обрядами и нормами, в результате утраты веры в свои собственные обряды. Это происходит во многих случаях религиозного или идеологического обращения.

3. Восстановление древних практик не потому, что признают их настоящие инициатические цели, а по некоторым рациональным причинам. Например, практика обрезания популярна в США по гигиеническим соображениям.

Размышления Хокарта иллюстрируют то, о чем мы говорили, но в них нет гипотез о причинах вырождения процесса посвящения и возможных способах его восстановления.

В предисловии к первой главе данного исследования мы ссылались на фразу Элиаде: «Посвящение устанавливает конец «природному человеку» и вводит новообращенного в культуру». С одной стороны, можно сказать, что необходимость в посвящении сегодня отпала, поскольку вхождение в культуру больше не является трудным процессом, требующим ритуалов. Современный человек погружен в культуру фактически с момента своего рождения. Он никогда не сталкивается с чисто природным существованием. С другой стороны, следует отметить, что современный человек часто чувствует себя брошенным в культуру или общество почти случайным образом, так что ничто не внушает ему священного уважения. У него развивается ностальгия по собственным корням, так что природное существование кажется ему чем-то сакральным.

Потребность в посвящении, в возрождении к жизни, наделенной новым смыслом, существует всегда, даже если заложенная в ней амбивалентность приносит страдания. Наиболее вероятно, что удовлетворение этой потребности происходит в индивидуальных отдельных неповторимых ситуациях, а не в сомнительных группах, о которых мы говорили ранее. Этот путь становится уделом неугомонных натур, руководствующихся скрытым жизненным инстинктом, а не верой в какие-нибудь особенные ритуалы.

Многие инициатические ритуалы, например, принятие воинской присяги, были характерными для определенной культуры и исчезли с приходом современности. Однако, некоторые церемонии выжили, поскольку связаны с естественными и, следовательно, неизменными событиями, такими как рождение, бракосочетание и смерть. Эти и другие базовые элементы жизни, носящие по своей сути инициатический характер, все еще отмечаются ритуально, но уже утратили черты посвящения. Хороший пример этому — первый сексуальный опыт. Пытаясь преодолеть моральные предрассудки вокруг секса, современный человек вместе с табу избавился и от тайны, связанной с сексуальностью. Эти табу были нужны не для морализаторства, а для сакрализации и сохранения инициатической функции сексуальности. Инициатическая функция умирает, так как утрачены по меньшей мере три элемента сексуального опыта: сакральность, необратимость и отсутствие альтернатив. Рассмотрим эти три элемента детально, так как это будет полезным для нашего исследования. Однако, следует учесть, что анализ данного вопроса не будет полным (поскольку у посвящения много элементов) и точным (поскольку различные

элементы частично перекрываются; сакральность в значительной степени зависит от необратимости и отсутствия альтернатив; необратимость же есть отсутствие самой простой альтернативы, т.е. возвращения к прежнему состоянию).

Что касается сакральности, то исчезновение священного и освобождение современного общества от иллюзий представляет слишком большую проблему, чтобы рассматривать ее здесь. Однако, следует указать, что в предшествующих культурах понятия священного и инициатического часто совпадали, так как обеспечивался глубокий контакт с сакральным при посвящении. Различные аспекты сакральности интересуют нас, как качества, связанные с двумя другими элементами. Сразу можно заметить, что современность устранила необратимость немногих сохранившихся инициатических процессов. Например, серьезный кризис переживают религиозные профессии. Количество священников продолжает сокращаться, хотя все чаще удовлетворяются просьбы об освобождении от обетов, положенных им по сану. Существуют сложные и многочисленные причины такого профессионального кризиса. Тщательное исследование данной проблемы потребовало бы привлечения исторических и социологических фактов. Можно допустить, что широкая возможность получения освобождения от обетов с психологической точки зрения могла бы убедить людей выбирать эту профессию, особенно тех, кто не желает брать на себя столь суровые обязательства, как у духовенства. Но разве такое объяснение является в истинном смысле «психологическим»? Оно имеет мало общего с глубинной психологией, ограничиваясь психологией сознания. Поскольку мы полагаем, что в психике существуют бессознательные потребности и архетипы, можно выстроить противоположную гипотезу о том, что из-за обратимости выбор профессии теряет характер радикальной трансформацией. Необратимая смерть старой личности необходима для последующего переживания глубокого психического возрождения. Подобные рассуждения можно применить и к бракосочетанию, инициатический характер которого поддерживался долгое время (больше в католической традиции, чем в протестантизме, и больше для женщин, чем для мужчин). Санкционированный законом развод—это совсем недавнее явление во многих традиционно католических странах. Католической церкви приписывают опасение, что может начаться настоящая лавина разрушенных браков, так как развод отменяет официальный брак, а не духовную связь, и люди будут обращаться к первому, игнорируя второе. Статистически, не так много разводов последовало за их разрешением. Скорость изменения пропорции между церковным венчанием и гражданской регистрацией брака осталась прежней. Предлагались всякие гипотезы для объяснения этих фактов, но так как они не касаются глубинной психологии, мы не будем рассматривать их здесь. В отношении того, что касается нашей темы, достаточно связать эти наблюдения с другим фактом — более значительным ростом «гражданских браков» по сравнению с официально зарегистрированными. Это подтверждает гипотезу, что необратимость является обязательным элементом модели посвящения. Институт бракосочетания необходим для поддержания порядка в обществе. Но на более глубоком уровне он также играет инициатическую роль. Если брак утратит свою функцию посвящения, превратившись в нечто легко обратимое, вроде сегодняшнего «гражданского брака», тогда люди будут устанавливать свои эмоциональные связи

более прямым образом в обход общественных институтов как исключительно бюрократических образований.

Светский брак всего поколение назад был редким и считался смелым вызовом господствующей идеологии, но теперь он настолько распространен, что даже застарелый консерватор не посмеет его критиковать. Он стал альтернативой церковному венчанию, и каждый может пользоваться его преимуществами. Но парадоксальным образом его повсеместное принятие закончилось предпочтением «гражданских браков». Отречение от официальных институтов произошло, потому что возможность сознательного выбора, как и возможность потреблять только лучшее, сводит на нет инициатическое значение. В ситуации свободы выбора, когда выбор становится все более секулярным (т. е. не связанным табу или уважением сакрального, ориентированным на более удобный вариант), самым разумным оказывается тот, что дает немедленный результат без каких-либо сложностей или соблюдения формальностей. В традиционном обществе человек мотивирован брать на себя дополнительные институциональные обязательства не столько из-за материальных гарантий, которые предоставляются этими институтами, сколько из-за потребности в ритуалах, способных обеспечить архетипические чувства, проецируемые на новую освященную фазу жизни.

Для переживания истины необходимо устранить сомнения и амбивалентность. Но если существует много расходящихся заданных извне истин, их противоречия могут быть интроецированы и породить сомнения. Единственным исключением являются те редкие индивидуумы, система ценностей которых хорошо согласована, так что они могут естественным образом принять внешнее разнообразие (коллективные «истины») и внутреннее разнообразие (вопросы, задаваемые самому себе).

Потребность в истине обычно перетекает в потребность в единообразии, и таким образом потребность, которую можно назвать вертикальной (поскольку она затрагивает вершины и глубины нашего бытия), становится горизонтальной. Подобный процесс происходит с сакральным. По своей природе оно является всеобъемлющим. Но можно ли сакральное пережить в чистом виде, если оно на метафизическом уровне относится к тотальности нашего бытия? Для многих людей эта попытка принесла бы ощущение тревоги и одиночества. (Из-за акцента на вертикальном опыте пребывания наедине с Богом протестантская церковь теряет свою паству в большей степени, чем католическая). Средний человек привязан к привычному порядку жизни, рутина и однообразие пронизывают его существование. Он не способен к внезапному столкновению с проблемами истины, ответственности и свободы выбора.

Экономический и технологический прогресс вместе с завоеванием политических прав принес не виданную ранее свободу и пространство выбора. «Культурной» реакцией на это было то, что Ратено и Ортега назвали «вертикальным вторжением варварства», а Фромм назвал «бегством от свободы». В возникшей ситуации средний человек пытается воспользоваться преимуществами нового пространства и свободы, но не хочет брать на себя ответственность, которые они влекут за собой. Завоевание свободы теряет смысл, если человек не может осуществлять выбор.

Хотя наше либеральное плюралистическое общество в высшей степени терпимо, оно враждебно сакральному. Пассивное большинство бессознательно не приемлет, что

сакральное может быть найдено в институтах, отличных от доминирующих в этом обществе, существующих с ними бок о бок или находящихся в конфликте с ними. Они просто отвергают сакральное измерение, добавляя таким образом к своей апатии еще одну ношу и еще один блок для либидо.

Сакральное предшествует рациональному и превосходит его, ему неизбежно принадлежит первенство. Поэтому ему трудно поместиться в пространстве между институтами, где индивид осуществляет свой свободный и рациональный выбор. Если бы удовлетворение жажды инициации опиралось на создание просто новых институтов, использующих свободу вероисповедания, результаты были бы непродуктивными. Если церковное венчание утратило свое инициатическое значение, его нельзя просто заменить официальной регистрацией брака — процедурой современной, но бесполезной для посвящения.

Традиционное бракосочетание часто заключается в результате соглашения между семьями и связано с продолжением рода, но парадоксальным образом у него более богатые возможности в смысле посвящения, чем у современного брака. Технология и наши современные достижения (контроль рождаемости, безопасные аборты, общая терпимость общества) предлагают нам свободу выбора, в то же время от нее отрекаясь, и наши различные институты (гражданский брак, декретный отпуск по беременности) отрицают инициацию, лежащую в их основе.

Было бы несправедливым обвинять современного человека в отвержении ритуалов и традиционных институтов из-за гедонистического нежелания ограничивать свои потребности. Скорее всего он делает это, потому что наступление современности заставляет его отрицать фундаментальную потребность, которую они удовлетворяли — потребность в сакральном и инициации. Достаточно обратить внимание, как быстро и с каким упорством возникают вновь альтернативные ритуалы и институты. Надо признать, что тема посвящения почти безгранична. Следы ее можно найти во многих на первых взгляд рациональных формах поведения современного человека. В начале нашего исследования нельзя было вообразить, как далеко заведет нас анализ темы посвящения. Конечно, не стоит думать, что инициация вездесуща, чтобы не раздувать эту тему и лишать ее тем самым смысла специфической реальности. В то же время модель посвящения дает более глубокое психологическое понимание тех явлений, где психологический подход казалось проигрывал социально-политическому. Архетипическая модель позволяет ухватить структуры, существующие независимо от конкретной исторической ситуации. Взглянем, например, на явление терроризма.

В отношении проблем с законом терроризм базируется на инициатических и эзотерических нормах, аналогичных миру наркомании. И терроризм и наркомания являются объектами преследования со стороны властей, главным образом полиции, причем эта борьба приносит слабые результаты. Предпринимаемые против наркомании меры направлены на распространителей и щадят самих наркоманов или пытаются склонить их к сотрудничеству. В Европе после десятилетия разгула терроризма законы, поощряющие «добровольное раскаяние» со стороны террористов, помогли остановить самые сильные организации всего за несколько лет. Этот факт демонстрирует преимущества юридического решения проблемы перед военным и полицейским. И хотя успех был достигнут с помощью законов, с точки

зрения психолога здесь не обошлось без бессознательных элементов, создавших архетипическую предрасположенность, необходимую для этого успеха.

Сотрудничество некоторых террористов с властями, конечно, привело к аресту остальных. Но обещание ли смягчения приговора явилось тем единственным фактором, который побудил их к отречению от своей идеологии терроризма? Даже если суд проявит милосердие, они все равно подвергают себя смертельной угрозе мести со стороны других боевиков. Большинство тех, кто «раскаялся», объясняли свой поступок идейными соображениями. Они говорили, что решили вернуться в нормальное общество, потому что стали свидетелями краха «политического плана» террористов. Такое объяснение, без сомнения, справедливо с точки зрения психологи сознания, но если попытаться прочесть бессознательные элементы в их заявлениях, то станет видно, что на них повлияло ощущение провала тайного эзотерического или инициатического «плана». Относится ли это разочарование к рациональным расчетам или в большей степени к членам той тайной группы, с которой они решились связать свою судьбу? В своих заявлениях раскаявшиеся террористы обычно нападают не только на политическую позицию своих бывших соратников, но также на них лично, критикуя нехватку духа солидарности в группе.

Но если вхождение в группу не является полноценным сакральным актом подчинения, а происходит по секулярному сознательному выбору, то ничего не стоит и покинуть группу, которая низводится тем самым на уровень обычного клуба. Самые первые «раскаявшиеся» террористы лишали группу ее эзотеризма, прокладывая дорогу к ее внутреннему краху, а информация, сообщаемая ими полиции, ускоряла и ее внешнее разрушение. Помимо дефицита сакрального измерения современное общество слишком сложно и толерантно, чтобы признать любую альтернативную группу, членство в которой не отменяемо. Только с большим трудом можно оживить структуры, благоприятствующие настоящему посвящению, не опускаясь на уровень всего лишь другого выбора в контексте того самого потребительского отношения, которое человек отвергает как анти-сакральное.

Можно ли, к примеру, считать «альтернативными» экологические группы или новые секты, если спустя пару лет участник может просто вернуться к обычной жизни? В действительности, само понятие «альтернативы» чуждо теме посвящения, потому что введение «альтернативы» подразумевает выбор между двумя возможностями, лежащими в одной плоскости, а посвящение ведет к полному возрождению на более высоком уровне.

Это не означает, что исследование потребности в посвящении обязательно приведет нас к пессимизму. Так как наш подход основывается на архетипах, он предполагает, что ядро психического процесса остается сохранным, ожидая более благоприятного времени для достижения гармонии с доминирующей культурой, и не ослабевает из-за недостатка сакрального или эфемерности институтов посвящения в современном плюралистическом обществе. Рано или поздно, это ядро включится, чтобы восстановить или создать заново институты, способные обеспечить посвящение официальной и ритуальной структурой для тех, кто действительно этим интересуется, если не для всего общества в целом.

Влюбленность и посвящение

Вернемся к институту брака и исследуем его основное архетипическое ядро. Полагают, что корни этого института лежат в естественной влюбленности в человека противоположного пола. Не будем это оспаривать, но хотелось бы поместить слово «естественная» в кавычки и отметить, что нас интересует тесная связь между влюбленностью и посвящением.

Чтобы прояснить нашу позицию, обратимся к различию между влюбленностью и любовью, предложенному Франческо Альберони² (F. Alberoni. *Movimento e istituzione*. Bologna, Il Mulino, 1977.). За стартовую точку Альберони берет различия между самовозникающим и институциональным состоянием. Точнее, влюбленность можно рассматривать как мотивирующую силу больше бессознательного происхождения, а любовь, как функцию неформального института, созданного из неписаных правил и соглашений между партнерами³ (F. Alberoni. *Innamoramento e amore*. Milan, Garzanti, 1979.). Таким образом, Альберони попытался классифицировать архетипическую динамику.

Стремление трансцендировать влюбленность и перейти к любви соответствует стремлению к посвящению, к разработанным ритуалам и формулам, предназначенным для освящения и структурирования процесса возрождения. Влюбленность и посвящение — процессы столь переменчивые, что приносят муки и радости одновременно. Они жаждут стабилизироваться до институтов, но не желают редукции до них. Любое холистическое явление не приемлет редукционизма, и то же относится к процессам «смерти и возрождения» и влюбленности, которые бессознательно следуют модели посвящения.

Самый спорный текст на тему любви, несомненно, написан Денисом де Ружмонтом⁴ (D. de Rougemont. *Love and the Western World*. New York: Pantheon Books, 1956.). Он считает, что любовь, существующая в нашей культуре в виде «страстной любви», является культурной особенностью Запада, продуктом эволюции христианства, особенно ереси катаров. Многие критиковали этот тезис, как недостаточно документально подтвержденный, другие считали, что автор зашел слишком далеко в своих выводах. В любом случае, пока Будда и Конфуций вдохновляли человека на спокойное и безмятежное отстранение, Христос связал любовь с темой (которую мы уже обсуждали) обновления через процесс «смерти и возрождения» и с темой жертвоприношения. В отличие от основателей азиатских религий Христос предлагает полное погружение в любовь и страсть. Любовь стала в нашей культуре болезненным необратимым опытом трансформации, что подтверждается постоянным приравниванием любви и смерти, как, например, в легенде о Тристане и Изольде. В любви можно увидеть типично Западный феномен — возвращение вытесненного, ответ со стороны бессознательного на наш вездесущий рационализм и позитивизм (влюбленность исходит не от эго, а в действительности противостоит эго). Нет ничего принципиально нового в том, что здесь обсуждается. Подобные выводы уже делались в отношении других иррациональных явлений, таких как влечение к смерти или негативный героизм. Страстная любовь является следствием христианской идеи (страдания) и узурпированных христианством явлений, относящихся к примитивному или языческому миру (а именно, посвящения).

Часто говорят, что когда кто-то вещает о любви, он на самом деле ссылается на что-то неопределенное. Продолжая наши поиски, мы окажемся в любопытном положении, потому что нам придется обратиться к категориям, которые используют не ученые, а поэты. Рильке в трактате о любви Марии Магдалены к Иисусу⁵(R-M. Rilke. Die Lieber der Magdalena, in Die drei Liebenden, Frankfurt: Insel, 1979.) говорит, что ее утрата, как и утрата любого объекта любви вообще, является обязательным условием для полной реализации духовного и страстного опыта любви между двумя индивидуумами. Такая линия рассуждений напоминает нам о связи между любовью и смертью, которая также является специфической формой утраты. Рильке полагает, что конечная цель — не соединение с объектом любви, поскольку утрата предопределена, а любовь играет роль архетипического нуминозного инструмента для достижения нового состояния, наделенного новым смыслом. Любовь связана с жертвоприношением и посвящением. Состояние влюбленности не столько приносит единение с любимым человеком, сколько ощущение обновления у того, кто любит. В различных лирических стихах герой, влюбившись, видит весь мир новыми глазами, чувствует себя снова ребенком, или наоборот, впервые по-настоящему взрослым. Его самосознание меняется и пробуждается. Таким образом, влюбленность является попыткой возрождения. Она порождает новые образы, символические переживания и ощущение обновления, которое Данте описал в своем произведении «Новая жизнь» (Vita Nuova). Но есть и другие менее существенные детали, которые, все же, не стоит игнорировать. Влюбленность часто сопровождается симптомами одержимости, полусознательным обязательным повторением определенных действий или мыслей, в которых можно видеть и патологический элемент и глубокую фрустрированную потребность в ритуалах. Влюбленность — состояние не только творческое, но и тревожно-обсессивное, и за этой одержимостью кроется «религиозная» потребность в правилах, в безопасности, в защите от слишком ненадежного содержания института любви. Например, влюбленный страдает от навязчивого желания постоянно оживлять определенные воспоминания или искать следы любимого человека на улице, где они однажды гуляли. Одна фраза или имя может крутиться в его уме как припев. Любовь — это что-то такое большое и величественное, что бесконечно рвется наружу. Она всегда ищет чего-то, что сможет сдержать или вместить ее, но никогда не находит.

Без сомнения, любовь так заряжена энергией, что может уравновесить односторонность нашей культуры. Она могла бы помочь удовлетворить потребность в посвящении, или, в более широком смысле, потребность в иррациональном, волшебном и эмоциональном. Но для этого она недостаточно институционализирована в культурные формы.

Влюбленность, как искусство и любой творческий акт, является бессознательным феноменом. Но как и в искусстве здесь требуется сила воли и сила эго, чтобы трансформировать фантазии в реальные события, несущие обновления.

Влюбленность, таким образом, становится необратимой (вспомним категории, которые мы использовали, говоря об обновлении при посвящении), а объект любви становится по-настоящему священным и незаменимым. Как и искусство, любовь вынуждена быть творческой и оригинальной, потому что в рациональном обществе, окружающим нас, нет языка, готового и способного выразить ее.

В сущности, у любого человека есть творческие фантазии, но лишь немногие могут из этих фантазий создать художественные произведения. И подобным же образом влюбляется каждый, но далеко не все достигают той стадии любви, когда фантазии об обновлении сталкиваются с реальностью и сопротивляются ей, несмотря на отсутствие заранее установленных правил. Влюбленный вынужден постепенно прекратить пребывать в состоянии, когда он захвачен чем-то, находящимся за пределами его эго, или трансцендентной бессознательной силой. Любовь должна быть инкорпорирована в эго. Но обычно человек пассивно переживает состояния вдохновения и остывания, пока, наконец, любовь не проходит, подобно наркоману, пережившему новый экстатический опыт и затем ожидающему, когда эффект препарата закончится. По этой причине с незапамятных времен влюбленность сравнивают с действием ядов или волшебных чар. Опынение и влюбленность имеют общую архетипическую матрицу, потенциально они оба связаны с посвящением.

Индивидуальное чувство ритуала

Радикальное возрождение и улучшение качества жизни все еще возможны сегодня, как были возможны в прошлом. Однако, кажется, что сегодня они во многом более постепенны и менее официальные. Наше общество не состоит из каст или недоступных гильдий, и брак больше не является пожизненным связывающим обязательством. Человек не занимается всю жизнь одной профессией, не поселяется в определенном месте и не принимает специфическую социальную роль безвозвратно. Он просто делает выбор, который, по меньшей мере, теоретически можно бесконечно изменять. Но такой секулярный режим жизни может уничтожить инициатические возможности, скрытые в различных «переходах» из состояния в состояние. Древняя потребность в посвящении не прекращает искать подходящие формы для ее выражения, но все, что находится среди современных демократических правил и категорий, оказывается лишь пародией на ритуалы — обеессивным повторением.

Рассмотрим процесс взросления. В примитивных племенах молодого человека рано или поздно готовят к торжественному обряду перехода, который посвящает его во взрослого. Его знакомят с отличительными чертами его нового положения.

Следовательно, он принимает все эти знания и правила, которые действительно имеют значение. С того дня, права и обязанности этого человека больше не те, что были раньше. И хотя участие воли и эго минимальны, действуют (на уровне «мистического соучастия» Леви-Брюля) бессознательные элементы его психики — его вера (или доверчивость), его чувство судьбы, его визионерский талант.

Обратимся теперь к более близкой нам ситуации, возникшей в конце Средневековья. Молодой Марко Поло, благодаря культурной и экономической ситуации, в которой он родился, получил хорошее образование, но его взросление связано с фантастической поездкой. Внезапно Поло обнаруживает себя в новом, другом, огромном мире. Этот прыжок во взрослость и неизвестность стимулировал воображение людей многие века и служил образцом для тех, кто хотел трансцендировать свою старую жизненную ситуацию и принять вызов, начать новую жизнь.

Сегодня больше нет новых земель, которые нужно открывать. Человек развивается больше за счет учебы, чем за счет странствий. В восемнадцать лет закон объявляет

нас взрослыми, но новоявленный взрослый не чувствует решительных изменений в своей жизни. Он знает, что еще пять-десять или более лет он будет экономически зависимым от родителей, либо потому что не сможет обеспечивать себя сам, либо потому что нужно завершить образование. Возможно, он умеет пользоваться компьютером, ведь он вырос с ним, но он знает, что даже если учеба растянется до тридцати или сорока лет, он не научится всему, что необходимо во взрослом мире. Тотальные знания больше недоступны. Он мог бы приблизиться к чему-то подобному, углубляясь в отдельную специализированную область, но даже это впечатление, как мираж под солнцем, едва появившись, исчезнет. Эмоции и знание вторичны по отношению к торжественным ритуалам перехода.

которые необходимы, чтобы индивидуум почувствовал себя возрожденным и перешедшим на новую ступень жизни.

Но не будем впадать в наивную сентиментальность или пессимизм. Те времена, когда совершались внезапные мгновенные изменения, а также действовали торжественные внешние ритуалы перехода, давно в прошлом. Но это не означает, что переходов больше нет. Глупо полагать, что нет взрослых людей, чувствующих себя по-настоящему взрослыми, что нет пожилых людей, ощущающих, что их личность отличается от той, что была в молодости. В современной повседневной жизни есть много повторений, которые устраняют чувство ответственности. Они определено не способствуют развитию того, что называется мудростью возраста. Отношения с объектами в нашем современном обществе массового потребления характеризуются пассивностью и отсутствием креативности. Все, что мы хотим (а наши желания бесконечны), мы можем получить подобно младенцу у материнской груди. Ощущение перехода от среднего возраста к старости, когда человек обращается в своих воспоминаниях к тому, что он получил от жизни, постепенно стирается.

И тем не менее, структура и возможность «перехода» все еще существуют, как существует и возможность для ритуалов. Ни один ритуал не является таким тотальным, как обсессивный. Для обсессивного человека вся жизнь состоит из ритуалов — это единственное, чему он посвящает все свои силы. И все же, его жизнь бесплодна, это самый мертвый из всех возможных типов существования. Согласно мифу, Сизиф попытался победить смерть, и его наказанием стало бесконечно катить камень по одной и той же дороге. Это наказание символично, оно делает Сизифа покровителем всех одержимых (обсессивных).

Сегодня нет ничего более потенциально ритуального, чем повторяющееся однообразие повседневной жизни или тех действий и мыслей, которые наполняют обычный день и пропитывают каждый его момент. Ритуалы больше не гарантируют чувство священного, поскольку сакральность может быть продуктом только внутреннего процесса, постепенного процесса приобретения жизненного опыта и присвоения его в качестве опыта своего «настоящего я». Наши переживания могут быть бездушными, результатом повторяющегося внушения себе, что мы должны принять, но они могут стать опытом «настоящего я», если не просто проживать их, а активно выбирать, если двигаться по жизни, будучи хозяином собственной жизни. И в любви и в обсессивности (обсессивность присутствует в любви) мы сталкиваемся с необходимостью передачи чего-то, изначально ощущаемого как внешнее, под ответственность эго. Влюбленность, как и обсессивность — это предложение, которое

бессознательное делает это, в первом случае это предложение возрождения, а во втором — предложение порядка. Вполне возможно контролировать импульсивный ритм жизни. Даже будучи пропитанным определенными фиксированными шаблонами и повторяющимися элементами, обычный день городской жизни допускает большую свободу выбора и большую сознательную ответственность, чем день примитивного человека, который хотя и мог гулять, не глядя на светофоры, чувствовал себя во власти магических сил. У нас есть свобода, но, к сожалению, мы не научены ее пользоваться. По большей части неумение пользоваться преимуществами этой свободы происходит из-за того, что мы не видим в своей жизни сакрального или даже просто чего-то значимого. Нас так часто призывают делать выбор, что в своих выборах мы непоследовательны, и они не воспринимаются, как нечто жизненно важное, и не трансформируют личность. В повторяющемся однообразии жизни почти все возложено на внешние факторы и институты, способные пробудить наше вдохновение лишь на короткое время, прежде чем оно погаснет. Сегодня остается очень слабая возможность найти реальные коллективные институты, которые могут курировать прохождение посвящения. Но ритуалы перехода все еще существуют, они возникают на протяжении всей жизни. Наши институты не признают их и не придают им значения. Их нельзя обнаружить в чем-то внешнем, и для них нет заготовок. Они складываются из правил, которые мы устанавливаем для себя за некоторый период времени в качестве самодисциплины. Предлагаемый современностью шаблон жизни бездушен, и наша задача — внести духовность в свою жизнь.

Путь к цели пролегает через культивирование самодисциплины (это не означает следовать жестко установленному перечню фиксированных правил), необходимой для постепенного перехода от обучения к знаниям, от влюбленности к любви, от идеологического промывания мозгов к реальной социально-политической позиции и т.д. Если мы будем развивать в себе эту дисциплину, то наш «переход» уже освящен. Конечно, всегда существует спонтанное стремление поделиться этим сакральным моментом с другими. Но в нашем секулярном плюралистическом обществе ценой такого опыта будет одиночество. В большинстве случаев, такими переживаниями можно поделаться с любимыми людьми, с приятелями и с теми, кто придерживается подобных идеологических взглядов.

Нет ничего нового в идее, что глубокие близкие отношения, проверенные временем, в которых стороны придерживаются взятых обязательств, имеют элемент сакрального. Но можно предположить, что этот процесс равнозначен современному прохождению посвящения. И это не просто теоретическая гипотеза, а вывод, к которому я пришел на основе своей аналитической практики.

Работа анализа — это одновременно аффективный процесс и процесс прояснения и обогащения сознания. Он протекает в довольно жестком ритуализированном сеттинге. Требуется самодисциплина, чтобы в результате этого долгого, постепенного и сложного процесса освоить то, что выявил анализ, и не только на рациональном уровне. Такая же самодисциплина необходима, чтобы аффективный опыт трансформировался из формы проецирования в подлинную «любовь к себе». Если процесс работает, как надо, он может стать опытом возрождения. Это возрождение будет медленным, трудным, дорогим и неполным, но все же

психоанализ является одним из немногочисленных опытов возрождения, объективно доступных в нашей современной урбанистической культуре.

Анализ и его сеттинг (правила) не являются заранее установленными сакральными институтами, жестко заданными с самого начала. Именно потребность в возрождении несет потенциал сакрального и заставляет индивидуума проходить психоанализ и обсессивно следовать правилам, необходимым для ритуального оформления его различных фаз. Процесс посвящения может развиваться из этого ядра, а не из стандартных институтов или других внешних навязываемых авторитетами форм.

Зеркало демиурга **(Ю. Власова)**

Выздоровление наркозависимого: сопровождение на пути Индивидуации

Когда практик начинает писать статью, т.е. пробует сделать свой опыт материально овеществленным, он неизменно сталкивается с определенными трудностями, поскольку разговорная речь отличается от письменной, и рассказать о своей работе несоизмеримо легче, чем написать о ней. И я в данной работе не избежала подобных сложностей. Как передать энергию, азарт, боль, тревогу, агрессию словами? Ведь я собираюсь повествовать о глубинной терапевтической работе с наркозависимыми, контингентом, однозначно признанным целой плеядой специалистов весьма сложным для длительной терапии. Четырнадцать лет практики позволяют мне делать какие-либо выводы, предлагать различные идеи, оспаривать некоторые точки зрения. Но мне хочется передать еще и чувства, а не только размышления. Демиург в переводе с греческого означает народный труженик. Более точно мою профессию не назовешь. Я занимаюсь психотерапией с наркоманами в государственном учреждении, в обычном наркологическом стационаре г. Рязани, последние семь лет в должности психолога-методиста, а значит, воспитателя, бессменного супервизора и поддерживающей фигуры для молодых и дерзких специалистов. А главное, в моей профессии существует Клиент — современный российский наркоман с низкой мотивацией к излечению, агрессивный, растерянный, отчужденный...

Большинство из них приходят, чтобы снять абстиненцию и продолжить употребление наркотиков после недолгого перерыва. Но есть немногие, которые остаются в психотерапии, о них и пишу. О них, о терапевтах, о процессе, об особенностях трансформации — индивидуации на том отрезке пути, который приходится пройти вдвоем. А также о том, с чем и с кем придется столкнуться на этой дороге.

Мне сразу придется принести предполагаемому читателю извинения за порой резкий тон, неизящные выражения, безапелляционные суждения. Так получается помимо сознания — когда описываешь непосредственно содержание работы, чувствуешь себя ветераном войны, создающем мемуары в назидание молодым.

Перефразируя популярную поговорку, скажу: есть три вещи, в которых разбирается каждый: как воспитывать детей, как лечить простуду и третья, чуть менее популярная, — как лечить наркоманов. И вдруг мне предложили поделиться своим опытом по поводу последнего. Конечно, я бы предпочла рассказать, как лечить простуду. Все, о чем я буду говорить ниже — это лишь практический опыт и рассуждения о нем. Я допускаю, что существует множество взглядов на эту проблему, многие практики достигают успеха, основываясь на совершенно иных концепциях, используя другие практические действия. Полагаю, что это зависит от личности терапевта. Не секрет, что методы, успешно зарекомендовавшие себя как блестящие, порой сияют только в руках автора. Но вопрос влияния личности терапевта на успех

терапии здесь обсуждаться не будет. Я расскажу об опыте своего учителя, опыте коллег, своем опыте, и при этом постараюсь быть предельно честной и откровенной.

Отражение Силуэта

Приняв решение написать что-либо, неизбежно думаешь о читателе, невольно приспособляясь к его нуждам. Конечно, был сильный соблазн написать серьезную статью, схожую с авторефератом диссертации. Так писать привычнее и безопаснее: «по мнению N...», «X знает, кто полагает, что...», наконец, «исходя из вышеизложенного...» А в середине — все по пунктикам, по структуре. К такой статье придраться сложно, видно, что писал серьезный человек. Главное, чтобы всем понравилось, верно? Но не хотелось правильного, хотелось живого и реального. В размышлениях о жанре и модели предполагаемой статьи, я проходила мимо аптеки, где в огромном количестве валялись упаковки от легального препарата, из которого юные кустари-алхимики готовят отнюдь нелегкий наркотик из группы опиатов, по мощности наркотического действия приравненный к героину. Реальность. ...Вот она! Современный наркоман, в большинстве своем, не покупает наркотик, он его добывает, изготавливает. В структуру личностных изменений, характерных для зависимостей, включен значимый элемент, звено в цепи наркотического поведения — активация бессознательных структур, направленных на извлечение запрещенного зелья из доступной материи. Современная алхимия. Явление, практически незнакомое большинству зарубежных коллег¹ (Предпочитаю не перечислять страны, где актуально кустарное изготовление наркотиков.), но рядовое в российских условиях.

И мне стало ясно, что в последнюю очередь следует думать о том, чтобы текст понравился. Есть реальность, есть работа, есть опыт, этого достаточно. Люди, которые не работают терапевтически с наркозависимыми, но, конечно, знают, как это делать, в любом случае будут недовольны статьей. В свою очередь, те, кто работает, могут с чем-то не согласиться, но все равно добудут себе что-то полезное из этого текста.

Сразу поясню, что есть истинные наркоманы, т. е. одержимые употреблением, а есть потребители, для которых наркотик выполняет функцию средства, смягчающего тот или иной симптом, например, посттравматический стресс. Для наркологов особой разницы нет, поскольку клинические признаки могут быть схожими, но в глубинной психотерапии разница принципиальна. Мы работаем с основой, первопричиной, а не последствиями, если наркотизация есть только способ защиты либо совладения с невыносимыми переживаниями, пришедшими извне, она лишена той энергетической насыщенности и нуминозности, характерных для истинных наркоманов. Очень быстро в терапевтическом процессе на первый план выходят травматические переживания, а «наркотические» становятся тусклыми, и постепенно исчезают. И здесь я собираюсь говорить про настоящих наркоманов, тех, кто ищет, готовит, употребляет и именно это — платформа их личностной организации на настоящий момент. На самом деле те, кто работает с настоящими наркоманами, с трудом внятно говорят правду, потому что нет слов, максимально полно описывающих то, что происходит в терапии, до и после нее, но зато постоянно присутствует некое чувство

неправды, если можно так сказать. Описание подобного практического опыта трудная методологическая задача. Мы можем познать происходящее только посредством отражения в своей душе, а знания необходимы лишь для того, чтобы распознать, что же именно отражает внутреннее зеркало терапевта. Отражениям посвящена эта небольшая работа.

Существует огромное количество подходов к реконструкции личности, искаженной вследствие нахождения в наркотическом мире. Все известные мне способы делают акцент почему-то на одном — двух факторах искажений, они становятся мишенями психотерапии (термин не мой). У меня вообще вызывает сомнение термин «мишень» в контексте терапии. Насколько подсказывает жизненный опыт и здравый смысл, наличие мишени у одного человека, предполагает наличие оружия у другого. При чем тут терапия? Это, в лучшем случае охота, в худшем — пальба по мирному населению во славу социально одобряемого поведения. Например, берется за основу идея, что у наркоманов нарушена способность заботы о себе. Все терапевтические силы брошены на обучение способам адекватной заботы о себе. Предполагается, что коррекция этой структуры автоматически приведет к выздоровлению. Или, например, у наркозависимых сверхжесткое Супер-Эго. Размягчают. Какие-то однобокие подходы. Я в них не вижу самой личности, человека, только отдельные фрагменты.

Крайне редко, в основном, не в академических научных работах, а в свободных размышлениях коллег встречаются подходы, предполагающие исследование в терапевтическом процессе самого главного, того, что и делает наркомана наркоманом — зелья, его действия и всей атрибутики наркокультуры. Я рассуждаю о том, что наркотик, как нечто важное, сакральное, будет то и дело проявлять себя в образах, символах, переживаниях, порожденных клиентом. Несомненно, это инициирует соответствующий архетипический материал и у терапевта. Особенно ярко и выпукло такое явление заметно в ситуации психотерапии кустарей-алхимиков, т. е. тех, кто готовит наркотик самостоятельно, или систематически прибегает к помощи других алхимиков. То есть, к подавляющему большинству современных российских наркоманов, моих повседневных клиентов.

Я признательна Луиджи Зойя за то, что он — первый, кто внятно указал на нуминозность наркотических переживаний и бытия в наркотическом мире. За эти годы я познакомилась с огромным количеством литературы, научной, документальной, художественной, посвященной наркотикам и их потребителям. Каждый из нас рано или поздно, вырабатывает свою концепцию, пусть даже весьма неоформленную, существующую скорей в эмоциональном поле, нежели в виде ментальных конструкторов. У меня была возможность сверять полученную извне информацию с памятью о собственных переживаниях, приобретенных в течение трех лет собственного опыта тесного взаимодействия с наркотиками.

Было время, когда для меня было очень важно познакомиться с опытом других людей, помогающих наркозависимому стать здоровым. Я была настолько наивна, что верила в такую категорию — быть здоровым, как альтернативную «быть зависимым». Сейчас очевидно, что это далеко от истины — прекратить употреблять наркотики и сфабриковать приемлемое социальное лицо вовсе не означает здоровья и развития. Чаше даже напротив — ремиссия, без возможности развития, вызывает подавление креативности, постоянное ощущение недовольства, физические

проблемы, и дает один приз — одобрение общества: «ты все сделал, как нам надо». В эту статью я там и тут поместила кусочки из раннего произведения Стругацких «Малыш». История, придуманная известными российскими фантастами-бунтарями, — на мой взгляд, самая лучшая метафора наркоманского бытия. Человеческий детеныш, брошен на дно коллективного бессознательного — грозного, не поддающегося ничьей рационализации и рефлексии. Малыш не знает о том, что находится в руках неких всемогущих сил, сделавших его таким, какой он есть. Он отвергает людей, полагая, что это его личное желание, но на самом деле это отвержение внедрено в бессознательное ребенка аутизированными силами планеты. В свою очередь люди, желая вернуть дитя в лоно человечества, подходят к нему с общепринятыми стандартами, что приносит Малышу сильный дискомфорт. История не имеет ни счастливого, ни трагического конца. Терапия с наркозависимым тоже не будет иметь хэппи-энда с пожиманием руки аналитика и благодарственными письмами к Рождеству. Человек просто пойдет своим путем, и пусть он не оглядывается. Конечно, если будет настоящая, подлинная терапия, а не подстройка Персоны под стандарты коллективного сознания.

Отражение Теней

Уже упоминалось, что самые разные психотерапевтические школы, не говоря уже об ортодоксальных психиатрических направлениях, имеют свои, достаточно противоречивые взгляды на то, что происходит во внутреннем мире наркомана. Вслед за Зойе я хотела бы отделить подходы к терапии алкоголиков от подходов к терапии наркоманов. Несмотря на схожесть клинических проявлений, влечения, толерантности, дегенеративных органических изменений мозга, основное существенное различие состоит в том, что наркотики — запрещенное, т.е. оттесненное в Тень зелье. Алкоголь интегрирован коллективным сознанием. По поводу пьянства на Руси существует предостаточно и трикстерного фольклора, и политической патетики, и академических рассуждений самых разных отраслей наук. Наркотик же продолжает быть «вещью в себе», частично доступной познанию обывателя посредством эпатирующих опусов («исповедь наркомана»), соответствующих устрашающих рекламных роликах. Так и должно быть — общество защищает само себя от теневых энергий наркотизма, поэтому, несмотря на то, что информация о наркотиках и наркоманах в СМИ часто далека от истины, основную свою задачу она выполняет — показывает, что наркотики это очень плохо. Мы не можем быть свободны от коллективного сознания, и в то же время не можем быть свободны от тех миссионерских обязанностей, которые взяли на себя, когда решили заниматься психотерапией с наркозависимыми. Поэтому ожидаемо, что Клиент придет к нам вместе со своей личной Тенью, с Тенью коллективной, пожмет руку нашей Тени, и будет врать, врать, врать. ...А мы будем слушать, слушать, слушать...

Когда к нам в кабинет приходит человек, зависимый от наркотиков, мы находимся на перекрестке четырех «теней»: наркомания как коллективная Тень, личная Тень потенциального клиента, собственная Тень психотерапевта, наконец, в процессе формирования терапевтического альянса образуется и растет Тень собственно

терапевтического процесса. Нахождение внутри такого энергетического поля может вызвать значительное эмоциональное напряжение, как у терапевта, так и у клиента. Тень, как известно, доступна нам в виде проекций. Огромное количество проекций концентрируется в пространстве между Эго и окружающим миром клиента, между Эго клиента и терапевта. Процесс осознания проекций — всегда значительный душевный труд, порой непереносимый. Поэтому часто контакта не происходит, анализ прерывается, фактически не начавшись. Иными словами, задохнулись в клубах черного дыма. Анализ этого метафорического «дыма» обнаруживает следующее. У терапевта, помимо лояльного социума негативного отношения к наркотику, может быть неосознанное любопытство, даже зависть к клиенту. У клиента в тень оттеснены энергия, желание изменений, потребность в заботе и доверии. Причем отсутствие этих качеств в осознаваемом пространстве детерминирует агрессивно-настороженное, а иногда провокационное поведение обоих участников терапии. Клиент и терапевт заинтересованы друг в друге, но различие бессознательных мотивов создает высочайшую эмоциональную напряженность при внешне спокойном вербальном контакте. В конце сессии оба ощущают неудовлетворенность и усталость. Долго такое выдержать невозможно, хочется прекратить взаимодействие. Есть одно упражнение, применяемое в супервизии: терапевту предлагается подумать и назвать темы, которые никогда не поднимаются на сессиях. Не исключено, что эти темы укажут на составляющие компоненты тени процесса. Так, проработав семь месяцев с молодым человеком и окончательно устав от своей невероятной измотанности (к слову, он также постоянно испытывал напряжение), я задала этот вопрос себе. Ответ пришел странный, неожиданный, — мы никогда не говорили о деторождении, несмотря на то, что клиент имел грудного сынишку, а его семью мы обсуждали неоднократно. Я предположила, что что-то рождалось в тени процесса, но оставалось для нас закрытым. На следующей встрече, я, рискуя вызвать у клиента недоумение, спросила, что он думает о рождении детей. И произошло нечто волшебное — парень как будто выломал одним ударом скрытую дверь внутри себя. Он начал горячо рассказывать о собственном трудном рождении, о том, что маму после родов положили в больницу, а его отдали бабушке, вплоть до признания со слезами в том, что он опасается, что я тоже из-за него заболею и уйду. Его привязанность, потребность в терапевте уже родилась, но факт рождения остался невидим. Правда, такие меткие попадания, скорее, редкость, но время от времени изучать тень процесса необходимо, эта игра стоит свеч.

Отражение Персоны

Первые годы работы в наркологии я обучалась терапии зависимостей у американских коллег. Мне не очень импонировало их стремление к упрощению и строгой систематизации. Для них основной прием в терапии зависимости — это проработка патологических защитных механизмов. Выглядит это следующим образом. Механизмы тщательно проклассифицированы, каждый специалист снабжен табличкой с названием соответствующей патологической защиты, сведениями о формах ее проявления и способах вербальной проработки. Остается только выполнить действия сообразно инструкции. Для этого они (специалисты) активно

используют конфронтацию, а возникающее при подобных интервенциях возмущение клиента интерпретируют как сопротивление лечению. И вторично подвергают зависимого конфронтации. А ведь клиенту в этот момент очень больно. И не всегда удастся убедить, что эта боль обусловлена реакцией болезни на терапевтическое вмешательство. Болит душа, мучительным переживаниям подвергается человек, а не абстрактная «зависимость». Поддержка и контейнирование не предусмотрены — за этими вещами клиент направляется в группу самоподдержки. У них ведь наркозависимый никуда не уйдет, он связан страховкой, т.е. финансовыми обязательствами, с одной стороны, и обязательным, юридически контролируемым посещением группы самоподдержки — с другой стороны.

Вмешательство происходит по следующей схеме: доктор — терапевт очистит от защитных механизмов (без анестезии), заплаканный клиент стремительно побежит в группу «Анонимные Наркоманы», а там его и поцелуют, и на ранку подуют, и пожалеют, а главное — скажут, что «у нас тоже так было». После такого теплого приема клиент остается в группе. Известно, что программа «Двенадцать Шагов» изначально была духовно ориентированной. Ее высоко оценил К. Г. Юнг в письме к основателю программы Биллу Вильсону. Юнг подчеркивал значение обращения к духовному в психике в процессе исцеления от химической зависимости. Но когда принципы «Двенадцати Шагов» инсталлировались в медицинские и реабилитационные учреждения для наркоманов, они утратили самую главную сущность — духовную основу. Появились профессиональные выздоравливающие — консультанты по химической зависимости, множество предписаний и регламентов о том, как проводить группы, штампованных структурированных заданий для наркоманов. Отмечу, что процесс стандартизации программы «Двенадцати Шагов» начался в США, в Россию этот метод пришел уже в достаточно рафинированном виде. Задания состоят из шаблонных вопросов, порой бессодержательных, на которые необходимо ответить, затем доложить на групповой встрече, где проводится обсуждение ответов. Отказ отвечать расценивается как сопротивление лечению. Но я, например, не смогла бы ответить, на такой вопрос: «Назови три дела, которые ты сегодня сделал для усиления своей зависимости?». Наверное, сопротивляюсь... Группы и индивидуальное консультирование проводят люди с поверхностными знаниями, т. е. со средним образованием по специальности «социальный работник в области наркологии». Каким разрушительным образом это влияет на их профессиональную самоидентичность, вопрос, остающийся пока без ответа.. Могу сказать только, что статус профессионального больного представляется чем-то противоестественным. Наркозависимый получает деньги за воздержание и постоянную апелляцию к прошлому опыту, где тут развитие и созревание личности? Опираясь на личный опыт общения с консультантами по химической зависимости, могу сказать, что нередко эти люди имели непомерно раздутую персону, в работе не брезговали избыточной авторитарностью, скрывая недостаток знаний за вычурным сленгом. Впрочем, не сомневаюсь, есть и другие, позитивные, примеры. Мое мнение, что основное «слабое звено» подхода, ориентированного на группы самоподдержки в том, что за борт из содержания терапии выброшены взаимоотношения наркотика и личности, конкретного человека, конкретные тесные

личные отношения с наркотиком. Своим взглядом на сущность этих взаимоотношений я поделюсь ниже.

Уникальность личности потерялась, места для духа не осталось. Полагаю, что то, что было предназначено как некие вехи для объективной трансформации — Индивидуации, превратилось в свод упражнений для конструирования и тренировки социально приемлемой персоны. Этому же способствуют и официальные критерии, используемые в России, для оценки качества ремиссии наркоманов: внешний вид, наличие адекватной работы/учебы, отсутствие правонарушений и симпатии к криминальной культуре. Нет вопросов, обращенных к духовному и душевному благополучию личности. В результате нередко встречаешь клиентов, находящихся на стадии тяжелого душевного кризиса, на грани разрушения, но внешние критерии остаются вполне удовлетворительными.

То есть в медицинской отчетности современной наркологии критериями выздоровления считаются лишь относительная социальная адаптация и отсутствие рецидивов. Самореализация и личностное развитие категориально не рассматриваются. Поэтому выздоравливающий вынужден самостоятельно искать пути к внутренней свободе, этого требует Самость. Иногда выбираются тупиковые пути. Так, зависимость от наркотиков сменяется игроманией, занятиями бодибилдингом, которые часто носят навязчивый характер, становятся самоцелью. Известно, что определенная часть выздоравливающих начинает заниматься различными духовными практиками, порой небезопасными для психического и физического здоровья. Львиная доля этой «определенной части» просто находит для себя способ еще большего регресса. Тоталитарные секты считают наркозависимых удобным контингентом для вербовки, их одержимость — плодотворная почва для прививки преданности гуру и членам секты, а слабая связь с реальностью — прекрасное условие для любых внушений. Незаметно для себя, порой при одобрении родных, наркоман, оставив наркотик, попадает в более тяжелую зависимость, предметно направленную на разрушение и без того непрочного Эго. Даже привязанность к Двенадцати-шаговым группам, заикленность на них мало напоминает настоящую личную свободу.

«У меня вчера был эмоциональный срыв. Я проявил агрессию на бабушку. Позже я проработал эту тему со своим спонсором и осознал, что это была скрытая тяга к наркотику», — монолог на группе самоподдержки русскоязычного молодого человека. Кстати, понятие «эмоциональная трезвость», как необходимое условие поддержания ремиссии, присутствует в концепции, принятой в группах самоподдержки. Это вовсе не означает ясность сознания и спокойствие духа, увы, это означает умышленное избегание любых сильных эмоций. Где тут плацдарм для личностного роста — не понимаю. Как известно, личность развивается, испытывая кризисы, переживая противоречия. Соответственно, такие процессы немыслимы без сильных чувств. А тут они под запретом? Впрочем, любое доброе дело психологической ориентации легко превратить в нечто выхолощенное, бесцельное и бесполезное. Достаточно формализовать процесс.

Но и в глубинной (включая аналитическую) психотерапевтической работе можно — незаметно так — выскользнуть на поверхностный уровень. Полагаю, что происходит это от бессилия терапевта в попытке ускорить процессы изменения и в жажде

увидеть позитивные сдвиги, хоть чуть-чуть. Ситуация развивается следующим образом: работаешь-работаешь, клиент расцветает, он порозовел, приходит в чистой рубашке, улыбается иногда. Душа терапевта под воздействием этих видимых факторов наполняется здоровым профессиональным нарциссизмом. Супервизоры хвалят, коллеги восхищаются, появляется репутация Специалиста. Вдруг клиенты начинают наркотизироваться один за другим. В чем дело? В Персоне, способной легко меняться и раздуваться. Персона наркомана очень пластична, возможно, это единственная доступная ипостась психики, которая остается не ригидной. В период активного изготовления-употребления она постоянно находилась в действии, обеспечивая процесс. Чтобы добыть первичную материю и остальные материалы, или ресурсы для добычи наркотика, надо быть актером, способным за короткий срок исполнить несколько ролей. Вот обычная практика наркоманов по добыче ресурсов, предлагаю попробовать: без тренировки и репетиции обойдите соседей в своем подъезде и у каждого попросите по 500 рублей. И завтра повторите процедуру. И послезавтра. И каждому соседу, не важно, знакомому или нет, вы должны будете рассказать такую историю, чтобы отказать не посмели. Задача сложная, но, ведомые своей одержимостью наркоманы решают ее легко. А тут всего двух человек обмануть — себя и терапевта, разве трудное дело? Персоне даже напрягаться не надо. Воспоминания клиентки: «Я без наркоты уже давно, у меня в руках красный диплом психолога. У моего психотерапевта наворачиваются слезы на глаза. Это очень трогательно. Он столько со мной возился, я счастлива, что могу его порадовать наконец-то. Ночью мне снится сон, что я маленькая, вхожу в комнату, на полу лежит мама, ей отрезали голову. Я пытаюсь приклеить голову назад. Я просыпаюсь в ужасе, иду курить и трижды гашу сигарету о коленку. Так мне меньше страшно. Никому не расскажу». А какая у нее была Персона, у этой девушки, ремиссия которой насчитывала на момент описываемых событий уже пять лет... Чем сильнее укрепляется и растет Персона, чем большее количество энергии инвестируется во внешние атрибуты личности, тем гуще становится Тень, насыщеннее и опаснее. И она все труднее для осознания! Рано или поздно концентрация теневых энергий достигнет критических показателей, наступит зловещая развязка, вплоть до психотического от-реагирования.

Отражение Родителей

Еще на стадии сбора информации о раннем развитии клиента терапевт не раз ужаснется — настолько искажены ранние объектные отношения. К тому же обнаруживается, клиент уже проглотил, отложил где-то внутри значительное количество деструктивных посылов, индуцируемых родителями. То есть отрастил злобных интроектов. Давно, много лет назад. ...Пока наркотизировался, интроекты «спали», а с прекращением употребления проснулись и развили активную деятельность. Частенько именно под их давлением он и приходит в терапию, это их позитивный вклад в дело сохранения жизни, его нельзя игнорировать. Естественно, клиент ожидает, что терапевт присоединится к ним и поможет догрызть окончательно. Бесспорно, у нашего клиента, как и у любого человека, есть и Эго и Самость, и Ребенок, потенциально готовый к развитию, но на начальных этапах

терапевтических встреч в их наличие остается только верить. Контакт доступен только интра-родители, напоминающие жестоких и кровожадных богов примитивных племен. С ними терапевт общается, порой довольно долго. Ригидные самобичующие высказывания, склонность к обесцениванию, глобальным обобщениям, устойчивая тенденция попадать в «повреждающие» ситуации, т. е. организовывать и воплощать карательные операции в отношении самого себя. У терапевта в голове карусель от бесконечных «я негодайка», «наркотики — гадость», «я причинил много горя близким» и так далее. Удивительно, но часто специалисты расценивают оглашение деклараций подобного рода как позитивный фактор, расценивая это как появление критичности. Но отличить позиционирование родительских интроектов от подлинной критичности легко по контрпереносным переживаниям — хочется кричать: «Не верю!» — настолько сильно ощущение фальши.

Опрокидывая все известные мне методологические критерии, принятые в психотерапии, я до поры до времени встаю на сторону агрессивных внутренних интроектов против маленького и беспомощного внутреннего Дитя наркомана, поддакивая на каждый выпад против себя и жизни в целом... Как это ужасно ни звучит, я отдаю себе отчет в том, что именно я делаю. Попробую объяснить. Внутренние агрессоры, обычно представленные теневыми родительскими архетипами или архетипической демонической защитой, которую прекрасно описал Д. Калшед² (С м. Д. Калшед. Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа. — М., 2001.), терзают не только внутреннее Дитя, но и огрызаются на весь внешний мир. Получив себе союзника в виде психотерапевта, они ослабляют железную хватку, делегируя ему значительную долю агрессии. Очевидно, что, получив союзников, бойцы расслабляются. Тут-то и наступает пора их нагло предать и начинать работу по отделению настоящего человека от различных пиявок, вампиров и прочей нечисти. При этом мое собственное внутреннее Дитя продолжает оставаться в контакте с Дитем пациента, регрессивной и замученной частью. Достигается такая позиция жестким трюком. Я вызываю в себе конфликт, схожий с внутренним конфликтом клиента, его конфликтом с внешним миром, и его конфликтом с телом, и его конфликтом с другими. До той поры, пока не появится ощущение, что тебя подвесили в пустоте и разрывают на части. Из этой позиции легко контактировать и с внутренним мучителем клиента, и с терзаемой частью. Энергетически такие фокусы страшно выматывают, хорошо, что такого рода приемы занимают достаточно короткий промежуток времени, больше 10 минут выдержать невозможно, да и не требуется. Технически исполнение трюка не вызовет сложностей при условии хорошего осознания и чувствования собственного внутреннего антагонизма между родительскими интроектами и детской ипостасью души. Вот почему я не считаю, что каждый может заниматься глубинной терапией наркозависимых. Дело не в способностях или специальных дарованиях, дело в свободном выборе отдать свою душу на растерзание, на периодическое воспроизведение внутреннего Армагеддона и платить за это соответствующим образом. Наивно считать, что возможно по-настоящему работать с наркоманом и при этом остаться неповрежденным. У нас тут лаборатория повышенной вредности. Необходимо периодически заботиться о восстановлении, кто как считает нужным.

Отражение Призраков

Все было бы слишком просто, если бы клиентом на нас навешивались только проекции агрессивных интроектов. Как было бы славно, если бы оказались правдой концепции многих уважаемых психоаналитиков о том, что наркотик есть замещающий объект — кормящий, ласкающий, дарующий самооценку. Наркотик — химическое, чуждое естественной человеческой природе вещество, сакральное зелье, вводящее, а порой и втаскивающее в мир коллективного бессознательного и принуждающее рано или поздно подчиняться законам, настолько противоречащим человеческой природе, насколько и представить себе нельзя. А что же Эго? А Эго растерянно, Эго подчиняется, пытается хоть как-то объяснить то, что объяснить нельзя. Эго беспомощно заблокировано, рационализация есть его последний аргумент внутреннему и внешнему мирам. А мы — бодрые и разумные, — следуя Миннессотской модели «Двенадцать Шагов», всеми терапевтическими орудиями, имеющимися в наличии, нападаем на рационализацию клиента, срываем с него защиты лихо, как насильник — одежду и чуть позже совершенно искренне удивляемся, что клиент: а) регрессировал, б) возобновил наркотизацию, в) психотически отреагировал, г) сбежал от нас, д) ушел в деструктивную секту. ...Думаю, что практики смогут продолжить этот список.

Мы забываем о том, что нас трое в терапевтическом пространстве, долгое время будет трое: терапевт, клиент и призрак наркотика. При этом клиент постоянно в *congressus subtilis*, по средневековой христианской демонологии в соитии с бестелесным демоном. Конечно, демон-наркотик его насилует, хотя под видом страсти и любви. Преждевременное нападение на защиты только поддержит насильника в овладении. Мы можем стать соучастниками изнасилования.

Мне не хочется об этом говорить, но терапевт также мало защищен от демонического соблазна. Рассказы клиентов о наркотических переживаниях часто бывают так насыщены и вдохновенны, что терапевт принимает безумное решение сам прикоснуться к запретному, т. е. попробовать наркотик. Причем, акт такого рода всегда предваряется хорошей рационализацией на тему «чтобы лучше понимать». Терапевт уходит в наркоманскую Тень и не возвращается. Что тут скажешь?

Безусловно, чтобы вытащить клиента из тьмы надо туда спуститься. Приходится спускаться, но не вступать в запрещенный контакт с демоном, он не намерен отпускать своих жертв и рад каждому новому существу, которого можно поиметь. — Что делать? — спросил Малыш, — Ты придумал?

— Придумал, — ответил Комов. — Ты возьмешь меня к себе. Я посмотрю и сразу многое узнаю. Может быть, даже все... — Об этом я размышлял, — сказал Малыш. — Я знаю, что ты хочешь ко мне. Я тоже хочу, но я не могу. Это вопрос! Когда я хочу, я все могу. Только не про людей. Я не хочу, чтобы они были, а они есть. Я хочу, чтобы ты пришел ко мне, но не могу. Люди — это беда.

А. и Б. Стругацкие, «Малыш».

Я все думаю, почему так мало тепла, эмоциональной окраски в описании клинических случаев зависимых, каковых в последние несколько месяцев пришлось прочесть немало. Все так строго, сухо, будто работал не человек, а робот. Некто планомерно разбирал клиента по деталям, а потом опять собирал. Я тоже этим грешу, как

выяснилось. Чего мы так опасаемся? Неужели признаться в содержании своих контрпереносов? Причем, те, кто работает с «простыми», т.е. с независимыми клиентами, куда менее бесстыдны, смелее признаются в своих чувствах, возникающих в процессе работы. И о ненависти говорят, и о вожделении, и о напряжении. О чем мы не говорим? Может быть, о страхе и стыде?

— А почему тебе было плохо?

— Потому что люди.

— Люди никогда никому не вредят. Люди хотят, чтоб всем вокруг было хорошо.

— Я знаю, — сказал Малыш. — Я ведь уже говорил: люди уйдут, и будет хорошо.

— От каких действий людей тебе плохо?

— От всех. Они есть или они могут прийти — это плохо. Они уйдут навсегда — это хорошо.

А. и Б. Стругацкие, «Малыш».

Отражение Ночи

Неизбежно наступает момент, когда клиент приходит в полную негодность, что характерно для любой терапии. Разница только в степени выраженности. В нашем случае картина может выглядеть достаточно грустно. Клиент истощаем, тяготится контактом, чувствует угрозу, которая скрывается в надвигающейся близости. Все становится скучным, ничего не радует. Да еще ретивый нарколог назначает антидепрессанты, что только растянет тоску во времени. Алхимики говорят — нигредо, наши клиенты называют это пережженной. Это чернота чернот, нигредо нигредо. Я говорю о пролонгировании, затягивании депрессивной стадии терапии. «Черная» фаза обязательна, без нее не будет основы для рождения нового, это необходимо. Но в работе с личностью, пораженной наркотиком, когда наступает момент нигредо, я сразу становлюсь бдительной, как следователь на пенсии. Моя задача — не пропустить момент готовности клиента выходить из черной субстанции, т.е. не «пережечь», «снять с огня», помочь подняться росткам нового в психике. Иначе депрессия приобретает затяжной характер, доходит до уровня клинических форм. Дважды я сталкивалась и с самым страшным разрешением депрессии — самоубийством. Суицид наркомана, активно использующего наркотик, явление, увы, нередкое. Вдвойне больно, когда они уходят на этапе выздоровления. Два креста на моем кладбище, и одна записка с упреками... Коллеги, пережившие подобный опыт, простят это эмоциональное отступление. Я нуждаюсь в том, чтобы подчеркнуть — я помню.

Чаще, конечно, трагедии не происходит — клиент просто опять начинает добывать и употреблять наркотики. А это пока все же драматический жанр.

Итак, клиент «завис» на стадии депрессии. Все, что могло сгореть, сгорело. Кажется, продукт (т.е. контакт) погиб безвозвратно. Все приходится начинать сначала. Однако, повторное прохождение всех стадий терапевтического процесса будет быстрее, и клиент, и терапевт уже имеют опыт, который, как и неудачу, можно и нужно обсуждать. Распознавание надвигающейся «черноты чернот» достаточно простое — по контрпереносам: где-то минут за двадцать до начала встречи появляются сладкие грезы на тему «хоть бы не пришел». Хочу также сказать, что готовность клиента

завершить депрессию покажет себя в появлении энергии, чаще агрессивной. Иногда важным указателем становятся энергетически насыщенные сновидения. Но, как раз процесс выхода из депрессии наркомана имеет мало специфических признаков. Он выходит из депрессии, как все люди, важно не пропустить этот момент!

Депрессивное состояние — это и о сопротивлении. Его надо отличить от действия защит. Защищающийся наркоман активен, может быть агрессивен, стать Трикстером, едко высмеивающем все и вся, т. е. будет действовать. Даже если обороняется молчанием, то молчит очень энергично! Сопротивление же выглядит иначе: клиент тихий такой, бледненький, голос монотонный, иногда сосет палец или спит. Это если вообще изволил явиться. Пропуск сессий с последующим, а не предваряющим звонком — обычное явление. Причины выдвигает разные: «забыл», «не ходил транспорт», «болела голова». Удивительно, что подобным образом выглядит и сопротивление терапевта, палец только реже сосет. Когда клиент в сопротивлении, не имеет смысла угощать его какой-либо аффективно заряженной информацией, а также спешить с интерпретацией. Никто вас не услышит, формально отзовутся и все. В этой точке процесса, который я называю «остывание», надо понимать, что горячий, важный материал готов. О\ рядом, но есть страх обжечься, травмироваться. Если спокойно переждать этап сопротивления, особенно молчание и невнятность, и не позволять себе слишком аффектировать от нетерпения, сопротивление свернется быстрее. Вспомните кухню — сколько раз лопалась посуда, когда мы слишком рьяно пытались остудить что-то горячее. Так и атака на сопротивление легко приведет к потере теменоса. Восстанавливать его потом трудно. Сопротивлению содействует Тень клиента.

Повторю, что в терапевтическом альянсе скопившаяся энергия Тени создает тяжелую атмосферу. Наркоманы часто без предупреждения уходят из психотерапии, возвращаются к употреблению наркотиков. Кажется, что это внезапный и ничем не объяснимый процесс. Однако, терапевт, способный к рефлексии, может заметить скрытые сигналы собственного бессознательного, которые указывают на грядущее неблагополучие или разрыв контакта: ощущение беспомощности, внезапно возникающей злости на клиента, телесную скованность. Нередки долгие тягостные паузы. Даже опытные терапевты, которые умеют спокойно выдерживать пассивность клиента, могут ощущать в этот период дух, присутствие чего-то зловеще-невыносимого. Как затишье перед грозой. Обращение к чувствам клиента в этот момент обычно бесплодно — мы получим холостой, нейтральный ответ: «не знаю», «все в порядке». Имеет смысл сделать смелый шаг и направить свет непосредственно в Тень, т. е. возразить клиенту: «Нет, все не в порядке», или сказать о своих чувствах: «Эта пауза меня тяготит». Так мы призываем клиента бесстрашно исследовать то, что происходит, не оставляем его наедине с Тенью. Да и сами остаемся честными, и, что немаловажно, в контакте с собой.

Описывая подавленность, хочу рассказать о полярном состоянии, знаменующем предпсихотическое состояние — беспричинная веселость, даже эйфория. Клиент оживлен, многословен, смеется. Сначала можно даже обрадоваться, наконец, что-то позитивное. Но чуть позже внимательный взгляд заметит излишнюю суетливость, болезненный блеск глаз, измененный тембр голоса, несвойственные ранее выражения. У терапевта возникает сильное беспокойство, даже страх, желание

покинуть терапевтическое пространство, т. е. убежать. Это уже не затишье перед бурей, а напряжение после услышанного сигнала воздушной тревоги. Такое состояние у клиента находится на пределе компетенции психотерапевта, оно в неизмеримо большей степени обусловлено органическими причинами, нежели психологическими. Тактика однозначная — клиента надо попробовать успокоить (а успокоить смеющегося во много раз труднее, чем плачущего) и мягко, но настойчиво склонить к врачебной помощи. Вообще, всегда хорошо иметь контакт с грамотным психиатром-наркологом. Пугать не хочется, но если наркозависимый клиент не получит в этот момент медикаментозной помощи, он обречен на психотический эпизод, который имеет тенденцию к длительности. К счастью, с такими состояниями имеешь дело редко, они больше свойственны ранним этапам абстиненции, когда еще идей пройти психотерапию у клиента и в проекте не было.

Отражение Отражений

Анализ и интерпретация переноса — самый сложный этап терапии. Экстрим, проход порога. Кто захлебнется: клиент, терапевт или треснет непрочная лодочка терапевтического процесса? Почему? Мы столкнемся со стыдом. Стыд, ведь перенос всегда про любовь, а любовь про чувства, а чувства — стыдно, неловко и страшно. Хотите, чтобы от вас навеки сбежала противная девчонка-наркоманка? Спросите ее: «А ты милочка, не влюбилась ли в меня?». Только вы ее и видели! Кстати, с парнями сей фокус тоже эффективен. Если вы и ваша клиентка женщины, поговорите с ней о привязанности, о восхищении вами, о желании походить на вас. Не просто уйдет, но и вернется к наркотикам. Соответственно, аналогичным образом могут прогнать клиента и мужчины. Несомненно, часто мы бессознательно стремимся избавиться от клиента. Но иногда и вполне сознательно, особенно если собственный стыд продолжает быть труднопереносимым. На нашей практике, изгнание клиентов всегда осуществлялось под самыми благородными предложениями, поскольку по разнообразию рационализация не имеет себе равных. Только очень подробный анализ того или иного случая позволял обнаружить личный стыд терапевта, заставляющий его прекратить терапевтические отношения.

Я вообще игнорирую до поры до времени чувства, адресованные мне, относясь к этому как к явлению природы: есть, заметно, и ладно. Вот если сам клиент что-либо проявит про отношение ко мне, тут уместно и помочь проговорить, учитывая, что актуализируется много стыда, который надо немедленно сбросить в какой-нибудь заранее приготовленный контейнер. Кто именно должен контейнировать — очевидно. Но очень потихонечку: все в порядке вещей.

Куда более бодрая картина в ситуации отреагирования негативных чувств. Тут не просто фасилитация требуется, а катализ кипения, бурления и взрывов. Глаза только покрепче надо зажмуривать, чтоб не повредить. Получите и за маму. И за папу. И за милиционера! Жаль, не могу показать рисунок, как мне выковыривают печень и выдавливают глаза. Впечатляющее зрелище. Скажет или сделает гадость и быстренько поглядит — не развалился ли терапевт на куски? Не наподдаст ли в ответ? Не останется ли спокойным, как танк — самый, кстати, неудачный терапевтический ход. Оставаясь бесстрастными при откровенном нападении, мы

даем понять клиенту, что он ничтожество. Он выводит нас из себя, а мы не реагируем, значит, он ничего не может, значит, его просто нет. Бойкотов в его жизни уже было достаточно — его переживания, поведение грубо игнорировались, либо реакция оказывалась неадекватной. К тому же, ощущение внутренней пустоты впервые 2—4 года воздержания от наркотиков обуславливает беспомощность. Это состояние трудное, хочется каким-то образом почувствовать контакт с миром, возможность на него влиять. И он нападает, кусается, скалит зубы — как можно оставить такие явные призывы без ответа?

Х. Спотниц, баюкатель шизофреников, рекомендует в случае угроз ответить тем же³ (См. Х. Спотниц. Современный анализ шизофренического пациента. — СПб., 2005. С. 259.). С российским наркоманом этот номер не пройдет, поскольку предложение будет принято с азартом. Потасовка начнется, однако. Прецеденты бывали. ...Вполне достаточно сказать, что вам неприятно, обидно или как-то еще. Главное сказать (или рывкнуть) искренне

и напроць в этот момент забыть все классические каноны психотерапии, согласно которым ни в коем случае нельзя содействовать спонтанному регрессу клиента — допускается только искусственно созданный регресс в терапевтическом альянсе. Не соглашусь. Подумаешь, регрессивные части клиента окажутся удовлетворены на какое-то время! Позже можно этот материал проработать. Правда, не очень приятно признавать перед клиентом, что ему удалось тебя достать, но никто приятных ощущений в работе с нашим контингентом и не обещал. Это вам не ставшая доброй традицией истерическая девушка с темой сепарации от мамы и отсутствием «отношений». С нами некто другой и нечто другое.

«...Тебе все время бросается в глаза человеческое. А ты подойди к этому с другой стороны. Не будем говорить про фантомы, про мимирию — что у него вообще наше? В какой-то степени общий облик, пря-мохождение. Ну, голосовые связки... Что еще? ...Оборотень это, если хочешь знать! А не человек. Мастерская подделка».

А. и Б. Стругацкие, «Малыш».

Явление, похожее на перенос, возникает в процессе достаточно быстро, причем расцветает стремительно. И отцветает. И расцветает. И отцветает. То идеализируют, то обесценивают, то не замечают, то во сне видят... От такого мелькания и быстрой смены отношений рябит в глазах. Трудно понять, что происходит и почему. Нет, это не потому что у клиента проективная идентификация и расщепление, грандиозность и обесценивание, интроекция и смещение и прочее. Это приобретенная физиологическая и социальная способность моментально менять эмоциональные состояния. То есть свойство наркоманской личности.

«А ведь это они научили его выбрасывать защитные фантомы, научили мимикрии, — в человеческом организме нет ничего для таких штучек, значит это искусственное приспособление... Постой, а для чего ему мимикрия? От кого это он приучен защищаться? Планета-то ведь пуста! Значит, не пуста».

А. и Б. Стругацкие, «Малыш».

Не только псевдоперенос мерцает, а вся структура, рисунок того, что происходит, способен к мгновенной трансформации, причем, кажется, без причин. Вот наш клиент демонстрирует пограничное поведение. Начинается работа. Но только терапевт выработал необходимый темп, почерк и встал на определенную позицию, как хлоп! —

перед вами обсессивный невротик: умывается по десять раз в день и проверяет газ по сто. Ага, истерик — раздражается инсайтом психотерапевт, ибо, как известно, истерики моделируют любые состояния легко и непринужденно. На следующую сессию к нему приходит «шизофреник», порой даже с бредовыми включениями. Все превращения происходят с человеком под тем же именем и в том же теле. Долго я решала загадку таких перевертышей, решала я, решали мои коллеги. Есть версия, проверенная на практике, вполне может считаться за подтвержденную гипотезу. Наркоман реагирует на наши контрпереносы, Бог знает, каким чутьем угадывая наше настроение и отношение, причем раньше, много раньше, чем мы сами догадаемся. И моментально меняет внутреннюю структуру, делая ее соответствующей неосознаваемому состоянию терапевта. И вторая причина — гиперсенситивная реакция на требования социума. Так навязчивости, а следом и фобии часто возникают при поступлении на работу, где есть регламент времени, необходимость соблюдения сроков. Возможно, даже после прекращения наркотизации сохранилась тесная связь с коллективным бессознательным, которая была активирована в измененном состоянии. Шаманы ведь тоже умеют превращаться в различных, нужных для дела птиц и зверей, и алхимики могут, безусловно. То есть, мы имеем дело со своеобразной формой взаимодействия с миром. Весьма нелегкой и неудобной для терапии формой, к сожалению. В утешение коллегам могу сказать, что такое явление с развитием терапевтических отношений потихоньку свернется, наш наркозависимый клиент научится рефлексировать более «открытым» способом, причем, в первую очередь, он будет достаточно точно отражать состояние терапевта, не в пример лучше, чем свое. Слабое, конечно, утешение — наличие такого свойства у клиента, но одновременно, это и немалая ценность, важно правильно использовать ее в работе.

Из практики. Я после одного мероприятия, где двое чужих, совершенно ненужных мне мужчин на протяжении часа треплют мне нервы и достоинство абсолютно глупыми вопросами. Решаю этот мерзкий эпизод забыть. Через неделю я встречаюсь с клиентом. Совершенно неожиданно, вне контекста наших предыдущих встреч, он начинает рассказывать мне клочок из своего бандитского прошлого, как он с другом затащили какую-то девчонку в кусты и поочередно изнасиловали. ...Некоторое время спустя мы обсуждаем алхимию, я рассказываю, что средневековые алхимики умели делать глазные капли, чтоб видеть чужие тайны. Клиент оживляется на предмет поиска рецепта и немедленного изготовления таких капель для собственных нужд. Моя первая мысль: «Тебе-то они зачем?! Куда еще капли? И так все видишь». Имейте в виду, у большинства из наркоманов такие капли есть. Удивляет это странное сочетание способности включаться в скрываемое и редкой эмпатической слепоты. Наши клиенты лучше «видят» наши тайны, но простейшая рефлексия дается им с большим трудом. Подобные «капли» не помешали бы и терапевту. Рецепт капель прост: свободное ассоциирование при удержании себя «на волне» клиента. Но это не психотерапевтический прием, а сильнодействующее лекарство, важно соблюдать дозировку, в противном случае можно отравить клиента потоком своей психической продукции, да и пострадать самому. Порой сидишь перед клиентом и вдруг, ни с того ни с сего, всплывают нелепые, вроде не относящиеся к происходящему, мысли и образы. Песня, например, какая-нибудь привяжется. Полагаю, это важные явления,

зря они не возникнут, можно попробовать осторожно вытащить их на свет, т. е. озвучить происходящее. Обычно это указывает на значимый материал.

Про проективную идентификацию особо скажу. Я искренне считаю, что это прекрасное явление, которое лучше всего воспел О. Кернберг, ниспослано Высшими силами для того, чтоб нам было вокруг чего альянс строить. С пограничными клиентами она будет мешать работать, а с наркоманами очень даже поможет.

Не так важно, кого в нас видят, как важно, кого или что из нас строят. В чем настоящая потребность клиента, что он будет с результатом своего строительства делать.

Как известно, проективную идентификацию мы можем отследить преимущественно по контрпереносным реакциям. Напомню, что при проективной идентификации клиент из кожи вон лезет в то, что ему привиделось, и пытается заставить нас вести соответствующим образом. Долгое-долгое время наших с ним встреч из нас будут делать монстров самых разнообразных калибров. Здесь я опять хочу обратиться к идее коллективного сознания, в котором употребление наркотиков является девиацией, носит негативную окраску и смещено в Тень. Как бы мы ни демонстрировали свою эмпатию и расположение к клиенту, у него нет никаких оснований доверять нам, поскольку остатки здравого смысла подсказывают клиенту что, если мы нормальны, мы должны плохо относиться к нему, а если мы ненормальны, т.е., принимаем тот факт, что он употребляет наркотики, то зачем бы ему к нам обращаться? Монстры мы и шпионы, скорее всего. Какой нормальный человек будет тепло относиться к неряшливому, пахнущему химикатами грубияну? С точки зрения клиента, теплое отношение невозможно, ему в очередной раз лгут. Исходя из этой позиции, он и моделирует свое поведение, постепенно все больше вынуждая терапевта подстраиваться под свои фантазии.

Предпочитаю не заниматься до поры до времени проработкой проективной идентификации и подключать реальность. Считаю некорректным тыкать клиента носом в очевидную разницу между его мировосприятием и тем, что называют общепринятым. Интересней и полезней исследовать монстра, которого наркоман построил из такого скудного материала, как терапевт. Интересно, потому что есть некоторая порочная приятность действительно обнаружить в себе темные силы, используя инвидение клиента. Полезно, поскольку, соглашаясь следовать выстроенному образу, достаточно быстро достигается равновесная система «клиент-терапевт». А где равновесие, там и гармония. Только долго такую гармонию держать не стоит, век придуманных монстров недолог, минут через 15 их уже можно разъяснять. Клиенту это понравится, но только при одном условии — если терапевт покажет ему того монстра, которого он сделал из клиента. Не всех монстров можно «проговорить», хорошо, что существуют карандаши, краски и глина. Некоторые рисунки мы с клиентами помещаем на стену, в результате ко мне отказывается ходить санитарка убирать кабинет. А ведь она еще не знает, что эти чудовища — мои портреты...

По мере сокращения дистанции, клиент всеми силами будет стараться узнать наше личное отношение к употреблению наркотиков, имея справедливые подозрения, что собственная точка зрения его визави может отличаться от общепринятой. Не скрою, что обычно это проявляется достаточно примитивным способом. Терапевту адресуется прямой вопрос, употреблял ли он наркотики сам. На всех наркоманов не

хватит терапевтов, которые употребляли в прошлом наркотики, узнали не только светлую, но и темную сторону этого процесса, вынесли пытку инициации под названием «воздержание» и поэтому готовы к ответам на подобные вопросы. Мои коллеги обычно отвечают, что отсутствие личного опыта употребления наркотиков не мешает им помочь выздоровлению. Ответ замечательный со всех сторон, кроме одной: «Да, я тебе чужак», — говорит терапевт. Если же он человек более честный, прогрессивный или просто молодой, он начинает рассказывать, например, о своем опыте употребления марихуаны, тем самым, попадаясь на крючок к клиенту (точнее, к его внутреннему образу Наркотика) и втягиваясь в унылую дискуссию о том, «является ли трава наркотиком». Мне кажется, все это ложные ходы, которые тянут время и не позволяют добраться до сути. Несмотря на то, что у меня есть возможность обратиться к своему прошлому, я этого почти никогда не делаю. Знание о том, что терапевт употреблял наркотики, бесспорно, способствует открытости, но никак не подлинной близости. В консультировании возможность обмениваться опытом выздоровления на равных позициях — основа взаимодействия. Но я уже говорила, что такое взаимодействие может способствовать лишь весьма нестойкой социальной адаптации. В глубинной терапии, направленной на индивидуацию, социальная позиция «родственных душ» может привести к формализации и профанации процесса. Консультант — соратник, более успешный товарищ, не брезгующий и советом при необходимости. Психотерапевт, тем более аналитически ориентированный, — навигатор, наблюдатель и корректор самостоятельного процесса развития клиента. Конечно, порой приходится быть воспитателем, доктором и учителем, но в порядке проходящих, недолгих ролей, по мере надобности. Консультант стремится стать близким клиенту, а наша задача — добиться равной близости к терапевтическому процессу. Мне не кажется уместным и целесообразным делиться собственным опытом. Это была моя история, этап моей индивидуации, разве у меня есть моральное право навешивать аналогии клиенту, двигать его в направлении принципа «делай, как я»? Предпочитаю в ситуациях вопросов о наркотиках сразу озвучивать происходящее между нами. Я говорю с ним о том, что человек, который употреблял наркотики по-настоящему, в какой-то своей части навсегда отрезан и отчужден от окружающего мира, его попытки найти «своего» бессмысленны, на них не стоит тратить время. Каждый, кто не испытывал то, что испытывал он сам, — «чужой». Это касается и людей, которые употребляли наркотики, они тоже в чем-то остаются «чужие», опыт их переживаний субъективен. Вопреки принципам традиционной наркологии, которая рекомендует исключительно негативно оценивать наркотические переживания и побуждать это делать клиента, я говорю правду: те ощущения, которые ты переживал на ранних этапах своего употребления (т.е. когда еще не было проблем), не переживал никто больше в мире. Это как сновидение, которое только твое. И ты не найдешь понимания своих переживаний в этой реальности. И только после того, как мы сможем поговорить об этом экзистенциальном одиночестве с наркоманом, можно свободно говорить о том, на какую именно помощь он может рассчитывать, и в каком объеме она будет предоставлена.

«Я здесь заплыл километров на пять, сначала все было хорошо, а потом вдруг как представил себе, что это же не бассейн — океан! И, кроме меня, нет в нем ни единой живой твари... Нет, старик, ты этого не поймешь. Я чуть не потонул».

А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

Разве можно полностью понять Другого? — вопрос ниоткуда в никуда.

Но чтобы быть вместе разве нужно полное понимание? — ответ.

Отражение Дитя

«...вдруг до меня дошло, что уже в течение некоторого времени я опять слышу нечто — нечто совсем уже странное, совершенно неуместное и невероятно знакомое.

Плакал ребенок. Где-то далеко, на другом конце корабля, за многими дверями отчаянно плакал, надрываясь и захлебываясь, какой-то ребеночек. Маленький, совсем маленький. Годик, наверное. Я медленно поднял руки и прижал ладони к ушам. Плач прекратился».

А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

И вот мы добрались до его внутреннего Ребенка. Как много семинаров, тренингов, курсов, ссылок на премудрые статьи на тему «Найди и полюби свое внутреннее Дитя»! Вспоминаю, как меня несколько позабавило прочитанное у Спотница высказывание, что клиент на кушетке подобен ребеночку, спокойно лепечущему в колыбели. Сразу подумалось, что у автора, скорее всего, детей нет. Ни один ребеночек, за исключением тяжелобольных, пятьдесят минут спокойно лепетать в колыбели не будет, да еще в присутствии взрослого. Общечеловеческий опыт показывает, что дитя будет хныкать, извиваться, требовать, чтобы его вынули, просить есть, а также промокнет. И если он всего этого не получит, то разревется. Говоря об архетипе Ребенка, о креативности, нежности, чудесном происхождении, невинности, мы забываем важную вещь, на которую неоднократно указывал Юнг. Каждый архетип одной стороной повернут к Самости, а второй — к Тени. И темная сторона внутреннего Ребенка способна свести с ума самого доблестного и структурированного специалиста. Ребенок пуглив, плаксив, пачкается, берет то, что нельзя, отвлекается и не знает иных модальных операторов, кроме «хочу». Травмированный Ребенок, а именно такой он у наркозависимого, без исключений, проявляет все эти качества в полной мере. Прежде, чем мы доберемся до творчества, любопытства, умения играть, нам придется сменить не менее тонны терапевтических подгузников и скормить энное количество цистерн терапевтического молока из нашей многострадальной терапевтической груди. Причем грудь будут грызть, а качественное и полезное молоко срыгивать на наши же костюмы, галстуки и туфли. Правда, работа в клинике позволяет носить белый халат. Но лучше, чтобы клиент с самых первых дней знакомства не путал нас с врачами. Задача у нас другая — сопровождать, а не лечить.

Много молодых психологов пришли работать с наркоманами с идеей кормить, нянчить и растить внутреннее Дитя клиента. ...Уходили они с идеей о необходимости эвтаназии некоторых категорий граждан. Чаще всего из наркологии психологи уходят в бизнес — так кажется спокойнее. У меня есть свои хитренькие приемы для кадрового отбора. Я спрашиваю начинающего терапевта: «Что ты хочешь сделать с

клиентом?». Спрашиваю каждый день. И если на протяжении месяца я не услышу ответа: «Хочу выбросить его в окошко» (или нечто, близкое к этому), то предлагаю уволиться. Приходится демонстрировать власть, данную мне государством, поскольку нечестным людям в нашем ремесле нечего делать, они клиентам вредят.

Терапевтам женского пола немного легче справляться с внутренним Дитя клиента. У них архетипически заложено знание о том, что дети — это не только кружева, коляски и беззубые улыбки, но и все неприятности, которые я перечислила выше. К сожалению, это единственное тендерное преимущество в нашей деятельности. Ныне популярный, хотя и регулярно попадающий в опалу, семейный терапевт Б. Хеллипгер считает, что с наркоманом может работать только мужчина, без исключений. Он мотивирует свой постулат тем, что проблема употребления наркотиков всегда тесно связана с нехваткой отцовской фигуры. Утверждения, в которых изобилуют «всегда» и «только» для меня всегда и только сомнительны, спектр семейных историй наркоманов разнообразен, немало случаев и с достаточно сильно выраженной мужской фигурой в семейной системе клиента. Но в чем-то Хеллингер прав, конечно. Чтобы организовать, удержать и сделать функциональным терапевтическое пространство, необходима маскулинная энергия, причем в достаточном количестве. Часто я думаю: хорошо, что у меня хоть Анимус присутствует, частично компенсируя отсутствие физических маскулиных признаков.

Когда мы доходим до стадии работы с внутренним Ребенком, нас может шокировать высочайший уровень агрессии, который клиент проявляет к самому себе, реже агрессивен в нашу сторону, что я расцениваю как менее удобное, но более зрелое поведение. Эта стадия опасна в отношении реализации аутоагрессивных тенденций, самого разного калибра — от анорексии до самопорезов. Нарастает вина, ощущение своего ничтожества, чувство бессмысленности происходящего, возникает побуждение что-то делать, чтобы заглушить переживания, пусть даже болью. Когда наш клиент сталкивался с теневыми сторонами собственной «взрослой», т.е. существующей на данный момент личности, картина не выглядела драматичной. Он привык, что он плохой — у него плохая Персона с плохим поведением, его отвергает общество, он преступник, его ненавидят близкие, т.е. к нему плохо относится мир. А чем глубже и глубже он уходит в себя и осознает собственную уникальность, тем больше у него брезжит надежда, что внутри он хороший, все, что с ним случилось, — результат нарушенных ранних объектных отношений, отягощенной наследственности, дефектов Супер-Эго... и все, что угодно, в зависимости от квалификации и предпочтений его терапевта. А тут вдруг обнаруживается загаженная люлька, и в ней не менее загаженный *infant terrible*. И это пренеприятнейшее чадо моментально начинает общаться с внутренним ребенком терапевта. Терапевт же, в свою очередь, мог до поры до времени пребывать в уверенности, что уж его-то внутренний ребенок в полном порядке, весел и симпатичен. Как бы не так! И у нашего внутреннего ребеночка, оказывается, есть теневая сторона. Гадкие и противные дети начинают драться. Вниманию супервизоров! Начинается занятная игра.

Теоретически, кажется, что, как только наш клиент начинает проявлять свое внутреннее Дитя, нам бы положено встать в комплементарную позицию и стать ему Родителем. А на практике мы абсолютно незаметно для себя влетаем в конкордантный (совпадающий) контрперенос, позиционируя себя с детской позиции.

Происходит распространенная в детской среде забава под названием «Дурак — Сам дурак». Возникает конкуренция с регрессивных позиций, т.е. не дающая ни победы, ни поражения, ни сознания своей силы, ни признания слабости, т.е. не развивающая, поскольку онтогенетическое время такого противостояния прошло для обоих участников терапии. Игра реализуется из одной сессии в другую, терапевтическое пространство простаивает, движение останавливается. А дети все дерутся. Я придумывала разные сложные, громоздкие объяснения — отчего происходит эта часто повторяемая ошибка — реагировать ребенком на ребенка... Сейчас полагаю, что ответ простой. Наш собственный внутренний Родитель чаще всего не слишком здоров, не очень силен, соответственно, не готов к принятию и выныриванию «плохих детей». Почему? Потому, что, если бы он был в порядке, мы бы не стали работать с наркоманами. Достаточное количество психотерапевтов глубинной терапией с сильно разрушенными клиентами не занимаются. А мы слышим внутри себя призыв Раненого целителя, приводящий нас в наркологическую клинику. При встрече с детской частью клиента у нас активизируется наиболее энергетически заряженная структура — т. е. ребенок. Облюбленный и перевоспитанный семьей няньками, и, соответственно, одноглазый. Ходили же мы на тренинги личностного роста в прошлом веке и на личную терапию в нынешнем. Там нас учили и учат любить внутреннего ребеночка и давать агрессивный отпор деструктивным внутренним родителям. Неприглядная картинка чудесной семейки внутреннего мира терапевта: слабый, забитый личной терапией родитель, одноглазый воображающий себя всемогущим ребенок, разный мелкий люд невыясненного происхождения, наконец, зрелая разумная часть — профессиональное Я, которое просто не способно работать в такой обстановке. А работать надо, причем оставаясь взрослым. Вот почему регулярная супервизия не только «важная и неотъемлемая часть психотерапии», а еще и клуб, куда профессиональное Я выезжает отдохнуть от «семьи» и пообщаться со зрелыми людьми. Отсюда вывод по выбору супервизора — он должен нравиться вам, а вы — ему. Так и выбирать надо. Нечего смотреть на стенки, где обозначены его регалии и достижения. Тот, с кем приятно общаться, кому вы доверяете, увидит больше, чем тот, кто умнее и опытнее. Приняв решение работать с наркоманами, вы уже ввязались в безумное мероприятие, и не чужой интеллект станет вам наилучшим помощником, а способность сопереживать, интуиция и личная симпатия.

Отражение Я

Про взрослую часть личности наркомана много не скажешь, Эго подавленно иррациональными силами, находится у них в подчинении. Все, что разрешается репрессированному Эго — рационализировать, как я уже говорила.

Отражение Былого

В анализе прошлого, еще совсем недавнего опыта клиента хорошо бы постараться не свернуть в бесплодную пустыню.

Дело в том, что «здесь-и-сейчас» нашего клиента разительно отличается от его «там-и-тогда». На первый взгляд, аналогий очень много. Мне вспоминается случай, когда я, молодая и задорная, выступала на одной из психотерапевтических конференций, где делала доклад «Психодрама с инопланетянами». Под инопланетянами я подразумевала, конечно, своих многострадальных алхимиков. Поскольку дело происходило в среде психодраматерапевтов, мне захотелось и кое-что показать. Предварительно важно сообщив о том, что диалог с Наркотиком, как прием психодрамы, обычно заводит в тупик, поскольку ни отреагировать агрессию, ни оплакать потерю клиент не может в связи с отсутствием ресурсов, я продемонстрировала картинки из опыта. Один участвующий на ворк-шоупе господин, остепененный и сертифицированный, конечно, начал снисходительно доказывать мне, что надо было всеми правдами и неправдами (последними — больше) доказать клиенту, что его взаимоотношения с Наркотиком как две капли воды напоминают его взаимоотношения с мамочкой. И тогда, и сейчас спорить с авторитетным господином я не стану. Здесь уже была возможность сказать о разнообразии подходов, и о том, что каждый все равно будет придерживаться созвучных его душе принципов. У меня не получается свести весь прошлый опыт клиента исключительно к последствиям негативных и травматичных детских переживаний. Думаю, не все подлежит упрощению. Предпочитаю в процессе терапии наркозависимого никогда не забывать о том, что взаимоотношения с матерью и ранние детские травмы — это одна часть работы, требующая одного почерка и методов, а взаимоотношения с Наркотиком — принципиально и методологически иная. И начинать нужно с того, что крепче держит клиента за горло, «не дает дышать».

Ошибаться чревато последствиями — мы можем увлечься исследованием детских переживаний, клиент азартно подхватит инициативу, поскольку прошлое субъективно кажется безопаснее, да и есть возможность вызвать сострадание терапевта, описывая тяжелые переживания себя маленького. Причем, сострадание терапевта — вещь, клиенту очень необходимая, как возможная индульгенция в случае срыва, т.е. употребления наркотика. Так вот, пока мы будем исследовать прошлое, интроект Наркотика придушит клиента, символически, конечно, перекрыв все пути энергии, необходимой для развития. Мы будем на терапии вспоминать детсадик, а после сессии клиента охватит выраженное влечение к наркотику. ...И с этим влечением он останется наедине. А позже выяснится, что уже на сессии были признаки психического дискомфорта, которым следовало уделить внимание. Слабо рефлексирующий наркоман сообщит нам об актуализации влечения невербально: будет ерзать, трогать вены на кистях рук, почесывать места инъекций. Причем, продолжая повествовать о взаимоотношениях с воспитательницей и детишками. Иногда мы, непонятно чем руководствуясь (вытеснением, скорее всего) не обращаем внимания на эти особенности поведения, увлекшись речевой продукцией. Время редукции наступит только после того, когда вычурное наркоманское «здесь-и-сейчас» клиента будет распознано, локализовано и признано. Понято — это уже на грани фантастики. Уже говорилось, что понять практически невозможно, да и необязательно. Поясню примером важность адекватной расстановки приоритетов. Представьте себе, что к вам пришел клиент, которому злые люди отрубили руку. Вы выясняете, что мама приучила его доверять всем людям, особенно людям с топором.

Поэтому, когда пришли люди с топором, он пошел за ними и дал отрубить себе руку. Неделя за неделей вы роетесь в его взаимоотношениях с мамой, добываете агрессию на нее, без труда доказывая прямую корреляцию между отсутствием руки и маминым педагогическим мировоззрением. Вы тратите время на этот привычный и интересный процесс, забывая о том, клиенту-то сегодня жить надо, и жить — однорукому. Овладевать профессией, где не нужна вторая рука, оптимально использовать оставшуюся конечность, заниматься физкультурой, чтобы сохранить осанку и равновесие и т.д. И это надо делать сейчас. Так и с наркозависимым. Взаимоотношения с утраченным сновидным миром, роль клиента на этой некротической планете, которую называют «химическая зависимость», боль привыкания к общепринятой реальности — вот что важнее всего на первом этапе терапевтического альянса. Про маму будет потом. Главное, чтоб это потом состоялось.

Отражение Тела

«Да, видно, нелегко ему здесь пришлось. Планета старательно жевала и грызла человеческого детеныша, но, видимо, привела-таки его в соответствие с собой».

А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

Соматика и психосоматика, нудные многочисленные жалобы — так соблазнительно соскочить на привычные рельсы, мол, внимания просят клиенты. Но они болеют взаправду. Болеют часто, долго и упорно. Пропускают сессии, шмыгают носом, ковыряют болячки, ежатся и порываются уйти пораньше. Им плохо. Можно, конечно, открыть книгу из серии «Пойми, о чем говорят болезни», найти симптомы и проинтерпретировать их клиенту. Таким образом, вы породите множество материала для работы, терапевтическая ценность которого невелика. Психологически значимы не отдельные симптомы, а болезненное состояние в целом. Бурная манифестация соматики в терапии указывает на мощность процессов трансформации, происходящих внутри. Эта трансформация не только на психическом уровне, но и физиологическая перестройка. Одна опытная доктор-невролог придумала замечательную метафору, для объяснения многочисленных болезней наркоманов: они приживаются, как пересаженные цветы. А пересаженные цветы, как известно, долгое время никнут и вянут.

Коль скоро этап болезней неизбежен, и клиент, несомненно, будет по этому поводу тревожиться и злиться, надо как-то реагировать. Иногда их, болящих, жаль, иногда они раздражают, иногда поддаешься собственной паранойе — не диверсия ли это против терапии? Нет, я считаю, что телесные страдания — необходимое условие инициации, и активизация соматического неблагополучия сигнализирует о вхождении на этот сложный этап. На поверхности клиент демонстрирует потребность в сочувствии, практической помощи, советах, иногда требует послаблений, каких-либо льгот в рамках сеттинга. Но его Самость, жаждущая развития, ожидает от терапевта компетентной сильной поддержки. На этом этапе мы становимся старейшинами племени, наблюдающими за иницируемыми. Внимательное изучение ритуалов инициации в истории человечества показывает, что только внешне испытания проживаются иницируемым в одиночестве. Реально существует

невидимая поддержка старших, проявляющая себя лишь в ситуации опасности для жизни. Но иницируемый должен считать, что он один на один с препятствиями. Обсуждая с клиентами их страдания, я подчеркиваю, что трансформироваться больно, этой боли невозможно избежать, если стремиться к глубоким изменениям себя. Больно гусенице, когда она уже обмоталась шелком, больно одуванчику обдирать, прорастая, нежные лепестки о жесткий асфальт, больно змее сбрасывать кожу — наверное, больно, хотя никто из них не стонет и не останавливается, несмотря на риск. Все обряды инициации сопровождаются болезненными вторжениями, ранениями, порой пытками. Иногда иницируемые кричат. Обычно это прощается, но не считается настоящим успехом. Для перехода на более высокий уровень, важно прожить боль, стиснув зубы. Всю боль, начиная от абстиненции («ломки») и обязательного посещения стоматолога, заканчивая болью принятия себя. Он может и должен говорить вам о том, как ему больно и невыносимо, пищать сколько угодно, потому что на этом этапе вы — его поддерживающая сильная часть, содействующая изменениям, и можете помогать ему переносить и удерживать переживания. И в то же время, именно ваша задача — призвать его к мужеству и терпению. Препятствия не делятся бесконечно.

Он пришел к вам за подлинными изменениями, ему нужны будут сила, воля и свобода. Ему будет трудно. Меня не устраивает концепция терапии зависимостей, при которой предполагается «дотянуть» клиента до невротического уровня (неизвестно, каким образом), и потом работать, как с невротиком. Еще меньше меня устраивают призывы помочь наркоману снизить притязания и функционировать на минимальном, почти инвалидном уровне, ни к чему не стремясь, ничего не желая. Я считаю бесчеловечным регулируемую выдачу наркоманам наркотиков в течение всей жизни, хотя этот способ и признан экономически целесообразным в ряде европейских стран. Это обрекает их на существование в клетке внутренней тюрьмы, без надежды на освобождение. Я верю в Самость. Я верю в то, что человек рожден, чтобы быть сильным и здоровым. Я знаю, что у каждого из живущих есть потребность в полной реализации себя, и, удовлетворяя эту потребность, мы становимся свободными. Долгий, жестокий, болезненный путь, препятствия, враги, потери. Только так. Свобода стоит трудностей. Если терапевт сам не верит в безусловную ценность свободы, вряд ли он сможет сопровождать наркомана на пути его индивидуации. «— Нет, — сказал Малыш, — у меня много вопросов к тебе... Но я не буду сейчас спрашивать. Сейчас плохо. Ты не можешь ко мне, я не могу к тебе, слов нет. Значит, узнать все про меня ты не можешь. Значит, не можешь уйти. Я прошу тебя: думай, что делать. Если сам не можешь быстро думать, пусть думают твои машины в миллион раз быстрее. Я ухожу. Нельзя размышлять, когда разговариваешь. Размышляй быстрее, потому что мне хуже, чем вчера. А вчера было хуже, чем позавчера». А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

Отражение Любви

Сексуальность. А про нес писать нечего. Много вам известно о сексуальной жизни алхимиков? Видели когда-нибудь книгу «Любовницы Парацельса»? Или подобную. Ну, есть какая-то Золотая Дева в алхимическом процессе, но иметь ее телесно не

рекомендуется, она необходимый соучастник изготовления зелья. Ее задача заключается в том, чтобы зарядить эротическими эманациями делателя без прикосновения к нему. Подобная дева обычно присутствует и в современной алхимической кухне. Ее задача мало изменилась с веками. Но вот действия весьма своеобразны: она должна мыкаться под дверь кухни и периодически оглашать пространство мольбами: «Гриш, ну скоро ты там!? Вмазаться хочется, сил нет!» Далее, в рамках жанра. Алхимик произносит несколько сакральных заклинаний в адрес девы, но процесс существенно ускоряется, поскольку изготовитель начинает пребывать в предвкушении уже разрешенного плотского общения с девой, которую золотой можно назвать только слишком образно. Дев может быть несколько, так даже лучше. Например, изготовители и потребители амфетамина могут часами рассказывать вам о прошлых сексуальных оргиях, в том числе и о групповых. Как человек неискушенный и наивный, вы можете поверить и даже углядеть в этой вербальной продукции перенос сексуальных чувств на вашу персону. Не стоит обольщаться. Большинство повествований вам дионисийских мистерий существует лишь в фантазиях наркомана.

Попытка поделиться ими с вами — хороший признак, указывающий на наличие доверия, а также на желание эпатировать вас, очередная проверка на прочность: не прогоните ли. Больше никаких посланий откровения такого рода не содержат. Личное бессознательное наркомана искажено настолько, что идея соблазнить и возбудить другого человека без добавления химического вещества не предполагается даже как гипотеза. Тело наркомана долго-долго будет отчуждено, от него самого, да и от вас. Соответствующим образом, отчуждены и телесные импульсы. Единственный способ тела связаться с душой — болеть, о чем я уже повествовала выше. Загадка, на первый взгляд пошлая: Юноша стоит со спущенными штанами, перед ним на коленях девушка. Что они делают? Наркоманы со стажем разгадывают вмиг — девушка помогает парню уколоться в паховую вену. Вот так, никакого секса и пошлости, только рентные отношения.

А где Либи́до?

Грезы девушки-наркоманки, признание в которых состоялось спустя 10 лет. Мой психотерапевт медленно подходит ко мне... Шепчет «Не бойся», он снимает с меня кофточку... — все пока по плану, правда? — бережно берет мою руку, ласково сжимает выше локтя... облизывает взбухшую вену... в другой руке у него шприц... он вмазывает меня... — w что дальше? — Психотерапевт уже несколько разочарован, но все еще надеется на более интересное продолжение. И... ничего... может быть... вы вмазываетесь вместе со мной... не знаю... Все, конец истории. Вот так выглядит эротический перенос. А про фаллическую символику шприца и сомнительные аналогии по поводу сходства прокалываемой кожи и дефлорации можете интерпретировать сколько угодно. Только клиенту своими интерпретациями лучше голову не морочить. И вообще: чем позже начнутся интерпретации вслух, тем лучше. Несвоевременные ранние интерпретации, хоть краешком касающиеся темы сексуальности, вызовут сильное беспокойство и лавину стыда. В структуре личности наркомана всегда присутствует тревожность, присутствует уже как черта характера. А тревожности, как известно, только повод найди. Инициированная некорректной терапией тревога достаточно быстро становится ажитированной, переходит в ужас,

клиент убегает без оглядки. Куда? Известно, куда — откуда пришел, к наркотикам, в алхимическую кухню, в мрачные грезы, словом, на дорогу к неотвратимой гибели. Кстати, достаточно важный этический вопрос — удержание в терапии. Надо ли предпринимать какие-то специальные действия, чтобы помочь наркоману остаться в чуждом и опасном для него мире терапевтического пространства? Надо. Помочь надо, порой демонстрируя силу. Не сомневаюсь, что никто из профессионалов не спутает силу духа, твердость и убежденность с насилием и шантажом. Хотя вариации на тему «Уйдешь — помрешь» случаются.

«Стыдно признаться, конечно, но я испытывал страх. Собственно, это уже был не сам страх, это были остатки пережитого страха, смешанные со стыдом».

А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

Каждый терапевт владеет своими способами создания безопасности, клиентской и своей. Здесь не может быть ни рецептов, ни советов. Я включаю некий индикатор тревоги, ловлю самые крохотные сигналы нарастающего беспокойства. Обычно они представлены в достаточно замаскированном виде. До сих пор терзаю себя за один ляп, который допустила семь лет назад. Я тогда ощущала себя достаточно профессионально продвинутой, Юнга читала, супервизию проходила. Должна была бы понять, что к чему. Как известно, растущее ощущение собственной компетентности, наилучший момент для совершения очевидных ошибок. Парень, который уже два месяца достаточно адекватно шел в терапии, вдруг начал мне рассказывать о взрыве автозаправки, который имел место неподалеку много лет назад. Я предположила, что это про агрессию, возрадовалась, начала всячески стимулировать процесс изложения материала, и упустила маленький штришок из сюжета — в рассказе клиент мельком упомянул, что некий молодой человек скончался в больнице от ожогов. После того, как пролежал два месяца. Тут надо было и поговорить о том, можно или нельзя умереть от психотерапии, т.е. от чувств, которые актуализировались в процессе. Прозевала я тогда тревогу. Сорвался этот парнишка, вернулся много позже.

Каторжный труд, безусловно, всякий раз задаваться вопросом, про что то или иное явление. Например, часто повторяемый рассказ о пытках в милиции, которым в прошлом, со слов, подвергался клиент, про что — он хочет, чтобы я его наказала? Или боится боли? Или измучен процессом терапии? Или пожалеть его нужно? Но про милицию понять легче — это неотъемлемая часть коллективного сознания, проще не ошибиться. А вот как интерпретировать назойливый вопрос: «Почему у Вас в кабинете сосновые шишки?» Спрашивают именно в момент нарастания тревоги. В кабинете есть еще много чего, но шишки всегда почему-то находятся в зоне особого внимания. Ни один алкоголик не обратил на них ни малейшего внимания, за все годы моей работы. Загадочные шишки приманивают только наркоманов, причем конкретно в тревожный период. Пока тайна шишек мной не разгадана, но версий было много.

Достаточное количество психоаналитических коллег сравнивает навязчивое употребление наркотиков с мастурбацией. Но символика акта приема наркотиков, с ее первобытной ритуальностью, системой знаков и обязательным присутствием вещества алхимического происхождения в совокупности с преобладанием примитивного мышления (причем я не беру в расчет галлюциногенные

переживания) показывает нам, что речь идет о более сложном явлении. Известно, что мастурбация — дело одинокое и плавающее на уровне между сознанием и личным бессознательным. Акт наркотизации требует вовлечения сил коллективного бессознательного, сознание же выполняет скромную роль прислуги, обеспечивающей поведение: основу продукта добыть, место найти, пузырьчики-колбочки приготовить, да и все этапы процесса Великого Темного Делания исполнить. Личное бессознательное задействовано незначительно. Примат коллективного бессознательного—это уже Одержимость. Даже не Obsessia, при которой сохраняется чуждость навязчивых действий. Нет у активно употребляющего наркомана ощущения этой чуждости, напротив, если ваш клиент достаточно открыт, он скажет, что верно, действовал, будто под влиянием каких-то мощных сил, но чувствовал себя при этом в полной с ними гармонии.

Признания в любви, пылкие письма, интерес к интимной жизни терапевта в наркоманском клиентском случае имеет отношение не к переносу, а к попыткам приблизиться, используя социально знакомые способы. В контрпереносе терапевт ощущает неестественность, «сделанность», как будто играешь некую нелепую роль или выполняешь ненужную работу, типа написания годового отчета. Необходимая фальшивка — вот подходящее название. Бывают исключения, но не часто. Попытки зацепиться за этот любовно-романтический материал и внести его в терапию обычно бесплодны.

Отражение Богов

Итак, мне хотелось донести следующее — что кажется переносом, на самом деле псевдоперенос. Как же выглядит настоящий, энергетичный, заряженный наркоманский перенос? Он есть тогда и только тогда, когда на терапевта переносятся чувства, адресованные к наркотику. А наркотик в психике наркомана сродни языческому богу.

И вот тогда в контрпереносе ощущаешь власть, способность менять ситуацию в нужную сторону, порой упиваешься всемогуществом. Это субъективно достаточно приятно, можно увлечься, отрастить себе мана-личность, и, как следствие, оказаться в инфляции. Очень не хочется переходить на личности, но примеров более чем достаточно. В одном далеком городке некий доктор, решив лечить наркоманов, сваял себе персону чуть поменьше Перуна, но побольше Муна. Он стал таинственным и недоступным, хватал и тискал наркоманов, ронял их на пол, наказывал и ласкал, непредсказуемо, конечно. Когда адепты доходили до нужной кондиции, под громкую магическую музыку, громким голосом он вещал запреты и наставления. Для пущей сакральности наркоманам вводилось вещество, названное «персонально разработанным препаратом», который продается в любой аптеке без рецепта, причем доза давалась такая, которая вызывала сильные физические мучения и устрашающие галлюцинации. На пике этих страданий директивная суггестия в стальных объятьях терапевта многократно повторялись. Все, клиент считался новым человеком. Разумеется, достаточно долгое время, этот доктор пользовался успехом. Как Гудвин, Великий и Ужасный. История еще не закончена, но уже предreshена. Наступает период, когда богов свергают. Перуна забрасывали камнями, например. Сейчас этот

доктор лечит алкоголиков и переедающих женщин. Наркоманы к нему уже не едут. Было множество попыток со стороны психотерапевтов призвать его к ответственности, бесполезно. Но опыт показывает, что жизнь сама все ставит на место.

Лучше вернуться к теме адекватного использования переноса. Итак, при развитом переносе наркоман наделяет нас властью и способностью давать/отнимать приятные ощущения. Вот мы и пришли к знакомой картине про маму и младенчика. Добрелись, как говорит одна девочка — т.е. доплелись и добрались. Чтобы использовать перенос с максимальной пользой, неплохо учесть некоторые специфические моменты, которые помогут поддерживать нужное для развития клиента напряжение.

Для тех, кто только начинает работать, я составила рекомендации, некий свод правил язычески-терапевтических богов: не быть постоянно доступным (на стадии переноса терапевтические отношения достаточно созрели и это неопасно), т. е. телефонные звонки нежелательны; письма писать можно, но отдавать на сессии; границы сеттинга обставляются каким-либо ритуалом, для каждого клиента своим, причем ритуал — тайный; терапевт ведет себя достаточно спонтанно, порой совершает неожиданные поступки, вызывающие у клиента удивление и любопытство, но не страх; оставаясь спонтанным, терапевт реагирует на потребности клиента и соблюдает временные рамки; терапевт периодически фрустрирует клиента, исходя из его (клиента) возможностей; наконец, терапевт, рефлексировав приятность роли полубожественной фигуры, все больше поддерживает зрелое поведение клиента, помогая сепарироваться.

Удивительная вещь — то, на что уходят месяцы и годы уложилось в несколько строк. Понятно, почему так мало наркозависимых в глубинной психотерапии и так много желающих получить лечение по типу «раз-два». Месяцы и годы тратить не хочется никому, ни наркоманам, ни их близким. Это вечная задача — как объяснить, что между подлинным выздоровлением и просто воздержанием от наркотиков существует огромное расстояние. Это качественно различные состояния. Есть только один аргумент: в настоящей терапии у тебя не отбирают наркотик, ты сам оставляешь его и берешь свободу. Свободу быть собой. Но как мне объяснить, что за один миг свободы не жалко ни времени, ни сил?

Отражение Игры

Дальше я предполагаю рассказать пару способов работы, которые могут пригодиться в психотерапии с нашими алхимическими клиентами, а также устроить пресс-конференцию сама с собой, чтобы ответить на вопросы, которые чаще всего обсуждаются профессионалами, имеющими дело с наркозависимыми.

Наверное, главное, о чем хотелось сказать — человек, употребляющий наркотики, одержим. Его душа отдана на волю сил коллективного бессознательного, но, в отличие от психотика, ему дано проклятье видеть и в большей степени воспринимать реальность. Нахождение в таком мире активизирует архаичные способы функционирования. Как наивно считать, что с прекращением химического воздействия они дезактивируются сами собой. Меня продолжает удивлять молчание ученых на эту тему. Очень много феноменов, присущих наркозависимым не

обсуждают, словно соблюдают некое табу. Почему так называемая игломания (наслаждение от внутривенных инъекций) не проходит и через пятнадцать лет после прекращения практики наркотизма? Как понимать необъяснимую способность испытывать приятные ощущения от веществ, которые по химическому составу просто неспособны их дать? Нет ответа. Отчего, даже при адекватном адаптивном поведении и хороших способах совладения со стрессами, в психике наркомана, вне зависимости от срока ремиссии, продолжают существовать и действовать примитивные защиты и возможность легко перескочить на первобытное мышление? Какая-то часть души наркомана навеки осталась там, в темных кухнях, вдыхает тяжелый запах фосфоро-йодного дыма, щелочит, отбивает, трепещет, предвкушает... Старый больной алхимик, к которому уже никто ни зачем не приходит...

Так и хочется выразиться банально — надо работать с архетипом Алхимика у наркоманов. Но я так выражаться не буду, каких только нет архетипов в современной аналитически-ориентированной литературе. Скажу проще — надо дать внимание и работу внутреннему алхимику, безумному, но активному старичку-ветерану химико-органического фронта, занять его полезным делом. Итак, я рассказываю клиенту, что помимо добычи философского камня и волшебного человечка, алхимики делали много других штук — пятновыводители, приворотное зелье, лекарства, оживляющие мертвых. Спрашиваю: «Что бы хотели приготовить Вы? Придумайте ингредиенты и способ приготовления, условия и прочее». Если клиент интеллектуально продвинут, предлагаю в качестве домашнего задания написать рецепт так, как его излагали древние, т.е. метафорически. Чтоб простые смертные не разгадали. Если надо — можно изготовить прямо на сессии понарошку, используя краски, например. Затем — обсуждение. Часто встречающиеся рецепты: лекарство от ВИЧ-инфекции, капли для мамы, чтоб не приставала, сыворотка невидимости. Но однажды я попала в опасную ситуацию. Один творчески одаренный юноша изобрел зелье, способное воздействовать на волю терапевта. «Чтоб психотерапевт делал все, что я хочу», — так он выразился. Зелье, якобы, универсально. Рецепт я, конечно, изъела, половину уже расшифровала — там задействованы спички, цветы и ногти мертвеца. Скоро я его расшифрую полностью. Есть опасения, что зелье действует, но это тема моей супервизии.

Эта игра, помимо ублажения алхимического безработного старичка, развивает блокированное умение мыслить символически, воображение, а также креативность. Что касается активации магического мышления (в чем меня упрекнули однажды), то оно присутствует в любой игре, даже в салочки.

Вторая незатейливая игра — рисуночная. Она посвящена совместному исследованию терапевтического пространства. И терапевт, и клиент, рисуют каждый на своих листах, что угодно. Есть правило — оставить верхнюю треть листа пустой. Время выполнения — 10 минут, лучше в конце встречи. Листы друг другу не демонстрируются, а прячутся. Затем, в следующий раз, процедура повторяется. Получено четыре рисунка, которые располагаются крестом. Пространство в середине — пустое. Терапевт склеивает крест — это его задача, скреплять пространство, аккуратно сворачивает и отдает его клиенту, предлагая дома заполнить середину таким образом, чтобы общий рисунок получился сюжетно — связный. Очень тревожным клиентам я разрешаю рисовать на сессии, но предупреждаю, что

разговаривать с ними, пока рисуют, не буду. Затем — совместный анализ полученного. Открытость в интерпретациях здесь уместна до уровня некоторого напряжения, но никак не тревоги. Маркировочный вопрос клиента, свидетельствующий о беспокойстве: «А Вы бы что нарисовали?». Отвечаем по ситуации. Можно заметить, что чем больше места в психическом пространстве отдается образу наркотика, тем больше клиент оставит пустого места, рисунки его будут словно жаться, тесниться. Можно обратить на это внимание клиента, но заставлять заполнять рисунками пустоту и, тем более, изображать самим наркотик не стоит.

Домашние задания хорошо давать на период перерывов. Тем самым мы сохраняем взаимосвязь. На перерывы наркоманы реагируют, как и все клиенты, только более недоверчиво, параноидно даже. Я уже рассказывала о фантазиях брошенности. Мир нашего клиента нестабилен, он внутренне готов все потерять; предложить какое-либо задание на время своего отсутствия — дать хотя бы непрочную, но гарантию своего возвращения. Некоторые коллеги дают на время перерыва некий переходный объект — сувенир, книгу. Но наркозависимые сами способны стянуть из кабинета какую-нибудь вещь, если возникнет потребность. Такая проблема присутствует в нашей практике, чаще, чем у детских терапевтов. Мелкие кражи — тема отдельного обсуждения, здесь достаточно говорилось о тревожности. Предпочтительней, чтобы роль переходного объекта выполняла деятельность, что более зрелый способ, помогающий пережить разлуку. Рекомендую книгу или фильм, я часто прошу клиента написать свои мысли, но многие воспринимают это как наказание, ведь они еще вчера ходили в школу и писали сочинения. Обижается клиент: покинули, да еще и наказали. Так что с письменной деятельностью получается неважно.

Очень много полезных аналитических «игрушек» можно изобрести, обратившись к книге В.Коронова «Неизвестные и малоизученные культы» (М., 1999). Оттуда я взяла идею прекрасно работающей игры, направленной на исследование Тени — Черная Бабочка⁴ (О. В. Власова, А. С. Щербаков. Полет Черной Бабочки // Психодрама и современная психотерапия. Научно-практический журнал, № 2—3. 2006. ее. 57-65.). Но эта игра все же предназначена для групповой работы и ее описанию здесь места не найдется.

Отражение Вопросов

Теперь я коротко отвечу на несколько вопросов, хотя здесь мне их никто и не задавал. А вдруг зададут? В этом отношении я тоже, как и наши клиенты, человек тревожный, хочу многое предусмотреть.

Как часто встречаться, и какова продолжительность сессий? Оптимально, на мой взгляд, три раза в неделю пер-вые 1,5—2 года. Затем можно реже, у клиента появляется множество других занятий, кроме, как ходить к терапевту. Дело-то молодое! Возникают увлечения, знакомства.

Продолжительность встреч обычно нарастает постепенно, первые 2-3 месяца больше 30 минут клиент не выдерживает. Позже «догоняем» до традиционных 50—60 минут. Специфика работы с ВИЧ-инфицированными. Ее просто нет, этой специфики. Любой клиент может чем угодно заболеть. Могу сказать только одно — если вы неспособны

откусить мороженное после ВИЧ-инфицированного, держитесь от него подальше. С архаичным страхом заразы работайте со своим аналитиком, а уж потом выходите к клиенту. Иначе он почувствует ваше беспокойство и воспримет его, как отвержение. Ну, пожалуй, если у меня насморк, я надеваю маску — такой дивный возникает материал! Терапевт в маске! Клиенту тоже можно предложить маску и воспользоваться ситуацией, чтобы пообщаться «без лиц». С больными СПИДом обязательно говоришь о смерти, конечно. Следовательно, эта тема должна быть проработана лично.

Сновидения наркомана. Ничем не отличается от работы со сновидением кочегара или сновидением нанайца. Но первые полгода, а то и дольше, я клиенту сны не интерпретирую, еще не выросли зубки, которыми он смог бы прожевать полученное. Просто побуждаю рассказывать, рисовать, описывать. И его интерпретацию не прошу, по той же причине — не перекармливать информацией, не стимулировать избыточное фантазирование, которое способствует различным страхам и аутизации мышления.

Пришел в состоянии наркотического опьянения. Как пришел, так и уйдет. Я готова работать с образом наркотика в его душе, но совсем не чувствую готовности встречаться и взаимодействовать с реальным химикатом. Из подсмотренного: Пьяный дядька, простой такой, пришел на прием к моему учителю. Между ними возникает интересный диалог, а дядька пьяный, как говорят, в хлам. Психотерапевт: «Я не могу разговаривать сейчас с вами, мы на разных позициях, не поймем друг друга!» Дядька: «Ммм???» П.: «Чтобы понять друг друга, или тебе надо протрезветь, или мне напиться». Дядька (оживляется): «Так напейся, Сергеич, давай я тебе налью!» Наркоман, конечно, нам ничего не предложит, будет скрывать, подозревать в зависти и пр. Поэтому, чтобы не уподобляться его родственникам, которые начинают злиться, допрашивать, читать нотации, я вежливо отказываю во встрече, без объяснения причин. Объясниться можно позже, когда клиент протрезвеет. Свое отношение к ситуациям подобного рода прорабатываю на супервизии.

Не пришел и не позвонил. Сама позвоню.

Очень многому, кстати, можно научиться у детских терапевтов. Что для нас регрессия, для них — нормальная возрастная стадия. Поэтому они часто могут помочь в вопросах на тему, где уже начинать волноваться, а где повременить.

Ну, все, я иссякла. Как всегда, есть ощущение, что не сказала и малой доли того, чего хотела. Не знаешь, как закончить, чтобы изложенное не выглядело оборванным, лишенным логического завершения. Пусть это сделают Стругацкие, которые помогали мне все это время.

«Перспективы ослепляли нас. Туманные, неясные, но ослепительно радужные. Дело было не только в том, что впервые в истории становился возможным уверенный контакт с негуманоидами. Человечество получало уникальнейшее зеркало, перед человечеством открывалась дверь в совершенно недоступный ранее, непостижимый мир принципиально иной психологии...».

А. и Б.Стругацкие, «Малыш».

Луиджи Зойя

Наркомания. Патология или поиск инициации?

Издательства: Добросвет, КДУ, 2007 г.

Мягкая обложка, 208 стр.

ISBN 978-5-98227-234-6

Тираж: 1000 экз.

Формат: 60х84/16